

84(2-411.2)6
3-48

Зеленые яблоки

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

07P

84/2 = 411.2/6
3-48

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ГОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт гуманитарных наук

ЗЕЛЕННЫЕ ЯБЛОКИ

Сборник повестей,
рассказов и стихов слушателей
Школы литературного мастерства
Владислава Крапивина
при Тюменском государственном
университете

№ 6 1 кч

149280/2

Тюмень
Издательство Тюменского государственного университета
2011

УДК 821.161.1-31
ББК Ш6(2Р)6
3488

ЗЕЛЕНЬЕ ЯБЛОКИ: сборник повестей, рассказов и стихов слушателей Школы литературного мастерства Владислава Крапивина при Тюменском государственном университете. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. 192 с.

Сборник литературных опытов слушателей Школы литературного мастерства, созданных под руководством профессора кафедры русской литературы ТюмГУ, писателя и педагога Владислава Петровича Крапивина, включает в себя произведения разных жанров, стилей и тематики. Однако всех авторов объединяет то, что они читали книги своего знаменитого земляка и, конечно же, все хотят научиться писать, подобно ему, настоящую литературу. Большинство произведений публикуется впервые.

Предназначен для читателей и издателей, интересующихся поиском новых писательских имен и перспективами развития тюменской книги.

*Ответственный редактор
и составитель:*

Владислав Крапивин

Графика:

Мария Цыганкова

Обложка:

Ольга Яркова
Муниципальное автономное учреждение
культуры города Тюмени
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883
Центральная городская библиотека
Отдел комплектования
и технической обработки документов
г. Тюмень, ул. Елизарова, 76

ISBN 978-5-400-00494-0

© ГОУ ВПО Тюменский государственный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАЧАЛАХ ЛИТЕРАТУРЫ	6
РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ.....	9
Юлия Ахметова	10
Дед Мороз из второго подъезда	11
Оранжевое море.....	14
Алена Новожилова	20
Зеленые яблоки	21
На борту	26
Юленька	29
Олеся Бессмельцева	32
Гостья из детства.....	33
Тот, кто плачет в лесу	–
Кристина Снеговая.....	36
О черепахе десять лет спустя.....	37
Слово, испугавшее весь мир	39
Михаил Булатов	42
Записки из холодильника.....	43
Кошкины слезы.....	50
Скамейка.....	73
Валентина Паршак	80
Муза.....	81
Юрий Филатов.....	84
Человек с сумкой.....	85
Дарья Барабенова.....	88
Рука	89
Снег и Ветер	91
Виолончель и ходули.....	95

Дмитрий Карлов	98
Телевизор.....	99
Марья Ивановна	102
Умиротворение.....	104
Елена Ватулина	106
Ради мамы	107
Сырники.....	109
Сергей Потемкин	113
Обитатели покинутых сот	114
СТИХИ	153
Дарья Барабенова	154
Чудовище.....	–
«Рояль был стар, а скрипка молодая...»	155
Дети.....	–
На ночь.....	156
Слон	–
Вампир.....	157
Невада.....	158
Дом у моря.....	160
Надежда Мицуква	161
«Четыре лапки...»	162
«Все чаще мои холодеют руки...»	–
«Босолапый синий вечер...»	163
«Не подходи, не трогай...»	164
«На чужих островах...»	165
Про маму.....	166
«На одной ладонке солнце...»	–
«Осталось на ладонке...»	–
«По заросшим тропинкам рая...»	167
Оксана Молоко	169
Кондуктор	170
Печально молчали.....	–
Паук искал свою невесту.....	172
Собака.....	173
«Уж много лет прошло...»	174

Юлия Ахметова	175
«Прячется осень в листву золотую...»	–
«Ты стоишь у начала пути...»	–
«Осень пришла, прихватила с собою...»	176
Олеся Бессмельцева	177
Сказка про драконов	–
Монологи под кленами	178
Дождливые настроения.....	179
Мария Цыганкова	180
«Не теряй меня, даже если молчу...»	181
«Поезд. Время где-то снаружи...»	–
«Ты для меня – человек...»	–
Письма из поднебесного города	182
Михаил Булатов	184
Ave Maria.....	–
Джаз.....	185
33	186
Третий рейх.....	187
Ольга	188
Возвращение в Неаполь	189

Несколько слов о начале литературы

Литература живет на свете с очень древних времен. Не было еще никаких иероглифов и букв, а литературные произведения уже существовали. В устной форме. Где-нибудь под сводами гранитной пещеры, вокруг уютного костра, собиралось племя хомо первобытусов, и косматый вождь, упершись подбородком в рукоять каменного топора, снисходительно разрешал:

— Ну, Пустой Орех, вещай.

И соплеменник, не примечательный ничем, кроме свое прозвища и умения говорить цветисто, начинал, покашляв:

— Ну, значит, так... Иду я однажды по берегу Лисьего ручья и вдруг слышу — хрипы и треск. И выходит из чащи к воде здоровенный мамонт с красной шерстью и на шести ногах. И длинная желтая слюна висит у него под бивнями, как борода злого духа Хихинды, а в шерсти запутались крошечные птицы кукалабри...

— Врешь ты, Орех! — слышался крик ехидного скептика. — Снова врешь, пуще, чем в прошлый раз! Скажите, братья-первобытусы, разве бывают шестиногие мамонты?

Раздавались новые крики. Одни вопили, что да, не бывает таких, другие, что «откуда мы знаем, вдруг, бывают», а третьи, что «Орех же говорит, что сам его встретил, а ты, если неохота слушать, вали на фиг из пещеры...».

Пустой Орех снисходительно пережидал гвалт. Он знал, что косматый вождь Рыжая Грива скоро скажет веское слово. И Рыжая Грива говорил:

— Хватит спорить, храбрые охотники и ласковые женщины... Кто там говорит «не бывает»? Я сейчас, после слов Пустого Ореха, будто своими глазами увидел это рыжее чудовище со слюнявой бородой. Даже мурашки закопоши-

лись под шкурой, хотя вы знаете, что ваш вождь не подвластен боязни... Раз Орех сумел описать этого зверя с такой правдивостью, значит, зверь этот есть... А если и нет, все равно от него польза.

— Да какая там польза от вранья? — снова раздавался вскрик спорщика, который, хотя и робел перед вождем, но отказаться от своего понимания истины не хотел.

— Не от вранья, — возвышал голос Рыжая Грива, — а от разноцветной выдумки, которая не хуже голой правды. Выдумка полезна во многих случаях. Во-первых, ее интересно слушать всем: и любопытным детям, и молодым охотникам, и добрым женам, и умудренным годами первобытуса́м. А еще она приносит нам опыт жизни: вспомните историю про мальчика по прозвищу Твердый Боб. О том, как он разогнал стаю ночных волков с зелеными глазами! После той истории дети нашего племени стали гораздо храбрее и не боятся ходить в лес без взрослых... А рассказ про охотника Косое Ухо, который согрел свое сердце жгучими углями из жертвенного костра! Эта жгучесть позволила ему набраться храбрости и сказать нужные слова беловолосой соплеменнице по имени Сладкая Выдра, и теперь у них уже семеро детей...

Слышался одобрительный гул: польза от истории о горящих углях была несомненна...

А мудрый вождь Рыжая Грива подводил итог:

— Есть люди, в которых Великий и Всеобщий Дух, создавший небо и землю, вложил особый дар. Люди эти в душе своей ощущают желание творить словами свой мир и дарить его другим первобытуса́м. Не будем же мешать им, а скажем спасибо...

...Ну вот, прошли сотни тысяч лет, хомо первобытуса́ превратились в хомо электроникусов, а жажда словесного творчества по-прежнему живет в душах избранных представителей человечества — несмотря на компьютеры, скептицизм и практицизм нынешнего общества. Живет потому, что в основе этого творчества лежит Слово. А тайну Слова открывает людям Тот Великий Дух, о котором говорил древний вождь. Поскольку этот Дух — Творец, он и людям порой дарит желание творить свои миры. Одни из таких людей становятся авторами «Одиссеи», «Гамлета», «Войны и мира» и «Приключений Буратино». Другие радуют своими творениями лишь узкий круг читателей и поклонников, но написанные ими строки — тоже творчество. А его масштаб и значимость зависят от таланта (который от Бога) и трудолюбия (которое от себя).

Чтобы легче работалось, чтобы чувствовался рядом локоть товарищей по нелегкому литературному труду, авторы иногда объединяются в творческие сообщества. Одно из таких сообществ – наша Школа литературного мастерства при ТюмГУ. В ней не только студенты университета, но и «заочники», молодые прозаики и поэты, которые живут далеко, но хотят чувствовать себя приобщенными к творческому коллективу. Пишут, присылают рукописи, ждут обсуждений...

Школа работает уже пятый год. Ее участники печатаются в разных газетах и журналах, выпустили литературный сборник и сейчас готовят второй – вот этот.

Однажды, когда обсуждали состав сборника, кто-то осторожно сказал:

– Материалов-то хватает. Найти бы издателей и спонсоров.

– Найдем, – отозвались оптимисты. – Выпустим книжечку...

Тогда раздался голос скептика (правда, это был человек со стороны, он заглянул в аудиторию из любопытства):

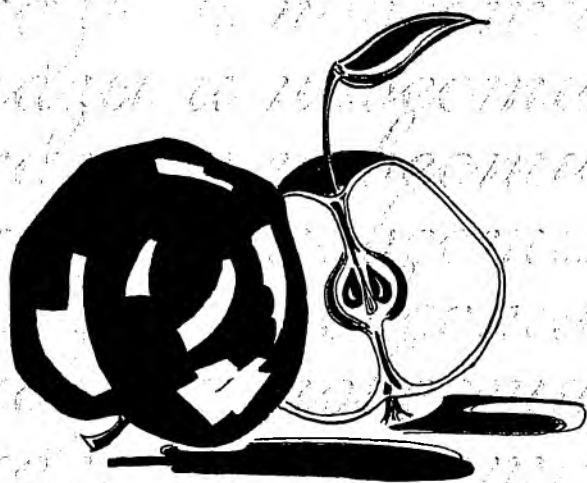
– Если только не брякнется на Землю астероид. Говорят, опять летит какой-то, километров сорок в диаметре...

Кто-то выразил надежду, что успеем с изданием сборника до астероида.

– Выпустим, даже если брякнется, – сказал пожилой руководитель Школы (и уперся подбородком в рукоять каменного топора). – Подумаешь, астероид. Не страшнее шестиногого мамонта...

Владислав Крапивин

Рассказы и повести

Юлия Ахметова

От автора

Ахметова Юлия Викторовна.

Родилась 4 марта 1990 года в
с. Солобоево Исетского района

Тюменской области. На сегодняшний
день являюсь студенткой Института
гуманитарных наук Тюменского
государственного университета.

Свое творчество я начала с поэзии,
но со временем потянулась к прозе.

Литературная стихия захватила меня
и крепко держит на протяжении вот уже
восьми лет. Моя мечта: при помощи
творчества подарить людям надежду,
вселить в их сердца веру в лучшее.

ДЕД МОРОЗ ИЗ ВТОРОГО ПОДЪЕЗДА

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

В седьмом часу молоденькая воспитательница Оля Снегуркина возвращалась из детского сада. Каблучки ее белых сапог стучали по расчищенному от снега тротуару. Прохожие прятали руки в карманы и кутались в теплые шарфы. Ух, дух захватывало от декабрьского холода!

Девушка спешила домой. Вместе со своим дедом, Савелием Наумовичем, Оля жила в девятиэтажном доме, во втором подъезде.

— А, вернулась, — дед Савелий достал из холодильника графин с водой и наполнил для внучки стакан.

Сбросив верхнюю одежду, она сделала пару глотков и довольно улыбнулась:

— Ледяная.

— Как ты любишь.

Оля выпила еще немного воды и села в кресло, устало откинулась на спинку.

— Ну что, где список?

— Сейчас... — девушка порылась в своей сумке. — Вот, — и протянула деду листок бумаги.

— Так-так, посмотрим... — старик нацепил на нос очки и пробежался глазами по списку. — Странно, странно...

— Что странно, деда?

— Дети нынче какие-то... нормальные. Просьбы у них скромные. Не то что в прошлом году, когда заказали компьютеры и телефоны... Вот послушай!

— Я уже перечитывала.

— Все-таки послушай! Ваня Сорокин желает плюшевого медведя, — дед Савелий усмехнулся, — Вика Панова хочет куклу Барби... Хм... Хм... — старик споткнулся. — Интересно, а что делать с Димой Ложкиным? Он вот себе нового папу заказал! Это уже не наш случай. Папа в мешок с подарками не влезет.

— Придется заменить.

— Заменить, — кивнул Савелий Наумович.

Он перестал читать вслух и замолчал.

— Деда, а мы с тобой Новый год будем праздновать?
— Мы? Новый год?
— Ну да.
— Не устала еще? — улыбнулся дед. — Сколько уже столетий...
— Не устала. Я праздника хочу. А то у людей Новый год, Рождество... А у нас? Трудовые будни! Давай тоже устроим праздник! Гостей позовем...

— Кого?
— Кого-нибудь... Ваня Гололед придет, Катя Снежинкина...
— Ага, и Софья Павловна Метелица.
— Нет, — решительно воспротивилась Оля, — Софью Павловну не надо. После нее опять придется квартиру убирать. Наметет тут...
Савелий Наумович рассмеялся в белые усы и поглядел на внучку.
— Ну, так как, деда? — она выжидающе смотрела на старика.
— Позовем, позовем! — кивнул тот и тут же напомнил: — Надо идти подарки собирать к завтрашнему утреннику. И не вздыхай так. В этом году в твоей группе дети хорошие, скромные. Мне тут Степан Семенович жаловался... Ему вот досталась сорок первая школа, начальные классы. У них там ноутбук — самое что ни на есть безобидное. Дети уже роботов требуют!

Оле оставалось только порадоваться за свою старшую группу.

— Дед Маа-рооз! Дед Маа-рооз! — кричали дети, ожидая появления главного героя утренника.

— Охо-хо! — постукивая своим серебряным посохом, на сцену вышел Савелий Наумович. — Здравствуйте, дети!

— Опять вы нас выручаете, — шепнула Оле заведующая детским садом, следя за тем, как блестяще справляется со своей ролью Дед Мороз.

— Да что вы, Надежда Федоровна! — рассмеялась Оля, которой становилось жарко в костюме Снегурочки. — Главное, чтобы детям было весело.

— А подарки-то в этом году какие хорошие спонсор выделил, — не переставала восхищаться Надежда Федоровна, — впрочем, как и в те годы. Как, вы говорите, фирма называется?

— «Дед Мороз & К°».

— Вот-вот. Спасибо им огромное!

— Я передам.

На сцене дети уже обступили Деда Мороза для традиционного чтения стихов. Оля улыбалась всякий раз, когда слышала знакомые слова. Выученные наизусть за много-много лет.

— Не бойся, Таня, иди, попробуй. Ты ведь не зря учила, — уговаривал дочку Андрей Викторович, высокий мужчина в очках.

— Стесняется? — поинтересовалась Оля, подходя к ним. — А вот Дима Ложкин уже прочитал. Это ведь совсем не страшно. Правда, Дима? — обратилась она к белобрысому мальчугану, стоящему рядом с мамой у елки.

— Не страшно, — кивнул мальчик и тут же предложил Тане: — Давай пойдем вместе! — и он протянул девочке руку.

Она засмузилась, и пухлые щечки порозовели. Таня взяла Диму за руку, и они вдвоем поднялись на сцену.

Оля отошла в сторону, с улыбкой наблюдая за мамой Димы, стоящей теперь рядом с Андреем Викторовичем. Мужчина смущенно поправил очки.

— Как здорово, когда на утренники ходят не только мамы, — заметила мама Димы.

— А больше и ходить некому, кроме меня и бабушки, — грустно произнес Андрей Викторович. — Жена умерла, Тане и двух годиков не было. Она же Свету совсем не помнит...

— Простите, — смутилась мама Димы. — Я не...

— Ничего страшного... А у вас славный мальчик.

— Спасибо, — женщина все еще чувствовала неловкость.

— Вас как зовут?

— Нина.

— А меня Андрей. Очень приятно.

Таня почти без запинки отчеканила свое стихотворение. Раскрасневшаяся, но счастливая, она, получив заслуженную шоколадку, вместе с Димой спустилась со сцены и подбежала к отцу, радуясь своей маленькой победе. Мама Димы широко улыбалась. Тоже красная.

— А может, после утренника пойдем все в кафе? — неожиданно предложил Андрей Викторович. — Тут рядом есть одно, очень уютное. И для детей игровая комната предусмотрена. Нина, вы согласны?

— Мам, ну пожалуйста! — застонал Дима.

— Хорошо, хорошо! — Нина и сама как ребенок обрадовалась приглашению.

— Ура! — мальчик даже запрыгал от восторга. Тут он посмотрел в сторону Снегурочки: та заговорщицки подмигнула ему.

— Уф! — тяжело выдохнул Савелий Наумович. — Жарко мне что-то. Да и устал я. А ты не устала?

— Есть немного, — кивнула Оля.

Они вдвоем брели по заснеженному двору, к своему дому. Оля улыбалась, вспоминая сияющие лица детей, когда она раздавала им желанные подарки. Все-таки Новый год — замечательный праздник!

— Деда, а может, устроим себе отпуск? Давай махнем куда-нибудь на север!

— Ага, вот как лето придет — поедем, — согласился Савелий Наумович, открывая перед внучкой дверь второго подъезда.

— Будем есть мороженое и смотреть северное сияние, — мечтательно произнесла Оля.

В эту ночь Дима Ложкин ворочался с боку на бок в своей кровати. Он радовался тому, что тридцать первого декабря они с мамой будут встречать Новый год вместе Таней и ее папой (Андрей Викторович сам предложил им эту идею в кафе).

Оттого теперь Дима никак не мог уснуть. Мальчик тихонько встал, подошел к окну: снег крупными хлопьями падал на крыши домов, на двор и детскую площадку.

«Значит, все-таки Дед Мороз настоящий», — подумал Дима, и ему показалось, что он уже слышит его скрипучие шаги по белому одеялу земли.

ОРАНЖЕВОЕ МОРЕ

— У нас в доме не будет никаких собак!

Женя насупился.

— Кто за ней будет ухаживать? Ты? Пойми, Женя, собаку нужно постоянно выгуливать, а у меня времени нет... — Надежда Юрьевна устало вздохнула.

Мальчик молчал. Мать, конечно же, была права. Она пропадала на фабрике сутками, пытаясь заработать побольше денег на их с сыном проживание в маленькой тесной квартире. Глава семейства, Олег Анатольевич, бросил жену и ребенка сразу же после того, как узнал страшный диагноз: в одиннадцать лет у Жени обнаружили опухоль мозга. Болезнь развивалась, и к своему двенадцатому дню рождения Женя уже

успел обзавестись инвалидной коляской — трудно стало ходить. Постепенно Женя привык и к способу своего передвижения, и к ежедневной утренней процедуре с уколами — он ни на что не жаловался.

В теплую погоду, по просьбе сына, Надежда Юрьевна вывозила его с самого утра во двор и оставляла там до обеда. Женя прислушивался к шуму дороги, к детской возне в соседней песочнице, к разговорам соседок. Вон мальчик из третьего подъезда выгуливает своего пса боксера (Женя всегда чувствовал легкую зависть); вон воробьи на тоненьких лапках скачут по земле совсем рядом с коляской и нисколько не боятся мальчика; вон две девчонки-семиклассницы сидят на скамейке и шушукуются, поглядывая в сторону Жени. Он смущается и упирается глазами в землю.

В тот день он точно так же сидел в коляске рядом с детской площадкой и держал в руках цветные карандаши и альбом. Женя задумался, не зная, что изобразить на листе. Может, эту песочницу с карапузами? Или небо с ярким солнцем? Или...

Вдруг в ногу, уткнулось что-то мокрое и гладкое: перед Женей, высунув розовый язык, сидела коричневая дворняга. Она не походила на упитанных псов, что греются в квартирах своих хозяев. Напротив, собака выглядела облезлой и жалкой. Таких беспризорных сколько угодно бродит по городу.

— Откуда ты? — Женя потрепал длинную шерсть.

Если бы собака могла говорить, Женя узнал бы совсем невеселую историю. Когда-то у Дины (а именно так ее звали) был хозяин, дед Мирон. Вдвоем они ютились в однокомнатной квартире. Единственный сын деда Мирона, Андрей, проживал в восьмидесяти километрах от города и почти не появлялся у отца. Во всяком случае, Дина не видела его ни разу.

Ее жизнь была совершенно обыкновенной, собачьей: теплый угол, миска с едой, прогулки во дворе дома, тщетные попытки ухватить соседского кота за хвост... И, конечно же, преданность своему старому хозяину, чьи скучные вечера скрашивало тихое урчание Дины, когда Мирон чесал ей за ухом. Он сделал собаке ошейник из толстой черной кожи и вырезал на нем имя любимицы. Со временем шерсть Дины отросла и скрыла ошейник.

Однажды Дина проснулась от странного ощущения одиночества. Она было сунулась к деду, чтобы разбудить, как всегда делала это по утрам, и лизнула его в нос — хозяин не шевельнулся. Дина жалоб-

но заскулила, положив голову на одеяло. Потом вдруг подскочила, громко гавкнула в надежде, что разбудит деда Мирона, — старик по-прежнему лежал недвижим. Тут собака поняла, что случилось, и завывала с тоски.

Дверь открыли только через несколько часов. Вошли какие-то странные люди и принесли с собой незнакомый запах. Дина в испуге забилась под кровать.

— Андрей, возьмишь собаку? — раздался голос.

— На что она мне! Своих-то две, кормить надо. А эта что, старая да облезлая какая-то! Кто его знает, может больная. Сам возьми!

— Нет, жена не любит.

— Ну, тогда придется усыпить. Достань-ка ее из-под кровати.

В глаза Дины брызнул солнечный свет, когда незнакомец приподнял покрывало, тихонько присвистывая. Дина всем своим существом почувствовала подлость его намерений. Никто и глазом не успел моргнуть, как она пулей вылетела из-под кровати и выбежала через дверь, на ее счастье оставленную открытой.

Дина неслась по улице. Куда — собака и сама не знала. Она забежала в незнакомый двор, чтобы перевести дух. Тяжело дыша, Дина поковыляла к гаражам. За ними она нашла угол, заваленный хламом, и зарылась в самую его глубину. Поминутно Дина вскакивала, принюхивалась; в пустом желудке было неуютно от новых запахов. Наконец, успокоившись, собака закрыла глаза и уснула.

С того времени угол за гаражами стал ее пристанищем. Днем Дина ходила к мусорным контейнерам, искала еду. Иногда приходилось делиться и с другими беспризорными шавками. Их здесь было не так уж много, поэтому Дине всегда удавалось чего-нибудь перехватить.

Иногда собака, осторожно обходя людные места, совершала прогулки.

В этот раз Дина долго бродила по окрестностям и завернула во двор одного дома. Она принюхалась: пахло свежими пирожками. Голодная Дина пошла на запах, он и привел ее к Жене. Забыв страх, собака приблизилась к мальчику в кресле с колесами.

— Так откуда же ты? — повторил свой вопрос Женя, теребя шерсть Дины. — У тебя, наверное, нет хозяина? Может, ты голодная? — мальчик потряс перед носом собаки пирожками, и та едва не захлебнулась слюной. — Подожди, я угощу тебя.

Дина слопала все три пирожка. Пока она пережевывала угощение, Жена с интересом наблюдал за беспризорницей.

— Съела? — усмехнулся он, когда собака подняла на него благодарные глаза. — Ну, что ж, это все, у меня больше ничего нет.

Женя гладил ее длинную шерсть осторожно, чтобы не спугнуть гостью. Когда мальчик почесал за ухом у собаки, для нее это было полной неожиданностью. Так делал только ее любимый хозяин. Дина положила голову к Жене на колени и тоскливо посмотрела в его глаза.

— А может быть, ты мне посоветуешь, что нарисовать? — усмехнулся мальчик.

— Женя!

Дина вскочила и помчалась со двора — подальше от посторонних глаз.

Надежда Юрьевна подошла к сыну.

— Что это за дворняга была с тобой?

— Мама, я хочу собаку!

На другой день Женя так же сидел в коляске, во дворе дома. Он ждал Дину и даже тайком от матери приготовил для гостьи угощение — рыбный пирог.

Возможно, вчера эта беспризорница случайно оказалась в здешнем дворе и нет смысла ждать ее. Но что-то Жене подсказывало: собака вновь придет.

И Дина пришла. Она быстро разделалась с пирогом и опять устроилась возле ног Жени.

С этого дня Дина приходила к мальчику каждый день. Ее прогулки по городу приобрели смысл. Теперь она не бесцельно бродила по улицам. Дина выучила дорогу, ведущую к заветному двору, к маленькому человеку в кресле с колесами, который всегда был рад встрече с длинношерстной гостьей.

Надежда Юрьевна заметила перемены в сыне: он стал улыбаться, больше говорить и почти не впадал в задумчивость. И однажды мать Жени узнала, в чем причина. В воскресенье она вышла на балкон, чтобы снять сухое белье. Ее внимание привлек радостный смех, который она не могла перепутать ни с каким другим. У Жениных ног вертелась большая коричневая собака.

— Смотри-ка, — мальчик сунул перед носом Дины альбомный лист, — я нарисовал оранжевое море. Хорошо получилось?

Собака склонила голову набок, словно оценивая рисунок. Глаза ее и вправду выражали некую задумчивость.

Женя тихо рассмеялся и погладил незадачливого критика.

— Подожди-ка, — мальчик нащупал на шее у Дины ошейник. — О, да ты, наверное, не бездомная! И тебя зовут Дина. Ха-ха, Дина!

Собака счастливо гавкнула и высунула розовый язык. Тут ее глаза метнулись в сторону подъезда: там показалась фигура Жениной мамы. Дина бросила на своего покровителя отчаянный взгляд. При всем своем нежелании расставаться с Женей, собака сорвалась с места и побежала прочь. Она оставила в руках мальчика свой ошейник, который Женя тут же спрятал.

— Все-таки ты не слушаешь меня, — вздохнула мать. — Эта собака может быть заразной. Она же беспризорная...

— Мама! Наверно, она больше не придет! — и Женя заплакал.

Дина бежала так быстро, как только могла. Она выскочила на проезжую часть, чтобы проскочить через дорогу. Страшно завизжали тормоза. Кто-то из прохожих вскрикнул, увидев, как тело собаки отлетело к тротуару...

...Женя ждал появления Дины неделю. Но она не приходила. Сидя в коляске, мальчик теребил ошейник, оставленный собакой. Жене хотелось думать, что она сейчас с хозяином, который заботится о ней и любит ее. Но сжималось сердце...

Надежда Юрьевна не касалась этой темы, видя, как сын переживает уход четвероногого друга. Мать мальчика признавалась себе: Дина приносила радость, которой так не доставало Жене.

— Мама, как ты думаешь, Дина еще вернется?

— Возможно, — грустно улыбнулась Надежда Юрьева, и ее красные от слез глаза заблестели — ночью с Женей случился сильный приступ, и мать до утра просидела рядом с сыном, прислушиваясь к его дыханию. — Спи, — она поцеловала Женю в лоб и зашторила окно, в которое уже заглядывало любопытное сентябрьское солнце.

Когда шаги матери стихли за дверью, мальчик закрыл глаза. Голова по-прежнему разрывалась от болей, но Женя привык к ним, как привыкают к шуму поездов те, кто живет рядом с железной дорогой.

Вдруг все стихло. Боль странным образом исчезла, и внутри стало светлее и легче. Во сне Женя увидел огромную поляну, над ней раскинулось прозрачное небо. Вдали, в траве, показалось коричневое пятно. Оно все росло и росло, пока не превратилось в лохматую собаку.

«Дина», — обрадовался Женя.

Она подбежала к нему, радостно виляя хвостом, и мальчик погладил ее на удивление здоровую, гладкую и блестящую шерсть, чувствуя, как безмятежное счастье переполняет его изнутри. Дина запрыгала перед Женей так, будто просила его пойти вместе с ней.

«Куда ты зовешь меня?»

«Пойдем, я познакомлю тебя с моим хозяином. Он живет здесь, на берегу оранжевого моря. Ты когда-нибудь видел настоящее оранжевое море?»

«Нет, никогда», — признался мальчик.

«Пойдем, я покажу тебе!»

И, радостно смеясь, Женя побежал вслед за Диной, через густую зелень травы к песчаному берегу оранжевого моря.

Алена Яважмова

О себе

Родилась 15 августа 1991 года.
Закончила школу № 63 в городе
Тюмени. С 2008 года — студентка
Института гуманитарных наук
ТюмГУ. Писать короткие рассказы
и стихи начала еще в школе. Девизом по
жизни стали слова из романа любимого
писателя Вениамина Каверина:
«Бороться и искать, найти и не
сдаваться».

ЗЕЛЕННЫЕ ЯБЛОКИ

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ

Здесь я оказалась два года назад. Тогда мне было пятнадцать. Когда я сюда впервые приехала, меня бросило в жар. От ужасной вывески «Интернат для детей с нарушением речевого аппарата №1 города N» веяло страхом и неопределенностью. На самом деле с речью у меня было все в порядке. Недугом страдала моя младшая сестренка Сашенька.

Нашу маму я помню хорошо, а вот Саша совсем не знает. Мама умерла при ее рождении. Что это было? Врачебная ошибка или просто страшное стечение обстоятельств? Не могу сказать. Нас воспитывал папа. Наша Саша росла маленькой мамой. Как папа говорил, те же глазки, те же кудрявые волосики. Он нас очень любил, и делал все, чтобы мы не так сильно ощущали потерю самого близкого для нас человека. Когда Саше исполнилось четыре года, у него впервые за все это время появилась женщина.

Тетя Света оказалась доброй и милой. Дарила нам игрушки, покупала мороженое, мне помогала делать уроки, а Саше читала книжки. Но все изменилось два года назад, когда заболел папа. Саша ни на шаг от него не отходила. Пыталась лечить, как доктор Айболит, мазала зеленкой и ставила игрушечный градусник. А папа только улыбался и гладил ее по головке.

Тот день я не забуду никогда. Я только пришла из школы, включила чайник и вдруг услышала пронзительный Сашин вопль: «Папа! Папа! Ну проснись же ты! Папа!» Она кричала все громче и громче и не понимала, что происходит. И только детская интуиция подсказывала ей, что случилось очень страшное. Я помню, как села на пол, закрыла лицо руками и не знала, что делать. А уже через минуту держала Сашу на руках и успокаивала ее. Папа так и не проснулся. А Саша с того момента не произнесла ни слова.

Первое время тетя Света жила с нами, всячески нас поддерживала. Но примерно через месяц приняла решение, что не решится воспитывать чужих детей, тем более Сашу, которой необходима была помощь психологов и врачей. Как я поняла, меня бы она оставила, так как особых хлопот я не доставляла, помогала по дому и была бесконечно ей

благодарна. Но отдать Сашу одну я не могла, поэтому вопросы «что делать?» и «как быть?» решились быстро. Интернат.

Бабушек и дедушек, тетя и дядя у нас нет. Так мы и остались одни. Две сестренки, одна из которых все время молчала.

В одном я была благодарна тете Свете — это за то, что она настояла: пусть нас не разлучают. Мол, еще один стресс для маленькой Саши не нужен. Кому-то заплатила, с кем-то договорилась, и вот мы здесь.

По факту, в этом интернате половина детей была совершенно нормальных, еще десяток — страдающих не речевыми нарушениями, а явно психическими. Но это никого не волновало.

С Сашенькой стали заниматься психологи, ее осмотрели врачи, но... особых успехов не замечалось. Саша молчала. Я с ней разговаривала целыми днями. Рассказывала о маме, раньше она меня любила спрашивать о ней. Мы с ней вместе плакали и смеялись. Я говорила ей, как заберу ее отсюда сразу, когда мне исполнится восемнадцать. Как мы поедем на море, а еще я покажу ей Москву. Не знаю, что она при этом думала, но глазки вспыхивали, как огоньки. Днем я училась у себя в блоке, а сразу после занятий бежала к ней. Так проходили день за днем. Месяц за месяцем.

Однажды я заметила, как она стоит у окна и показывает на что-то пальцем.

— Сашенька, что? Что там?

Я с дрожью ждала ее ответа, но специально делала вид, будто не могу подойти к ней.

Она стала стучать кулачком по подоконнику и тыкала пальцем в окно все сильнее.

— Саша, ну кто там? Кто? — сделать четыре шага означало не дать ей возможность ответить.

Саша заплакала и стала что-то карябать на стекле. В этот момент я поняла: то, что она видела, скрылось с поля зрения. Я подошла. На запотевшем стекле Саша пальчиком нарисовала три кружочка.

— Зайка, я не понимаю. Извини...

Она взглянула на меня и попыталась открыть рот. Но почти сразу же отвернулась.

Смотреть после нее было не выносимо. Ничего особого я там не увидела — сугробы, небольшие деревья, усыпанные снегом, забор, черный фонарь. Все как всегда. А когда я оглянулась, увидела странную картину. Саша сидела на полу, ела зеленое яблоко, а еще одно из двух оставшихся протягивала мне.

— Саша, откуда они у тебя? — я застыла на месте.

Саша дважды приоткрыла рот, будто невнятно проговаривала два слога.

— Па-па? — почти шепотом произнесла я.

Рот Маши приоткрылся еще раз, словно отвечая «да».

В комнату никто не входил, не могла же я не услышать этого. В эту секунду я вспомнила, как часто папа покупал ей яблоки, именно зеленые, самые любимые и ее, и мамы. Ножиком делал надрезы, получались как будто глазки и ротик. И рассказывал сказки от имени Яка, так он называл зеленое яблочко.

— Солнышко, откуда они у тебя? — Я стояла перед ней уже на коленях и обнимала за плечи. Но больше ничего я от нее не добилась.

Я бы уже и забыла об этом: ну мало ли кто мог ее угостить. Тем более что Сашу многие любили — и мои знакомые, и воспитатели. Если бы не череда странных событий.

Заканчивалось первое полугодие, у всех было праздничное настроение. Малыши клеили гирлянды из цветной бумаги, а мы рисовали новогодние газеты. Состояние Саши улучшалось. Она стала больше улыбаться, лучше кушать и уже не пряталась, как раньше, в пустых комнатах. Это меня радовало больше всего на свете.

Как-то раз, когда до Нового года оставалось меньше недели, в интернат приехали актеры местного театра. Они показывали сказку, дарили подарки, угощали конфетами и мандаринами. Я смотрела на Сашу и на других ребят ее возраста (а некоторые были даже младше) и думала, как же легко можно устроить для них праздник. После представления воспитатели стали разводить малышей по комнатам, а мы, старшие, остались танцевать. Время пролетело незаметно.

— Иринка, пошли, покурим? — Костя тяжело дышал после очередного танца.

— Я только к Сашке загляну, как она там.

— Да брось ты, спит она уже, смотри, сколько времени-то... — Он взял меня за руку и потащил к запасному выходу. — Пока Федоровна нас не застучала.

На улице было прекрасно. Шел снег, ветер стих, сугробы сверкали при свете фонарей. Мы стояли на крылечке, и вдруг я услышала скрип снега. Будто кто-то пробирался, спотыкался и проваливался в сугробы.

— Кость, что это? — меня охватил страх.

— Да, наверное, ребята решили прогуляться. Смотри как здесь круто... — Он спокойно докуривал сигарету, а другой рукой ловил снежинки.

— Костя, ты извини, но мне как-то за Сашку беспокойно, я пойду, гляну. — Сейчас нужно было незаметно пройти обратно мимо завхоза.

— Стой, я с тобой...

Не доходя до комнаты малышей, мы почувствовали резкий холод. Я поспешно открыла дверь спальни, где находились четыре девочки. Окно было распахнуто. Все спали, а моя сестра сидела по-турецки на кровати, укутавшись в одеяло, грызла яблоко и обнимала игрушку. Костя бросился закрывать окно. Я же кинулась к Саше.

— Саша, что такое? Почему окно нараспашку? — Я села на кровать, обняла сестренку и стала греть холодные ручки.

А Саша посмотрела на меня веселыми глазами и протянула зеленое яблоко.

— Это тебе на празднике подарили? — спросил Костя.

Девочка категорично покачала головой.

— А кто? — настороженно проговорила я.

Саша пальцем показала на окно.

— Здесь кто-то был? — У меня пересохло в горле.

И тут она достала из-под одеяла лохматого зайца.

— Ирка, с тобой все нормально? — Костя смотрел на нас с огромным удивлением.

Я вспомнила, как несколько лет назад, тоже перед Новым годом, мы втроем — я, Саша и папа — зашли в магазин. Саша схватила игрушку, точно такого же зайца, а папа только прошептал мне: «Не забудь потом мне напомнить сюда заехать и купить ей этого лохматика, под елку положим, ладно».

Я смотрела то на окно, то на зайца, то на Сашку. В комнате настала тишина. Только девочка на соседней кровати тихонько посапывала.

— Ирин, смотри, а ведь и правда здесь кто-то побывал, — прошептал Костя, указывая мне на следы в снегу и мокрые пятна на подоконнике. — Видимо, это был тот, кого ты слышала там, на улице.

— Сашка, ложись спать, ночь на дворе. — Разбираться уже не было сил. — Закутайся и глазки закрывай.

Остаток ночи я не могла уснуть. Ворочалась, прислушивалась к шорохам, а наутро выглядела просто ужасно. Чего не скажешь о моей

сестре. Розовые щечки, сверкающие глазки. Девочку было не узнать. С одной стороны, какая разница, что повлияло на резкие перемены, главное — ребенок не выглядит утомленным. С другой — что произошло сегодня ночью, не давало мне покоя. Я пыталась логически рассуждать о случившемся. Но все предположения и догадки приводили к тупику.

— Да ладно, брось ты, может просто совпадение? — Костя видел мои переживания и всячески пытался успокоить меня.

Прошло несколько дней. Предновогодняя суматоха, долгожданные каникулы и всеобщее веселье отвлекали от тревожных мыслей.

Мы с Костей и еще с несколькими друзьями поехали в город за подарками. Выбирали игрушки, книжки для ребят помладше. Сами вдоволь наигрались в снежки и жутко промокли. Вернулись только под вечер.

— Сашунь, смотри, что я Костику купила в подарок, — я зашла в комнату. Сашенька сидела за столом и что-то вырезала из бумаги. — Ой, как красиво-то. Это ты Татьяне Васильевне делаешь?

Сестренка отрицательно покачала головой.

— А кому? Катюше? — Ответ был тот же.

— Ну ладно, не стану мешать. Если нужна будет помощь, зови.

Саша кивнула.

Мы с Костей раскладывали подарки по коробкам, кто-то вешал на окна бумажные снежинки, когда к нам зашла Саша с фломастерами и потянула меня за руку.

Я поняла, что она просила подписать открытку.

— Кость, мы скоро...

В комнате малышей никого не было.

— Ой, какая ты умничка у меня... — Открытка на самом деле была красивая. — Ну что, кому подписываем?

Саша прижала к груди лохматого зайчика и два раза приоткрыла ротик, как будто произнесла «Па-пе».

— Папе? — переспросила я.

Саша кивнула. Я не знала, что делать. Объяснять ребенку про папу все как есть или подчиниться ее желанию?

Да, я ей всегда говорила, что под Новый год случаются чудеса. Поэтому взяла синий фломастер и стала выводить: «Любимому папе от Саши». Но не успела я дописать последнее слово, как моя сестра протянула руку и чуть слышно произнесла:

— Папа...

Я не верила своим ушам. Тогда Саша еще раз, уже громче и увереннее сказала: «Папа». Она показывала мимо меня, на окно. Я повернулась. Окно было приоткрыто, а на подоконнике лежали три зеленых яблока и кукла.

— Папа принес, — Саша пыталась объяснить мне то, что я увидела. — Подарок...

Она взяла открытку и положила на подоконник.

У меня покатались слезы. Я смотрела на свою сестренку и на яблоки.

— Родная, скажи еще что-нибудь.

Саша достала из-под подушки другую открытку.

— Тебе...

В комнату влетел Костя:

— Девчонки, ну что вы тут так долго? Там Дед Мороз подарки раздает. Самое интересное пропустите.

— Уже не пропустим. — Я взяла Сашу за руку и повела на всеобщее веселье.

Новый год удался на славу. Смех разносился по всему интернату.

А через несколько часов я вновь заглянула в комнату. Подоконник был пуст. Папа забрал наш подарок. А я положила на подоконник маленькую записку. Что я написала — не скажу. Пусть это останется нашей тайной...

НА БОРТУ

Эта история произошла, когда я не ходил в школу и даже читать не умел. С тех пор многое изменилось. Я уже закончил шестой класс и даже могу не пить на ночь теплое молоко.

Тогда, когда мне еще не было шести лет, мы жили в одной комнате с братом. Вадик с детства отличался высоким ростом и плотным телосложением. Я же силой похвастаться не могу... Сказать, что мы с ним хорошо ладили, нельзя. Хотя он и старше меня на несколько лет, но дрались мы с ним — страшно вспомнить. По ночам он рассказывал всякие страшилки и пугал оторванными головами. Я кричал, злился, а Вадька икал от удовольствия.

Правда, была у нас с ним общая игра. По выходным мы нашу комнату превращали в корабль и отправлялись в путешествия. Иногда к нам присоединялась и Нинка, наша старшая сестра. Мы, хотя и утверждали, что «женщина на корабле — плохая примета», но в душе были ей рады.

Капитаном я бывал редко, чаще матросом или боцманом. Вадька же никем, кроме капитана, быть не хотел.

На палубу мы стаскивали все стулья. Вадька тайком брал веревчатую лестницу, которая висела в кладовке. Постельное белье и одеяла мы требовали у мамы покупать исключительно синего цвета, чтобы в нужный момент они превращались в море, а иногда и в океан. Нинка была самая сообразительная из нас, и каким-то чудесным образом занавески у нее становились парусами. А мы с Вадькой как ни старались натягивать эту шелковую ткань, у нас ничего не получалось.

Но самое большое удовольствие нам доставляло надевать дедушину фуражку и рассматривать его старые фотографии.

Самого деда я не помню, он умер, когда я был совсем маленьким. Но папа часто рассказывал о нем, о его путешествиях, о том, как они отправлялись в плавания. Вадьке повезло больше, чем мне. Когда ему было три года, дедушка брал его с собой, водил по судну и даже разрешал крутить штурвал. Наверное, и по этой причине тоже брат считал себя опытным мореходом и носить звание ниже капитана не мог.

Как-то раз папа принес сундук, поставил его посреди комнаты, собрал семью и сказал, что впервые за много лет после смерти деда он решился разобрать его вещи...

Открыть сундук оказалось непростой задачей. Поначалу отец молча что-то крутил, вывинчивал, потом стал чертыхаться, говорить, что здесь поможет только молоток или кувалда. Мы с Вадькой тихо сидеть в стороне тоже не могли. Давали всякие не очень умные советы, повизгивали от нетерпенья и в то же время боялись, что папа сдастся. Но, видимо, доводить все дела до конца — это у нас в крови. Наконец, когда присутствующие стали расползаться, а интерес к «сокровищу» остался только у нас с Вадькой, папа отвалил заветную крышку.

Чего там только не было! У нас заблестели глаза. Карты, дневники, какие-то камни и железяки. Тогда я еще не понимал, что это и для чего нужно, а вот Вадька чуть не потерял сознание от удовольствия. Мое же внимание привлекли два предмета — компас и бинокль.

Я подошел к окну.

— Саня, Саня, ну как? — Вадьку распирало любопытство. — Далеко видно? Дай взглянуть...

...Вода, вода... ничего, кроме воды.

Шел второй месяц нашего путешествия. Команда изнемогала от усталости. Продовольствия пока хватало, но с каждым днем его становилось все меньше, не говоря уже о запасах пресной воды. Мы не раз попадали в шторм. Утром штиль, вечером буря. Здесь все менялось с огромной скоростью. За все время мы ни разу не изменили курс. Шли точно, ровно и, казалось, бесконечно долго.

Наш капитан часами смотрел в бинокль, сверяясь с картой и что-то на ней отмечая.

— Погода отвратительная. Идем в режиме «тишина».

— Есть в режиме «тишина».

Мы убрали часть парусов и сбавили ход.

— Товарищ капитан, а если мы так и не найдем этот остров? Что тогда? — мне не хотелось выдавать свой страх.

— А куда мы денемся? В нашем деле главное надеяться, верить и не сдаваться. — Капитан смотрел на меня твердо. — В этом районе орудует банда пиратов. Будьте начеку. — Он говорил громким решительным голосом. — И помните: нам во что бы то ни стало надо держать курс. Только на север!

— Есть только на север!

— С сегодняшнего дня усиливаем вахту. При первой же опасности давайте сигнал!

Меня бросило в дрожь. Я смотрел во все глаза. И все остальные так же смотрели на капитана. «Он и правда, оказывается, существует...» — думал я.

— Человек за бортом! Товарищ капитан, человек за бортом!

— Саня, Вадька! Мойте руки и бегом за стол. Сколько можно вас ждать? — мама стояла в дверях.

А я слышал голос:

— Жизнь моряков частенько бывает соленой, как волны. И опасностей много... — Папа пил чай и читал дедушкины дневники.

ЮЛЕНЬКА

Юленьке М...

Она умерла, когда ей было двенадцать...

— Марин, сколько можно хранить этот мусор? — мама стояла на пороге комнаты и смотрела, как я разбирала свои вещи. — Тебе уже скоро двадцать три, а все как маленькая.

— Не мешай, я сама. — Грубить маме совершенно не хотелось, но тот факт, что она была права, выводил меня из себя.

— Ну как знаешь, я только хотела помочь. — Она отправилась на кухню, приговаривая: — Полные шкафы разного барахла, самой нужно будет навести порядок.

То, что мама называла барахлом, для меня имело немалую ценность. Пусть даже все это было сломанным, старым и порванным. Если кто-то (например, мама) открывал мои шкафы и ящики, он ужасался. Огромное количество тетрадок, коробочек и вещиц лежали в хаотичном порядке. При каждом открывании дверцы все это вываливалось на пол. Найти ничего дельного и нужного никто там не мог. Никто, кроме меня.

На самом деле, все эти тетрадки и коробочки были разложены не по размеру, как хотела бы мама, а по значимости. Чем важнее и драгоценнее тетрадь, тем глубже она спрятана. От кого? Зачем? Не знаю. Но так уж привыкла с детства.

— Как же я давно сюда не заглядывала! — с восторгом думала я.

«Маринка, не думай, что ты мне нравишься, просто выходи сегодня гулять». И с обратной стороны трогательная подпись: «Миша. Только Паше ни слова». А ведь этой записке уже двенадцать лет, если не больше. Кто такой Паша, не помню. А вот Мишка уже несколько лет, как женатый человек.

А вот зелененькие детские часики, мне папа привез из какой-то дальней поездки. Сломала я их быстро и поглубже запрятала в шкаф.

Журналы, школьные дневники, валентинки, открытки... Одним словом, засела я над этим надолго. Каждая вещь или надпись напоминала о чем то, от нее становилось тепло на душе. «Вот как все это выбросить-то?»

– Скажи, зачем тебе эти фантики?! Ну, что за ребенок? – Мама довольная вышла из моей комнаты с кучей отвоёванного мусора. – Хранит всякую дрянь...

Мятные конфеты. Фантики от мятных конфет. Нигде больше я таких вкусных конфет не ела. Нигде, только у Юленьки.

В самом дальнем углу лежала маленькая записная книжка. Синенькая такая, с забавными наклейками и нарисованными рожицами. Это был мой личный дневник. Первый и последний. Я и не вспомнила бы о его существовании, если бы не эта старательная ревизия. Смешной корявый почерк, который заставляет улыбнуться. Начинаю читать. Страничку за страничкой. Детские переживания, радости. Между страничками аккуратно лежит фантик – то ли он служил закладкой, то ли попал туда случайно. Понять очень сложно. Читаю три последние записи. На глазах появляются слезы...

«21 сентября. Вчера вечером позвонила Юленька! Мы, наконец, помирились. А сегодня уже сидели на нашем любимом месте, ели конфеты и придумывали, как отомстим Ленке. Оказывается, это она нас пыталась поссорить и Елене Николаевне пожаловалась на нас!»

«22 сентября. Сегодня сказали, что ее больше нет. Моей Юленьки! Сбила машина. Я даже не заплакала. Но ведь такого просто не может быть! Ведь мы только вчера сидели на нашем любимом месте, ели конфеты и придумывали, как отомстим Ленке!»

«22 октября. Месяц... Целый месяц... Я не была на похоронах. Я не смогла перебороть себя. Я видела, как многие плакали. А я – нет. Я смотрела на них, и мне было противно, ведь вы ничего о ней не знаете! Несколько раз, по привычке, когда выходила гулять, звонила ей. Бедная тетя Наташа»

Я смотрела на эти записи и перечитывала вновь и вновь. Слезы капались не переставая. Юленька. Маленькая, голубоглазая, волосики кудрявые. Казалось, что я плакала впервые. Только сейчас я осознала, что ее больше нет. Ни похороны, ни поминки, ни просто воспоминания о ней не заставляли меня плакать. Я злилась на нее, периодически разговаривала с ней, когда была одна, все что угодно, но не плакала.

Конфеты, мятные конфеты. Наши самые с ней любимые. Их ей бабушка присылала из какого-то города, она угощала весь двор...

Иногда я заходила к ней. Тетя Наташа поила меня крепким чаем и тихонько плакала. Потом они с Юрой, братом Юленьки, куда-то уехали, с тех пор я их ни разу не видела.

Наше любимое место — беседка за детским садом. Есть ли она сейчас? Не знаю. Я непроизвольно стала одеваться. Ведь я там уже лет пять не была.

— Мама, я быстро. Нужно срочно кое-что проверить!

Стоит... Те же скамейки, те же деревья. Тот же детский смех, доносящийся от детского сада. Мальчишки играют в футбол. Только мне двадцать три, а ей все те же двенадцать...

Олеся Бессельцева

Автор о себе

Мне 25 лет.

Работаю в Сбербанке. Изучаю немецкий язык в Тюменском государственном университете. Хочу стать лингвистом, потому что люблю слова. Слово — это маленькое волшебное зернышко. Из одного-единственного слова может вырасти целый сад, и каждый куст этого сада будет цвести своим особенным цветом, и каждое дерево принесет свои необыкновенные плоды.

ГОСТЬЯ ИЗ ДЕТСТВА

Мне хочется рассказать о своем детстве. Но для этого я не пойду за воспоминаниями в прошлое и не буду ничего выдумывать. Ну, может, самую чуточку...

Почему думают, что детство кончается после школы? Ведь это неправда! Оно пробудет с тобой столько, сколько ты разрешишь ему быть, насколько ты позволишь ему поселиться в тебе, жить тобой, глядеть из тебя на мир и всему удивляться.

Например, сегодня разгулялись тучи. Даже нет — целые тучищи! Они тянулись, катились по небу, как неповоротливые каменные глыбы. Но кое-где в трещины пробивалось солнце, и это было мое любимое его представление. Мне нравится, когда солнышко светит сквозь облака так, что можно рассмотреть каждый его лучик. В такие минуты кажется, что эти лучи можно потрогать, потянуть, забрать домой. Это как доказательство существования Бога, которого никто и никогда уже не сможет опровергнуть. Во всяком случае, пока светит солнце...

А вчера я узнала другую тайну. Мы рассматривали тетрадки в витрине, и подруга вдруг воскликнула:

— Смотри-ка, коровы!

Я сначала не могла понять: о чем это она? На обложке сияла зеленая лужайка, а в солнечном пятнышке на весеннем листе нежилась замечательно красная, будто ягода в черных пятнышках, букашка. И вдруг я догадалась — БОЖЬЯ коровка. И меня осенило: оказывается, для некоторых людей она в первую очередь КОРОВКА, а мне-то она всегда казалась сначала БОЖЬЕЙ. Вот чудеса...

Пока в тебе есть любопытство — ты так и останешься ребенком и будешь жить в сказке.

Сегодняшний день был сущей ребячьей радостью. А завтра я проснусь еще моложе.

ТОТ, КТО ПЛАЧЕТ В ЛЕСУ

В деревушке у края леса жили робкие люди, и они очень боялись Того, кто плачет ночью. Плач грудными всхлипами продирался из леса, и каждый вечер жители плотно запирали двери и занавешивали окна.

— Кто он, мамочка? — спрашивал мальчик в доме на самой окраине.

— Не знаю. Спи! — строго отвечала мама и посматривала на щелку в шторах.

Однажды мальчик нарочно заигрался с приятелями допоздна — до самого Жуткого часа. Его друзья разбежались по домам, чуть за- слышав горестные всхлипы с темной опушки. Но мальчик не побежал. Он вошел в лес. Днем все ходили в лес — кто брал ягоду, кто ловил зверей, чтобы те дали мяса. Мальчик знал — мясо выращивают звери у себя в норах, как мама растит лук на подоконнике. А охотники выменивают у них мясо на специальное железо... Мальчик знал очень много. Он только не знал Того, кто плачет по ночам.

Шаг за шагом обступал мальчика лес. Вот-вот должна была появиться та самая поляна, где охотники вели обмен с зайчиками. Мальчику однажды показал ее дедушка. И вот с этой-то поляны всхлипы и плач слышались теперь особенно громко. Кажется, рыдала сама ночь над сырой травой, а звезды ее, как слезы, стыли над черными обломками веток... Еще полшага, еще шажок — и вот уже поляна. А там, на дальнем краю, шевелится кто-то... Он дрожит, как мерцающие звезды, а темная тень его отчаянно плачет под лунными небесами...

Мальчик застыл, ветка хрустнула под башмаком, и тень качнулась. Из мрака под луну выкатился бородатый старик в мокрой от слез и перепачканной землей сорочке. Его нос морщился от всхлипов, его глаза звездно мерцали озерами слез, брови горько кривились. Дрожали губы, рваным облаком топорщилась борода. Страшно было смотреть на круглого незнакомого дедушку в его отчаянном горе. А дедушка смотрел мальчику в глаза, и слезы лились по сморщенным щекам. А ночь сжималась, а мальчик кричал и наконец побежал и наскочил на маму, которая давно уже искала его в подлеске...

Крепче обычного заперла мама в этот вечер засовы, решительной рукой задернула щель в шторах, выгнала луну из раскрытой форточки. Мальчик смотрел вслед луне и все плакал — ее лицо напоминало рыдающего старика.

— Мама, мамочка, кто он? — спрашивал мальчик.

— Это Бог, — ответила мама с белым, как луна, лицом.

— Бог? — удивился и даже слегка успокоился малыш. — Но отчего он такой? И почему так горько плачет?

— Никто не знает. Люди говорят, раньше Бог был молодой и сильный. Он часто смеялся. Тогда солнце поднималось выше, сияло ярче, у людей спорилась работа, пшеница за день вызревала на полях. Но прошло время, люди устали в своих делах и поели всходы, а Бог состарился и перестал смеяться. Теперь он только плачет по ночам. И мы все хотели бы больше его не слышать.

— Но как же мама? Может, ему нужно помочь? Ведь ему очень плохо, ты только послушай, — шептал мальчик. Испуганно и с жалостью он смотрел на спрятанную в щорах щель.

— Спи! Что мы можем сделать? Можем только покрепче заснуть. Тогда, может быть, не станет слышно плача.

Мальчик смотрел на маму, а глаза его все плакали.

— Ну что ты, милый, — шептала мама. — Не печалься, хороший, я ведь люблю тебя...

Шепот звучал успокаивающе, мамина рука гладила мальчика. А потом мама уснула. В избах погасли огни.

Но мальчик не спал. Он сжался под одеялом, настигнутый мыслью: чтобы кто-то не плакал, его надо любить. И тихонько, чтобы мама не проснулась, мальчик шептал:

— Бог, не плачь. Не плачь, Бог, я люблю тебя... Не плачь...

Сквозь тучки и лунный свет, сквозь разошедшуюся в полотне щель смотрел печальный бородатый старик. Он смотрел прямо на мальчика, и плач за окнами как будто стал тише.

Кристина Снеговая

Это ее псевдоним.

Кристина учится на третьем курсе
в Институте гуманитарных наук

ТюльГУ. О себе рассказывает:

«Влюблена в тележурналистику.

Готова миллионом примеров

опровергнуть мнение тех, кто считает,
что «делать новости» на ТВ —

ремесло. Уверена, что к камере и

микрофону можно и нужно подходить

с душой. Знаю цену литературным

трудам. Поверьте — даже чтобы

написать самый бездарный текст — сил

положить нужно значительно больше,

чем кажется на первый взгляд...»

О ЧЕРЕПАХЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(Рассказ из очень давнего детства)

Не то ранняя весна, не то поздняя осень. Мы трое. Снежная мешанина под ногами кое-где превращается в лужи. Холодно. Куда два парня и девчонка направляются в такое неподходящее для прогулок время? В гараж. Хотя «гараж» — это мы так называем, на самом деле это ангар, крытый павильон для экстремального катания зимой, когда на улице такая ужасная погода, как сейчас.

Гараж — не столько для катания, сколько для общения и времяпровождения...

Шли мы какими-то дворами. Такими же серыми и скучными, как небо в это время года. Из-за отсыревшей подъездной двери выбежала маленькая девочка, за ней мальчик, такой же маленький. С криком «Отдай, это мое!» бросился догонять девочку.

Скоро их крики остались позади. Непонятно, догнал ли он девочку. Можно было обернуться, чтобы узнать, но стоял такой холод, что не хотелось совершать лишних движений. Я засунула руки в карманы джинсов...

— Помнишь черепаху? — донесся вопрос, и я улыбнулась, потому что помнила.

Это была голубая пластмассовая черепаха. Пустая и с оторванным хвостом. С тех пор, как я последний раз видела ее, прошло больше десяти лет, но оба мы ее помнили. С ней связана единственная ссора за долгие годы нашего знакомства.

Черепаха, как вы понимаете, была не простая, а трофейная — добытая путем исследования нашего двора на предмет посторонних предметов. Эту замечательную вещь мы обнаружили между песочницей и забором. Кто именно из нас двоих ее нашел, с годами я забыла. Но это и неважно. Ведь целый день черепаха была наша общая. Мы играли с ней до тех пор, пока не пришло время расходиться по домам. Но одну пластмассовую черепаху не просто поделить на двоих. Тогда я схватила ее и побежала домой. Сзади донесся Димкин крик, я услышала топот преследования. Из летней жары двора я взбежала на прохладную лестницу родного подъезда. Прыжками одолела ее и стала тарбанить в дверь. Я успела заскочить в квартиру, но мама, превратившись в безжалостного противника, отобрала черепаху и отдала Димке, исходящему воплями на лестничной площадке.

Тут пришла моя очередь залиться слезами, и уже не было жалко страшную бесхвостую черепаху. Куда сильнее была обида на маму, которая не поддержала мой план обладания трофеем.

- Дим, а черепаха до сих пор у тебя?
- Не помню, надо на даче посмотреть. Может, и найду... Хочешь, подарю ее тебе, а то ты так из-за нее ревела...
- Это я-то ревела?! Да это ты воплями исходил!
- Эй, ты... – я ощутила приятельский толчок в спину, – не разблачай меня. А то я тоже про тебя многое рассказать могу...
- Не больше, чем я о тебе, который ходил в штанах с лямками и дырявых сандалиях...
- Тут заржали все трое.
- Я в шоке от вас, ребята, – выговорил наш друг, который молчал до сих пор.
- От того, что мы за всю жизнь ссорились один раз?
- Нет, от того, что вы когда-то были детьми...

СЛОВО, ИСПУГАВШЕЕ ВСЬ МИР

Было утро... Тихое спокойное и солнечное. На кухне звякали тарелки и монотонно бубнило радио. Отец семейства сидел, развалившись в кресле, погруженный в чтение утренней газеты. Мать разливала по тарелкам суп. Сонные дети пили свое какао.

И тут пришло оно... Оно вырвалось из радиоприемника и резануло по ушам всех членов семейства. Это слово не было произнесено громче остальных, но лишь оно сумело вызвать такой эффект. Газета выпала их отцовских рук, и ее уголок медленно начал тонуть в тарелке. Мать стояла как вкопанная с поварешкой разливаемого супа до тех пор, пока рука ее не ослабла и суп из поварешки не вылился на пол. Дети тоже почувствовали, заерзали на своих местах, переглянулись. Попытались встать, при этом один из них случайно задел рукой кружку с какао, та опрокинулась и ее содержимое окончательно затопило отцовскую газету.

А слово, вырвавшись на свободу, будто птица, взмыло к потолку, окинуло взглядом замершее семейство и, оставшись довольно содеянным, выпорхнуло в окно.

На скамейке у подъезда мирно щебетали три старушки. Слово летало над их головами и ждало: когда же его произнесут вслух? Каков же будет эффект? И ждать пришлось недолго.

По улице бежал глава местного акционерного общества, таким старушки его еще не видели: взмыленный, галстук где-то за спиной, рубашка помята, волосы дыбом... Бежит, а за ним серыми клубами пыль поднимается... Вот он-то на ходу и крикнул старушкам это слово...

«Ба-бах»... — разнеслось над тихой улочкой провинциального городка. Это одна из старушек выронила палку и звук падения разнесся раскатом грома над городом. Другая старушка начала сползать со скамейки, закатив глаза и задыхаясь...

«Хорош эффект», — подумало слово и полетело шокировать других.

В небольшой частной компании местного олигарха это слово уже все слышали и от того из кабинета генерального директора доносились совсем другое слово: «Уволен! Уволен! Уволен!».

На местном рынке продавцы торопливо меняют ценники на товарах: «Так, помидоры... Раньше стоили пятьдесят рублей килограмм, сейчас будут сто... нет сто двадцать, чтоб не продешевить-то...».

Местный банк.

— Отдайте, отдайте мои деньги! — синяя от ярости, требует клиент.

— Мы не можем их выдать сейчас, они находятся в обороте! — уже в который раз отвечает побелевшая от напора клиента банковская сотрудница.

Страх, крик, суматоха теперь повсюду. Все бегают, что-то кричат. Именно в это утро всем вдруг стало что-то надо. Горожане сбивают друг друга с ног, позабыв о всяких нормах приличия. Они скупают все, что видят на прилавках магазинов, а продавцы под растущим напором покупателей забывают сменить ценники на более дорогие.

Местный университет. Взлохмаченный студент вбегает в деканат:

— Простите, могу ли я написать заявление?

— Можете, только несите с собой лист бумаги, у нас больше нет денег для обеспечения студентов бумагой и мелом...

Денег, кажется, не осталось больше нигде, хотя еще вчера все было в порядке...

Тихий вечер опустился на городишко. Люди сидели по уютным домикам, прилипшие к телевизорам, из которых ежесекундно доносились все одно и то же слово.

Лишь облезлая ворона ничуть не волновалась, она каркнула и перелетела с одной ветки на другую. А в ее карканьи народ услышал все то же страшное слово: «Криррризис». И все снова вздрогнули.

Наутро в пыльном городке люди проснулись и тут же прилипли к утренним газетам, а в них все то же слово. Машины начали ездить по серым городским трассам, и в шуме их колес слышалось: «Криииизз-зис». Домохозяйка на дворе выбивает ковер, и над улицей разносится: «Кризис, кризис, кризис...». И все, кто это слышат, вздррагивают, вздррагивают, вздррагивают. Банки до отказа заполнены клиентами, те толкаются, ругаются, нервничают, а получить своих денег все равно никто не может. Банк закрывается, беспомощная масса — именно масса, потому что здесь нет личности, нет человека, есть однородное человекоподобное содержимое — так вот эта масса выливается на улицу и, о ужас! остается массой, которая совершенно синхронно, словно превращаясь в желе, вздрагивает, услышав только одно слово.

Слово было довольно: все вокруг говорили только о нем и неизменно вздрагивали при этом. Слово летало в облаках, весело пикировало на землю, и стоило ему только легонько прошептать «кр-р», как людишки валялись в обморок. Это слово было здесь королем, все его боялись. Все его слушались, и власть его над людьми казалась беспредельной... До тех пор пока не наступило еще одно солнечное утро.

Семья села завтракать, отец читал газету, где в заголовках уже не было столь привычного и теперь не столь пугающего слова. Дети пили свое какао, а мать вновь разливала суп. Все было по-прежнему, правда кухня слегка опустела: вместо электрического чайника на плите пыхтел старый эмалированный. Картин на стенах стало чуть меньше. Да ковра в прихожей не было... Из старого, еще советского радиоприемника донеслось слово «кризис», но никто не вздрогнул и не подпрыгнул. Слово более не устрашало никого...

Михаил Булатов

Михаил занимается в Школе с момента ее открытия. Пришел студентом-первокурсником, сейчас — на четвертом.

Вот что он пишет о себе:

«Души пропитаны ромом, руки в шрамах от сотен прикосновений, губы обветрены тожным смехом, и усталость, как море, с проблеском серебристых летучих дней, а я сижу на пустынном пляже и кидаю гальку в набегающие волны. Меня часто спрашивают, о чем я думаю перед сном. Так вот, я представляю себе, что это — моя последняя ночь в одиночной камере и на рассвете отряд храбрых солдат превратит мое тело в швейцарский сыр. Иногда я думаю, что меня выдумал от безделья какой-нибудь чужак, которому просто не спалось ночью. Порой мне хочется повстречать его и разбить ему морду. Ну вот, значит, я сижу на пляже и кидаю в залив гальку. Это есть каждое мое слово — это мокрый маленький камушек, и так слова превращаются в историю».

ЗАПИСКИ ИЗ ХОЛОДИЛЬНИКА

Меня зовут Иннокентий. И, что хуже того, я пингвин. А вы думали, что это у вас проблемы? Непросто в русской глубинке жить пингвину с таким затейливым именем. И соседи мои — тоже пингины. Особенно этажом выше — полные пингины, напрочь отмороженные сибирской шоковой терапией алкогольного характера. Все мы живем в типовом пятиэтажном холодильнике советского года выпуска, по образу и подобию серого кошмара безымянного архитектора. Впрочем, все по-своему греются, когда по роковому стечению обстоятельств внезапно наступают сорокоградусные морозы и заканчивается горячая вода. А обвиним мы в этом досадном происшествии черную кошку, которая плюнула в колодец, да еще и галки в тот день низко летали. При таком раскладе бороться с сорокоградусным морозом можно только сорокоградусной водой. Коммунизм в коробочке, веселье в бутылочке, любовь вместо отопления, бронепоезд на запасном пути. Полный набор нашего гражданского счастья. Городок наш называется <вырезано цензурой>. Я, скромный пингвин-летописец Иннокентий, проживаю в лучшей части этого города. Район мой называется Оборона, и до сих пор находится в состоянии перманентной гражданской войны, так что если вы вознамеритесь совершить обзорную экскурсию, то не забудьте взять дедовский наган. Наша машина времени работает двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, и совершенно бесплатно. Попробовал сам — пригласи друзей. Выживет только один. А я хочу поведать вот о чем. Во время чумы знать запиралась в фамильном замке, и чтобы как-то скоротать долгие вечера, они рассказывали друг другу сказки. И хотя мы простые сибирские пингины и вряд ли можем похвастать благородным происхождением, будем действовать по тому же принципу. Искренне надеюсь, что это не затянется на тысячу и одну ночь, потому как русский климат никуда не годится для выращивания хурмы. Я, как потомственный пингвин, вам скажу — погода не летная. Но горячему сердцу не страшны холода, и коварный ЖЭК напрасно строит козни по уничтожению инакомыслящего населения. Сижу на холодной печи, ем черствые калачи. Однако это все при- сказка, а сказка будет впереди.

КОСМОНАВТ ВАСЯ И ХОМЯКИ

Каждый дурак знает, что на Луне живут зайцы. Точнее, не совсем зайцы, а дикие кролики. Просто в незапамятные времена советской первобытности у Хрущева там была ферма. На Земле он выращивал кукурузу, а на Луне кроликов, и наверняка у него был хитрый план о том, как сделать мир лучше и чище, но внезапно все закончилось. Советский союз распался, и кролики на Луне заявили, что у них тоже есть права и свободы, они хотят пить кока-колу, пользоваться Интернетом и ходить в джинсах. Словом, кролики быстренько совершили переворот на ферме и совсем отбились от рук, размножились в космических масштабах и теперь населяют Луну. Однако не о кроликах сейчас речь, потому как все об этом знают, и это скучно. Я расскажу вам о деклассированных хомяках. Это настолько страшная тайна, что ее не кинули на растерзание толпе даже после развала СССР. Мне рассказал об этом Космонавт Вася, простой русский мужик из деревни Гладкое Утюгово. Он как раз сидел на рыночной площади и копил в свою шапку-ушанку семейный бюджет, когда я проходил мимо в задумчивом настроении. И вот мы с ним разговорились, слово за слово, и выдал мне Вася такую историю, что волосы на голове сами в дреды заплетаются. А слову Космонавта Васи можно верить, потому как мозг его устроен не столь затейливо, чтобы так лихо соврать. Ведь для того, чтобы хорошо врать, надо обладать неординарной фантазией. А что видел Космонавт Вася в своей жизни? Бескрайние ряды картофельных батальонов и черную дыру чугунной сковородки, которая неизменно оказывалась в руках милой женушки, когда у той вылетали пробки. Но Вася с самого детства тянулся к звездам. Так и не вытянулся, хоча заметить — от горшка два вершка. Однако он не стал останавливаться на достигнутом. Раньше, когда в нашей стране пылесосы мастерили на ракетных заводах, в космос можно было запросто выйти покурить. И все пионеры хотели стать космонавтами. Но Вася так и не стал настоящим космонавтом, потому что должен же кто-то в колхозе на тракторе работать. А когда колхоз расформировали, у Васи появилось много свободного времени и трактор в придачу, который уже на фиг был никому не нужен. Однако вместо того, чтобы нырнуть в омут деревенского алкоголизма, Вася решил довести до ума мечту детства. К тому же благоверная Маня переквалифицировалась в хиппи и уехала автостопом в неизвестность. И, чтобы не заскучать, Вася занялся

изобретательством. Из старенького трактора, двух мотоциклов, пылесоса «Буран» и пароварки он сделал звездолет. Назвал Вася свой межгалактический пароход «Неугомонный Ильич». Трудился на заднем дворе день и ночь, и вот наступил тот волнительный момент, когда надо нажать красную кнопку. Ну Вася перекрестился, намахнул сто грамм для храбрости, пристегнул ремень безопасности, снял с ручки и нажал красную кнопку. «Неугомонный Ильич» заурчал, заворочался, радостно пукнул и взлетел в звездное небо. Соседская собака проводила меланхоличным взглядом удаляющийся в ночную черноту звездолет и вяло подумала: «Во дает мужик...».

С напором наглого ухажера «Неугомонный Ильич» показал кукиш Ньютону и окунулся в космос. В состоянии невесомости Василий парил, как небритая бабочка, задорно матерился и едва не плакал от вселенского счастья. Подобные чувства он испытывал только раз, когда мама сперла с работы под Новый год килограмм мандаринов. И вот теперь, как большой мандарин, приближалась заветная Луна.

В дорогу Вася взял сухариков. Вот сидит он, хрустит сухариками, попивает чаек и смотрит, как кометы в отдалении пролетают. Комета-комета! Ноги, крылья... главное у кометы — хвост! Красота, прямо хоть стихи пиши. Но стихи Вася писать не умел, потому не засорял зря словесное пространство возвышенными речами. И когда его звездолет аккуратно так прилунился возле кратера, он только восторженно выдохнул: «Ух ты ж ептыть, вот это да!». Маленькой и обиженной казалась отсюда Земля. Древние человеки думали, что Земля стоит на трех слонах и похожа на большой блин. Если начистоту, то представления Василия о космическом мироустройстве не сильно отличались от мифов древних народов. Он и читать-то умел только объявление в сельском ларьке, и то интуитивно угадывал, что слово «учет» синонимично слову «облом». Так что представьте объемы его удивления! Но еще больше он удивился, когда его любопытный взгляд прилип к другому иллюминатору, который выходил на лунные равнины.

Здесь следует рассказать о деклассированных хомяках. На Луну их выслали еще при царе, собрали и всех скопом выстрелили из пушки, по принципу Мюнхаузена. За инакомыслие и оппозиционные взгляды, как водится, лучший русский способ — выметать сор из избы. А в чем вся беда? Собирались себе хомячки по подвалам, снежинки узорные из фольги вырезали, хороводы водили, политику обсуждали. Ну, их и сдали, как это обычно бывает, в каждом тереме найдется свой неиз-

вестный доброжелатель. Пришла крутая инспекция, заявила, что они снежинки без лицензии вырезают, следовательно — государственные преступники. И живут теперь хомяки на Луне, у них там поселение небольшое. Неплохо обжились, кстати. Только по Земле сильно скучают, по царю-батюшке и синему небу. А без царя как? Его нет, и ругать некого. А ругать царя на расстоянии в несколько световых лет не так интересно. Ну хомяки без дела все равно не сидели. На Луне сырные пласты залегают, как раз под слоем сахарного песка. А лунный сыр — лучший в нашей Галактике, это я вам как гурман говорю. Наладили промысел, бывает, пролетит тарелка, они в нее сыр кладут. Просто так, от чистого сердца. А инопланетяне им свежие сплетни рассказывают, и ништяки разные со всей Вселенной дарят. Деревенка у хомяков небольшая, и живут там два славных товарища — Федором одного звать, а другого Варфоломеем. Федор коренастый, все делает не спеша, а Варфоломей раньше монахом был, но его потом предали анафеме за вольную трактовку Священного Писания. И так вышло, что именно с этими хомяками познакомился Космонавт Вася. Звездолет его как раз возле поселения припарковался.

Дело было так. Вася надевает свой гермошлем, переделанный из обычного мотоциклетного, и идет на прогулку. Шагает он по лунному простору радостной походкой Чиполлино, и выходит ему навстречу делегация. С хлебом, сыром и заморскими ништяками. Вася говорит: «Я с миром пришел, мне ваши жемчуга ни к чему!». А они ему: «Рады тебя видеть, просто слов нет! Ты никак из России будешь?». Три дня и три ночи рассказывал Василий деклассированным хомякам, что с нашей страной приключилось. Он бы и дальше рассказывал, но вспомнил, что у него на огороде огурцы полить некому. Хозяйственный мужик был Космонавт Вася. Потому стал собираться домой. Хомяки стали думку думать, и решили старейшины отправить с Васей двух своих представителей. Угадайте кого? Ну, конечно, Федора с Варфоломеем, потому как эти двое наибольшим уважением пользовались. Вася пообещал в следующий раз варенья из смородины привезти пять трехлитровых банок и одну малинового, а Федора с Варфоломеем условился через недельку обратно доставить. Распрощались они, погрузились втроем в звездолет, «Неугомонный Ильич» попыхтел и отправился в обратный путь. Смотрит Вася в окошко, а там ему вслед белыми платочками машут. Как это мило, прямо сердце тает. Как сахар в чае.

Новый день разгорался над селом Гладкое Утюгово. Свекла колосилась, чирикали слоны, плыл запах парного молока, доярка Афанасия шла к своим коровкам. Словом, самое обычное утро. И тут вдруг небеса разверзлись, и народу явился «Неугомонный Ильич». Афанасия так и выронила ведра, перекрестилась и не своим голосом прошипела: «Прости, Иисусе, за грехи наши тяжкие! Не буду больше мужу законному со Степаном изменять!». Ну и в слезы. Дед Колиныч в это время сидел в укромном сортире, слюнявил себе папироску и вдруг слышит гром с неба, шум-дым, искры летят. А Колиныч был не абы кто, а ветеран всяких войн. Как заорет: «Проклятые янки! Нас, русских, живыми не возьмешь! Я вам сейчас устрою Хиросиму по самую Нагасаку!». Как пуля выскочил, сверкая голым задом, побежал в дом за двустволкой. Куры по всему селу начали нестись, как полоумные. Гвалт, лай собачий, кудахтанье. Конец света в глубокой провинции, в общем. Вася немного не рассчитал и приземлился прямо возле деревенской церквушки. Пыль улеглась, отворяется люк и выходит он к людям.

Ошалевший поп в рясе путается, на колени перед ним падает: «Вот оно и второе пришествие! Знали мы, знали, давал ты нам знаки! И гроза намедни была, молнией телевизор у председателя пожгло! Прости, Господи... но это не я церковь под сапожную мастерскую сдавал, честное слово!». Вася в затылке почесал. На правом плече у него хомяк Федор сидит, на левом — Варфоломей, тоже ничего понять не могут. Короче, навели они шухера. Пока разобрались, что Василий — не Иисус Христос и не атомная бомба с другого континента, уже вечер наступил. Народ расстроился немного, что все настолько прозаично, и разошелся по домам.

Сидят в избе Вася, Федор и Варфоломей. Самовар поставили, граммофон включили. Ах, это танго... Месяц за окном лукаво щурится. Тут Варфоломей и говорит: «А знаешь, Вася, ничего в этой стране не изменилось. Только царя-батюшку теперь по-другому величают». А Василий отвечает: «А что делать? Ты чай пей, печенюшку ешь, варенье вот домашнее... сами сыты, все есть, одеты-обуты. Наше дело маленькое, мы в большие вопросы нос не суем...». Тут Федор посмотрел на Васю, но ничего не сказал. Только подумал: «Точно. И вряд ли изменится».

На следующий день все село уже судачило да сплетничало про Космонавта Васю и его звездолет. Детки просили покатать хотя бы

до Юпитера, все мужики наливали и руку протягивали, девушки при виде Василия краснели, смущались, некоторые даже в обморок падали. Прямо как светские дамы, честное слово. Народным героем стал Космонавт Вася. Устроили в селе пир на весь мир, накрыли столы праздничные, все погребка подчистили. Гуляет русский народ, как перед судным днем, ничего врагу не оставит. Веселье и реки улыбок, озера смеха, оливье на столе, любовь под столом, и джигу босиком на жестяной крыше танцует деревенский дурачок. Однако сказка на этом не заканчивается, потому как непременно должна случится какая-нибудь гадость.

И гадость случилась. Прознал про Космонавта Васю чиновник из города, Кондрат Бякин по прозвищу Горыныч. Почему Горыныч? Есть несколько причин. Ходит в народе молва, что если обдаст кого перегаром светлый чиновник Бякин, то убьет дыханием наверняка. К тому же есть у него два заместителя, Кузьма Ешкин и Слава Колабас. В общем, еще две дурные головы в комплекте. Приехал Бякин в Гладкое Утюгово, и оба его заместителя приехали. Чтобы, значит, вживую посмотреть на народного умельца. И отобрали у Васи звездолет. С нарядом милиции приехали. И увезли Космонавта Васю в острог. Сказали, что это целый ряд правонарушений. Василий, оказывается, не просто за границы страны без визы выехал, он за границы планеты умудрился улететь без специальных на то документов! А трактор-то был государственной собственностью. Как можно без разрешения из него звездолет делать? Ну и еще чего-то приписали, чтобы не скучно было. Вот тебе, бабка, и Юрьев день...

Сидят Федор с Варфоломеем, грустят. Печаль их увеличивает в геометрических масштабах, прямо пропорционально минутной стрелке, с каждой минутой умножай на два. И потому, что домой, на Луну, уже не вернуться, да и Вася хороший мужик был. Жаль его. И все село впало во вселенскую апатию. Не растет кокос, крокодилы не дают молока, тучки серые солнышко закрыли. Короче, капец.

Ну должно же быть чудо? Хотя бы маленькое, карманное. Одно-разовое. И если солнышко ясное закрыли тучки, это не значит, что за тучками нет солнышка. Есть оно, никуда не пропало с неба. И нет-нет да и подарит людям лучик света. Дожди шли день и ночь, дорогу совсем развезло. И проезжал мимо бродячий цирк. Если бы не дожди, то фиг бы остановился цирк в Гладком Утюгово. А тут внезапно караван встрял. Простой деревенский люд и сбежался посмотреть на ве-

ликанов, пуделей и клоунов. Федор с Варфоломеем, ясное дело, тоже пошли посмотреть на чудо. И был вместе с цирковым караваном волшебник. Никто не знал его имени и откуда он родом. Одни говорили, что его подкинули цыгане, другие — что нашли в капусте, за сараем, при загадочных обстоятельствах. Также есть мнение, что он внебрачный сын Мерлина и Гендальфа. Но все это враки, не достойные нашего внимания. Волшебник был высоким типом в пальто, и поговаривали, что его взглядом можно заколачивать гвозди. Сначала волшебник помогал всем, кто просил помощи. Зажигал звезды, дарил леденцы детям, давал глоток воды тем, кто умирал от жажды, и был соломинкой для тех, кто не испытывает недостатка в воде. Но люди обычно складывают в карманы памяти непотребные вещи. Никому не нужны были настоящие чудеса. Разве мешок денег, или пост большого начальника, или красавица, что лопнет наутро, как мыльный пузырь, — чудо? Любой ребенок ответит вам, что это шарлатанство.

Федор с Варфоломеем заприметили волшебника издалека. Он сидел верхом на папиросном облаке и дремал под стук капель, что разбивались о долгие поля его черной шляпы. Варфоломей подошел к нему, дернул за полу пальто и сказал: «Дядя волшебник, сделай так, чтобы все было хорошо».

Волшебник очнулся от дремы, поправил шляпу и улыбнулся в упор. И Федор с Варфоломеем рассказали ему и про Космонавта Васю, и про звездолет, и про Луну. То есть рассказывал по большей части Варфоломей, а Федор иногда значительно кивал. Волшебник их внимательно выслушал, а потом задумчиво, как будто разговаривал сам с собой, ответил: «Я не помню своего имени, но я точно знаю, что это я однажды придумал эту историю. Слово — крепкая петля для любой шеи, не удивительно, что ей можно заарканить чудо. Зима никак не хотела заканчиваться, и я очень устал. В тот вечер я уснул и проснулся уже здесь. Теперь мне кажется, что все, что происходило со мной раньше, — путаный и глупый сон. Я путешествую с этим караваном изо дня в ночь, из города в город. Разве мы властны над сном, что пригрезился нам под утро? Помочь вам будет непросто, но я попробую». Потом волшебник вытащил из-за уха огрызок карандаша, извлек потрепанный пухлый блокнот из внутреннего кармана пальто и стал неторопливо писать: «Космонавт Вася был прощен и вернулся из тюрьмы живой и невредимый. Он немного похудел и чуть поседел, но это даже придавало ему некоторую солидность. Кондрат Бякин был

пойман на горячем за мохнатую лапу, а его два заместителя перессорились и съели друг друга... Жаль, звездолет вернуть уже не удалось. Его успели продать НАСО как последнюю разработку русской военной разведки. А потом наивные американцы удивляются, откуда НЛО над Калифорнией».

Тут Федор впервые спросил: «А что будет дальше?». Волшебник встал, отряхнулся и надул большой мыльный пузырь. «В нем вы полетите на Луну. Торопитесь, пока ветер к вам благосклонен», — сказал волшебник. Космонавт Вася тоже было дернулся в пузырь, но волшебник придержал его за рукав: «Тебе нельзя, пузырь не выдержит. Твое место здесь». Только Варфоломей успел шепнуть: «Прощай, Вася». Мыльный пузырь подхватило попутным ветром и унесло в сумерки. Потом он просто растаял в дымном киселе неба. Тут же растаял и волшебник, как будто его никогда не было. Цирковой караван двинулся дальше, деревенский люд разошелся по домам. Одноразовое чудо закончилось и не обещало вернуться. Чудо вообще никогда не предупреждает о своем появлении, оно такое же внезапное явление, как первый поцелуй. И только Космонавт Вася стоял и смотрел на юную Луну, что висела, накренившись, над лесом. Вы, вероятно, захотите узнать, что же было потом с Василием, и добрались ли благополучно Федор с Варфоломеем домой, и куда подевался волшебник. Но я не стану об этом рассказывать, потому что все, что случилось после, к сказке уже не имеет никакого отношения.

За сим заканчиваю свою историю я, пингвин по имени Иннокентий. Съедает меня грусть-тоска. Надеюсь, оставит хотя бы кусочек для вас. Приходите завтра, а сегодня в моем лукошке больше нет цветных сказок. Да и друг мой, Ежик, уже стучится в дверь. А когда друг рядом, холод — явление пустяковое, как воздушный шарик.

КОШКИНЫ СЛЕЗЫ

«Кто? А зачем? Почему темно? А ты правда Бог? А мама скоро вернется?..» Каждый раз он слышит одни и те же вопросы. Стоящий в тени родной брат Оле Лукойе. Он рассказывает сказки тем детям, которым не суждено было издать первый крик.

ПРОЛОГ

Рыбку звали Блэкмор. Ей было тесно в трехлитровой банке. А также кофе по утрам, пепельница-краб и разношенные ботинки с красными шнурками. Еще были тихие вечера у торшера с книгой и прогулки в городском парке. Жизнь студента филологического факультета Лени Спицына протекала тихо и спокойно, как оргазм Будды. Его день начинался с того, что он кормил водоплавающее, затем ставил на огонь джезву и шел бриться. Брился он торопливо, чтобы кофе не сбежал буйнить. За ним нужен глаз да глаз и ухо остро, а то стоит только от-вернуться, и на плите взрывается Везувий.

А под диваном жили носки. Иногда они жрали друг друга, потому их всегда оказывалось нечетное количество. Леня шарил под диваном, отряхивал от пыли и надевал на ноги разноцветные чехольчики. Еще были сиреневые тапочки, но они не дружили. Их редко можно было застать вместе. Потому, как правило, путь на кухню Леня проделывал в одном тапке. Из жестяного портсигара он доставал серую папиросу и деловито дымил, стряхивая пепел в панцирь краба. Так было каждое утро, шаг влево, шаг вправо, поворот вокруг оси...

ЧАСТЬ 1

Из форточки слышен воробьиный смех и запах дождя, а дым лу-кавой змеей пляшет под потолком. Радио сонно булькает и хрипит прогноз погоды. Леня спешно одевается, не забывая приглядывать за кофейным вулканом. После он снимает джезву и бросает взгляд на часы, что перешли ему в наследство от бабушки. Эти хитрые часы об-ращались со временем так же небрежно, как моряк с портовой шлю-хой. То прибавляли, то отнимали минуты, а иногда вовсе замирали в некоторой неопределенности. Особенно часы путались, когда небо за окном вело себя неподобающим образом. То ли распускало лепестки, то ли клонилось в ночь.

Потом прихожая. Красные шнурки в тяжелых армейских ботин-ках. Ботинки — память о папе, а шнурки — о маме. Она всегда люби-ла красный цвет. Скрепив ботинки связующей нитью дружбы, Леня отправляется в универ. Если часы показывают полвосьмого, значит, трамвай-шатун под интригующим номером 13 так или иначе скоро окажется на остановке и станет набивать брюхо людьми.

Он поедет по Садовой, свернет на Одесскую, побряцает на рельсах рыхлым телом до Пролетарской и остановится у сквера им. Белинского. Трамвай ни разу на памяти Лени не изменил своих привычек. Но все когда-то случается впервые, как месячные или первый поцелуй.

Сейчас конец октября, но он уже прикидывается началом апреля. Только воздух пахнет иначе, покоем и ладаном. Весенний же воздух, напротив, наполнен тревогой и надеждами. Моросит бисер, а дыхание тут же облаком тумана вырывается из легких и плывет в хрустящем воздухе, как бумажный кораблик. Спицын влез в переполненный трамвай, потолкался среди податливых задниц и острых взглядов канцелярских служащих. Привычно расплатившись за проезд, он уже начал задремывать, когда вдруг маршрут № 13 завизжал тормозами, залязгал и, наконец, конвульсивно дернувшись, остановился. Из кабины водителя выкатился краснощекий колобок. В связи с отсутствием бороды в нем угадывалась женщина. Задыхаясь от натуги, она заорала:

— Ты чего, молодуха, совсем ума лишилась, мать твою за ногу? Ты какого черта на рельсы встала? Жить надоело, да? Так вали отсюда, пока я тебя за волосы не оттаскала по мостовой!

Двери недовольно распахнулись, и Спицын вышел посмотреть, что же там стряслось. На путях спокойно стояла девушка в сером пальто модного покроя. Слегка наклонив голову, она с некоторым разочарованием глядела на остановившийся трамвай и курила тонкую сигарету в изящном мундштуке. В ней было все. Стать и достоинство Эйфелевой башни, невозмутимость Ганга. И какой нос! Нос ее недвусмысленно говорил о высоком положении в обществе. Волосы отливали медью, как кираса конкистадора. И глаза, в них отпечталась самая обаятельная разновидность усталости. Такие глаза могли бы быть у волчицы, которая потеряла весь свой выводок. Две замочные скважины в темную комнату, где заперли маленького ребенка. Что уж говорить, девушка в сером пальто была необыкновенно хороша. Так студент Спицын встретил графиню.

Хозяйка трамвая тем временем продолжала беситься, но до рукоприкладства так и не дошло. Девушка, по чьей вине случилась досадная внеплановая остановка маршрута № 13, пожалала плечами, выкинула сигарету и сошла с путей. Трамвай тронулся, и тогда до Спицына дошло, что он до сих пор стоит и беззастенчиво пялится на графиню. Она между тем достала еще одну сигарету и собралась уходить.

В воздухе уже повисло предчувствие ее цокающих каблучков. Несколько секунд Спицын решался, потом вдохнул и окрикнул графиню:

— Будете искать более удачный маршрут?

Та поехала, как бы от ветра, и бросила на ходу:

— Отвали, школота. Я тороплюсь.

Но Спицын не мог смириться с таким положением дел. Графиня остановилась, долго засовывала сигарету в мундштук и щелкала длинными спичками, но никак не могла подкурить. Тогда он подошел ближе, пошарил по карманам и достал зажигалку.

— Спасибо.

— Почему вы все-таки курили прямо на путях?

— Я взрослая женщина и могу позволить себе курить, где захочу...

— Но, по-моему, курить на трамвайных путях — слишком вредно для здоровья.

— Возможно. Но жизнь вообще яд. Все дело в дозе.

— Как вас зовут?

— А ты шустрый малый. Меня зовут Тамара.

— Меня зовут Леня Спицын.

— Но я не спрашивала твоего имени.

Так они стояли и смотрели друг на друга. Тамара и студент филфака Леня Спицын. Сверкают бенгальские огни, пахнет порохом. Где-то далеко звякает уходящий трамвай. Но в это утро все сошло с накатанных рельсов и покатилося уже совсем по другому пути.

ЧАСТЬ 2

Тамара сдвинула брови и вопросительно посмотрела на Лёню Спицына, а он не нашел ничего умнее, как спросить:

— Ммм... Ну и что теперь?.. Зябко...

Тэм улыбнулась, прищурилась. В груди у нее явно билась какая-то мысль. Она сцепила пальцы:

— Ну да... действительно зябко. Да! Я знаю, как нам разогреть кровь. Портвейн спасет наши души и туши.

— Ну что же, на пары я все равно опоздал...

— Ты готов променять общество прекрасной незнакомки на нудные лекции? Ну ты и м... к!

— А заниженной самооценкой вы явно не страдаете.

— Не дерзите, юноша. Мой муж — военный офицер...

— Мне должно быть до этого какое-то дело?

— А, ну да. Так на чем мы там закончили?

— Портвейн, сударыня...

Идут, ни одно словечко не выпадет из дырявого кармана. По пути им подвернулся подвальный магазинчик, где они и приобрели «Три Топора». Через час бутылка портвейна — наполовину, пальцы немеют от ветра и задумчиво теребят пуговицу на пальто. В безымянном сквере пусто, деревья желтеют, потому что солнце слишком долго любовалось листвой. Эти двое вряд ли бы когда-нибудь встретились. Но — карнавал случайностей, лотерея душ, рулетка одиночества. Фу, какие сопли. Просто барахтанье в тине, в полутьме комнаты, и жаркое дыхание, и осязаемый глоток вязкой пустоты на голодный желудок. Птички летят на юг, мысли улетучиваются из головы вслед за ними, неутомимый дворник метет опавшие листья. Краснеет рябина, ее ягоды похожи на девственную кровь. Лето отдает себя в прохладные объятия осени, и скоро их ложе застелет белыми простынями.

— Почему ты даже не попытался меня поцеловать, мальчик? Ты пьян, и никто тебя не накажет за вольности. Разве что я сама отвешу тебе пощечину...

— Потому что вы ждете. Играть по заранее известным правилам — пустое.

— Да? И какие же игры ты тогда предпочитаешь?

— Русскую рулетку, например. Я бы попробовал.

— Что, ты хочешь сказать, что не сдрейфишь? Что тебе действительно нечего терять? Знаешь вообще, о чем говоришь? Что ты здесь делаешь? Иди и прыгни с крыши! Ограбь банк! Сделаешь это для меня? Что правда не страшно за свою жизнь? Или заткнись. Хватит говорить глупости.

— В русской рулетке у меня хотя бы есть шанс, разве нет?

— Шанс есть всегда, — Тэм достает из внутреннего кармана пальто лакированную коробочку. — Шанс есть, а вот смысла в этом шансе нет.

Она аккуратно открывает коробок, окунает в него пальчик и торопливо втирает в десна белый порошок. Зрачок шире, мысли уже, слова короче.

Леня смотрит, как дворник метет листву. Шанс есть, а смысла нет... Дворник делает этот мир чище, пока они тут треплются о высоких материях. А может, в этом и есть смысл? Сколько умных представителей

человеческого рода съехали в сточную канаву по кокаиновым дорожкам, по героиновым приколам, уснули на дне бутылки, споткнувшись о простенький и вроде бы безобидный вопрос «зачем?». Действительно, зачем? Писать книги и получать Нобелевскую премию, идти войной на соседние страны или учиться эстраднему вокалу, устраиваться на работу и создавать ячейку общества, приходиться домой и говорить: «Привет, милая. Что у нас сегодня на ужин?». А тебе уже и ужин комом в горле, и милую хочется придушить подушкой во сне. Вот в простых действиях, например когда ты сморкаешься или справляешь малую нужду, — в них смысл есть. Но тогда чем ты отличаешься от бабуина? Бабуин даже лучше тебя. И точно счастливее. В его пучеглазой уродливой голове никогда не появится вопрос «зачем?». А через десяток-другой лет ты пройдешь медицинский осмотр, и тебе назовут примерную дату. В обозначенный срок ты мирно склеишь ласты. Нарядят тебя, как на свадьбу. Уложат заботливо в ящик и забросят землей. Будут иногда менять венки. А потом умрет и сама память о тебе. Зачем ты воспитываешь ребенка, если он вырастет, уедет в большой город и сядет на кислоту. Или станет вором. И снова сядет, только уже в камеру. В клетку. И превратится в одноклеточное. Или умрет от лейкемии. Да какая разница? Не лучше ли, если он еще в возрасте года выпадет из окна? Тогда до конца жизни ты сможешь показывать друзьям его фотокарточку, мечтать о том, каким бы он мог стать хорошим человеком. А друзья тебя будут жалеть. И в этом, несомненно, ты найдешь смысл. Ведь страдать так увлекательно. Ну или твой ребенок просто уедет, начнет жить своей жизнью. Это ведь вам не ручной попугайчик. Наплодит таких же хорьков. И будет вспоминать о родителях по праздникам. В лучшем случае. Тот самый ребенок, в которого ты вложил всего себя, все силы и душу, все время. В котором ты видел смысл своей незатейливой жизни. Зачем влюбляться, молиться, поститься и учиться? Чтобы вдруг — и темно, и холодно, и сыро, и нет тебя? Перемешали, пережевали, проглотили. Съели.

Может быть, смысл не в результате. Смысл в самом процессе. Дворник метет листву и по-своему делает мир чище. Нет для него никаких неразрешимых вопросов бытия, он делает то, что у него получается лучше всего. Это так просто.

Внезапно графиня сказала:

— Мне холодно. И страшно. Папиросное небо больно раком и шершавым языком облизывает нам с тобой головы. Холодно... как же холодно...

– Чай. С лимоном и мятой. Или кофе, с корицей, апельсином и горьким шоколадом.

– Где?

– В двух кварталах.

– Пойдем.

Часть 3

Герань на окне давно никто не поливал. Листья ее пожелтели, высохли и покрылись неприятного вида пятнами. Вряд ли она смогла бы снова ожить, ее сухие корни еще цепляются за грунт, как узловатые пальцы старика за край постели. «Мало чем этот цветок отличается от тебя или меня, милый. У герани усталые мысли, ее улыбка – как пинта кислого молока. Если не уделять человеку внимания, его глаза высохнут и пожелтеют. Глаза, которые говорят: «Хотя бы глоток, маленький глоточек. Мне холодно, разве ты не видишь? Мои листья высохли, я некрасивая. Ты больше меня не любишь. Я сегодня долго вспоминала, как тебя зовут. Возьми меня за руку. Хотя бы из жалости...». Если бы не гордость, то в отчаянии герань снизошла бы до отвратительных слез, она бросалась бы в ноги, хваталась за подол и умоляла: «Дай, согрей, не бей по лицу». Но у нее нет на это влаги, нет сил, и она не верит, что это чем-то поможет. Это слишком большая роскошь, это низко и недостойно графини. Жизнь, как кусок масла в горячей манной каше. Тает так быстро...» – так думала Тамара, когда смотрела на герань. Или это думала герань, когда увидела вошедшую девушку? Кокаин творит чудеса.

– Дай мне воды, – попросила графиня.

Леня взял полотенце, протер стеклянный стакан и налил воды, протянул графине:

– На...

Она кивнула и вылила воду в горшок с геранью. Посмотрела, потом сказала:

– Еще... Почему ты не поливаешь свой цветок?

– У меня мало времени, всегда забываю это делать...

– Все мужчины одинаковы.

Леня непонимающе смотрит на графиню. Ему стыдно за свой цветок. Он хочет его выкинуть.

– Не обижайся. Лучше иди и свари кофе.

Приготовить хороший кофе — дело долгое, напиток надо медленно нагревать на огне, но ни в коем случае не позволять ему закипеть. Добавить апельсиновой цедры, немного корицы. В общем, кофе варится в среднем полчаса, после чего начинается извержение. Успеть снять джезву с плиты именно в тот момент, когда ликующая кофейная шапка готова выплеснуться за край — вопрос опыта. Затем еще в течение минут пяти джезву надо прогревать, давая жидкости вспениться. Вкус кофе зависит от настроения. Он может быть как горьким, так и сладким, со всем букетом оттенков твоего чувства. Леня пробует кофе. Сладко, но в меру. Без передозировки.

Пока Леня готовил кофе, графиня уснула. Она прикорнула на кушетке, в руке у нее была лакированная коробочка. И выражение беспечного, детского счастья на измученном лице не портили даже тяжелые круги под глазами. Наверняка ей снились светлые сны про арахисовое масло и воздушные шары. Или вовсе ничего не снилось. Прекрасное ничего.

Леня накрыл графиню клетчатым пледом. Сумерки осенью наступают так рано...

Тамара и не думала просыпаться, даже когда мрак за окнами загустел, как вишневое желе. «Наверное, дома ее потеряли и сейчас носятся по городу и ищут в темных подворотнях знакомый тонкий силуэт. Одергивают за плечо незнакомок, спрашивают — а не видел ли кто ангела? Всамделишного, настоящего, с прокуренным голосом, с желтыми глазами, нервного. Глупо спрашивать». Так думал Леня, но мысли эти были как-то между делом, плавали на поверхности. Сегодня ангел у него в гостях, разве что-то еще имеет значение?

Однако никто ее не искал. Эти выходки для мужа давно стали привычными. Как становится привычным луковый суп или гольф на выходных. А когда безумие становится нормой, оно перестает быть таковым.

Дышит, тихо и ровно, иногда ворочается и вздрагивает. Леня поправляет плед. Он все сидит рядом. Если наклониться над ее ухом, то можно почувствовать, что волосы пахнут персиками. Настенные часы лениво считают ночь, пытаются измерить ее вдоль и поперек. Под утро Леня кинул на пол пальто и улегся рядом с кушеткой.

Если бы мы запоминали все сны, то давно бы сошли с ума. Или стали богами. Хотя вполне возможны оба варианта. Как будто кто-то запрещает нам помнить эти ночные откровения, остается только ощущение, что их отобрали. Кадры, которые вырезали из фильма.

Но этот сон стал неожиданным подарком. Такой бы сложить в шкатулку, вместе с цветными пуговицами, значками, бусинами, выпуклыми линзами и другой разной мелочью, столь милой для памяти. Вот вам этот сон, извлеченный из шкатулки с бесценными безделушками. Радуйтесь, но не забудьте вымыть руки и помолиться.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

«Он плывет по улицам ночного города, скользит в зеркальной глади мостовых. Шагает бесшумно, останавливается на театральной площади почитать афишу. Летучий голландец приходит за теми, кто не спит и бродит ночами без цели и покоя. За теми, кто уже ничего не ждет и кому некуда возвращаться. Мы гоняемся за призраком, вдвоем и по отдельности, ждем его у причала, ищем за столиком в кофейне, мы даже в меню десертов смотрели. Неизвестность так привлекательна, когда ты теряешь себя в калейдоскопе. Жизнь, она ведь как лоскутное одеяло, из дней, событий, памятных дат, мы не устаем вплетать новые цвета, пробовать на язык, примерять маски, вешать ярлыки. А я просто хочу уснуть под этим одеялом с тобой. Слушай эту музыку. Ты слышишь?»

Смотришь в зеркало, чтобы вспомнить свое имя. Чтобы убедиться — ты все еще есть, лицо не растаяло, не оплавилось свечой. Летучий голландец можно поймать только один раз, шансы стремятся к нулю, а ноль стремится к бесконечности. Страшно взойти на палубу, отбросить сходни, купить билет в один конец, шагнуть в пропасть и навсегда забыть, кем ты был раньше. То есть сначала кажется — проще простого, это именно то, чего ты хочешь. Но когда доходит до дела, понимаешь — накрепко держит паутина важных звонков и неотложных встреч.

Отчаяние — это разве не повод? Чтобы обрести свободу, надо утратить все. Корабль дураков — вот кто такой Летучий голландец. Все мы здесь дурные, вопрос в процентном соотношении.

Они сбежали. Вместе, взявшись за руки, со счастливой улыбкой обреченных пациентов ракового корпуса. Никто не хватился искать их поутру. Да брехня все это. Она сдохла от передоза, а он сорвал стоп-кран на своем сердце».

Пока Леня досматривал сон, графиня собрала вещи. Она проснулась в незнакомом месте — ну что же, не впервой. Но тот худощавый

парнишка, свернувшийся на полу, вызывал у нее блеклое подобие улыбки, а это большая удача для того, чьи губы давно знают только усмешку.

К тому же на кухне нашлась чашка недурного кофе. Он, даже остывший, сохранил свой чудный вкус. Графиня уже собралась уходить, но внезапно остановилась на пороге. Вернулась, нашла на письменном столе ручку и прямо на обоях оставила записку:

«Когда бронзовая леди бросит свой взгляд на новую луну, я буду ждать тебя в окружении чугунных истуканов. Полночь – время для побоев виноградной лозы. Ищи меня там, Тамара».

Ушла и подумала – все равно ведь ни хрена не поймет...

ЧАСТЬ 4

Разобраться в настенной живописи Тамары оказалось непросто, но только потому, что почерк ее более всего напоминал кардиограмму гипертоника. Однако Леня не зря учился на филологическом факультете, абстрактное мышление у него было худо-бедно развито. Потому, помаявшись недолго, он перевел записку графини примерно так: «через три дня (новолуние), на фонарной аллее в городском парке, возле статуи Афродиты, в полночь, прихвати с собой бутылку вина и жди меня там».

Первый снег был похож на стаи летучих рыбок. Воздух искрился и плясал. Он, словно доктор, бинтовал белым промокшие тополя и фонари, что стояли на ветру, как горбатые постовые. Эта невероятная легкость до сладкой тошноты, когда хочется встать на носочки и тянуться, вверх и прочь. Кажется – подпрыгнешь и поплывешь над мостовой. Снег слишком чистый, он новорожденный, как можно топтать его?

Леня улыбался: «Вы чувствуете, что-то сдвинулось, изменилось, началось... Время останавливается и чешет затылок. Даже у него есть терпение. Слишком утомительно работать двадцать четыре часа в сутки». Три дня тихого помешательства. Иногда рассудок пробуждался ото сна и ошалело смотрел на своего хозяина. Тогда внезапно образумившийся Леня спрашивал себя: «А не влюбился ли ты в суку, мальчик? Да какая там любовь. Правила известны, законы расписаны. Все в рамках жанра». Однако, слава богу, рассудок быстро засыпал под колыбельные песни сердца. Любовь – это когда у мозга выходные, и язык может нести любую чушь. Но тут все обрывается. Надеяться – это

так страшно. А вдруг сорвется, ускользнет или вовсе это не рыба, а всего лишь дырявый сапог?

Леня вышел из дома, когда луна снова стала девочкой. Он почти не сомневался в том, что никого не встретит. Зачем портить это ощущение праздника? Пусть запомнится тот день, когда он увидел девушку на трамвайных путях. Как он варил для нее кофе. А потом он придумает, что могло бы случиться. И так, наверное, будет лучше. Но ноги уже несут его на фонарную аллею. Как будто он не сам идет, а его ведут за руку. И как бы он ни упирался, все равно от судьбы не убежишь. Она уже выкинула кубики, и теперь, куда бы ты ни повернул, что бы ты ни сделал, — все решено, точки возврата нет. В кармане пальто болтается бутылка вина. «Сейчас померзну немного на улице, потом открою вино и вернусь домой. Выпью в одно горло и лягу спать» — так думает Леня. Но его радужным мечтам не суждено сбыться. Потому как графиня ждет его у статуи. Смешная такая, как нахохлившаяся ворона.

— Засранец! Ты не мог шевелиться быстрее? Я уже нос себе отморозила! И пальцы! Они совсем не гнутся! Можно я погрею их на твоём горле?

— Только не переусердствуй. Или ты любишь развлекаться с мертвыми мальчиками?

Конечно, все ей можно. Так бывает, когда срываешь джекпот в лотерею — на краткий миг чувствуешь, что поравнялся с Богом, и мир строился по твоим личным чертежам. Она снимает перчатку и берет Леню за руку. Именно так — вам никогда не казалось, что руки в перчатках это все равно, что глаза за солнцезащитными очками? А пальцы у нее тонкие, как ивовые ветки.

— Знаешь, это как будто помощь сиротам, или пингинов поднимать. Когда над Антарктидой пролетает самолет, они все, как один, задирают головы, а потом падают и не могут встать, — говорит Тамара, а потом ложится на первый снег, прямо на мостовую. — Смотри, я пингвин!

— Надень быстро мою шляпу, — говорит Леня, и сам срывает с себя шляпу и пытается надеть на графиню.

— Зачем это? Зачем мне твоя шляпа? Пингины не носят шляп!

— Потому что в ней мои теплые мысли. О куркуме и пляжах на Ямайке. Надень, ты быстро согреешься!

— Вот дурак! — Тамара смеется, и говорит «дурак» ласково, так, как обычно люди говорят «я люблю тебя». — Дурак ты! У нас же вино есть!

...Тамара сидит, обхватив колени. Они нашли этот чердак случайно, когда складывали мозаику из ночных улиц. Это такая игра — идти туда-не-знаю-куда, смеяться над названиями улиц, забредать в подворотни, останавливаться под одинокими фонарями и, тыкая пальцем в небо, кричать «Медведица!».

— Знаешь, я раньше очень любила мандарины, — сказала Тамара, — но однажды я узнала, что на каждый Новый год мама ворует эти мандарины с овощной базы. Она там работала, понимаешь, и таскала их домой. А отца не было, и жили... ну, не то чтобы совсем бедно, — она закуривает, теребит в руках сигарету, вздыхает, — а потом, как-то сразу, я вышла замуж. Мой муж зарабатывает хорошие деньги, и вот теперь я могу есть эти чертовы мандарины тоннами. Но они уже не сладкие, в чем проблема! Вонючие, кислые мандарины!

Графиня поежилась и соскочила с неприятной для нее темы. Теперь она говорит нараспев:

— Белая манка, небесное зерно. Я хочу лечь на снег, в самом сердце ледяной пустыни. Подобное — к подобному, и нет ничего. Только черное полотно, только белые хлопья. И засыпать, засыпать без мыслей о том, что надо будет просыпаться.

Леня вздохнул, снял пальто и накинул его графине на плечи. Зябко закурил и спросил:

— Ты знаешь байку про Медвежью Шкуру?

Графиня молчит, она не знает ничего про медвежью шкуру. Вообще, плевать она хотела тому медведю в глаз, ей сейчас тепло и хорошо. Пускай рассказывает парнишка про медвежью шкуру. И Леня рассказывает:

— Случилось это в тайге, где облака гнуса, испарения от болот и хвойный запах. В охотничьей избушке собрались мужики, расплескали по стопкам водочки, растопили буржуйку и давай языками чесать, девок своих вспоминать да охотничьим успехом похваляться. И вот один бородач говорит, мол, — все хорошо: и огонек веселый, и водочка чистая, да только не хватает нам с вами медвежьей шкуры. «Зачем нам здесь медвежья шкура?» — спрашивают его приятели. А ему все нейдет: «Значит, какой ж ты охотник, коли ты на медведя не ходил?». Весь вечер гнал хмельной мужик эту телегу. Приятели уже подшучивать над ним стали — говорят, ты бы молчал, а то придет к тебе эта медвежья шкура своим ходом! Но время за полночь, водку допили и давай спать стелиться. Ночью мужик просыпается и слышит: на улице кто-то пустым

ведром гремит. Боязно ему, не хочется наружу в холодрыгу выходить. Но и уснуть не получается, гремит кто-то ведром и все тут. Мужик попробовал друзей растолкать, но те спят, как мертвые. И тогда он сам начал злиться, думает, выйдет сейчас — намылит шею шутнику. Это кто ж вздумал под порогом избушки с пустым ведром забавляться? Ну, мужик пьяный, не дотумкал, что рядом с охотничьим домиком на десятки километров нет человеческого жилья. Прихватил ружьишко, влез в сапоги и пошел. Открыл дверь с ноги, сам злой, как черт, вперед ломится. А в лесу — никого, и звуки странные исчезли. Мужик уж решил, что ему все это спяну примерещилось, засмолил папироску и вдруг чувствует — сзади кто-то стоит. Он оборачивается, да так и выпала у него папироса изо рта. Стоит перед ним Медвежья Шкура с пустым ведром. Мужик даже вскрикнуть не успел, а Медвежья Шкура надела ему ведро на голову и утащила в лес.

Молчат, дышат прерывисто, с присвистом, легкие не казенные. Жуткая история получилась, что и говорить. Графиня, наконец, спрашивает:

— Ну и к чему ты рассказал все это? У меня до сих пор волосы на голове, как водоросли в речке, шевелятся, и мурашки по всему телу бегают.

А Леня улыбается, отвечает:

— А это я к тому, что осторожнее надо быть со своими желаниями. Слово изреченное — это уже как заклинание. Опомниться не успеешь, а будешь замерзать на Северном полюсе, пингвин ты великолепный.

И обнялись, и руки переплели, и рассмеялись. Вдвоем-то не страшно.

часть 5

Мусульмане моют пятки перед тем, как войти в мечеть, потому что Бог обращается к человеку именно через пятки. Ты ведь не станешь протягивать руку другу, если у тебя грязная рука? Вселенная разговаривает с нами во сне, и именно через пятки в головы нам забираются самые сладкие видения. Наши пятки, как антенны, принимают сигналы из вселенской черноты, потому их надо высунуть из-под одеяла и направить на север. В Японии нет четвертого этажа, потому что четыре — это число смерти. Влажная сладкая волна перекручивает тело в мор-

ской узел, а потом приходит Александр Македонский, и ты остаешься лежать на смятой простыне бездыханным лоскутом ноябрьского неба. Оргазм похож на смерть, и только через ощущение смерти приходит жизнь. Четыре пятки торчат из-под одеяла.

Графиня зевает, расплескав волосы по подушкам, и шепчет:

— Молчи, не говори ничего. Чтобы тихо было, как в колодце.

— Почему?

— Некоторые вещи нельзя произносить вслух. Ни в коем случае, никогда нельзя оглядываться, иначе Эвридика не вернется домой. Пожалуйста...

Леня улыбается, прячет лицо в ее волосах, суставы трещат, как корабельные снасти.

— Но зачем?

И тогда графиня отвечает:

— Ты узрел чудо и греешься в его лучах, как кошка греется под настольной лампой. Не стоит осквернять чудо словами, от этого оно портится, словно фрукты гниют, и запах сладкий, и веет могилкой. Достаточно повторить несколько сотен раз «я люблю тебя», и даже от самой большой и крепкой любви останутся рожки да ножки, кожа да кости.

Молчат, и слышно, как часы шагают вдоль автострады времени. Теплее всего — под одеялом, и нет голода, войн и горечи в груди. Но даже ангелы иногда выбираются из рая, чтобы окунуться в грязь и так испытать всю благодать божественного света. Графиня просит:

— Разбуди меня через час. Муж вечером вернется с работы, надо приготовить ужин.

Леня кивает и обнимает ее птичье тело. В ушах воеет ракетная турбина, и церковный хор перекрывает: «Муж вечером вернется, пора готовить ужин, и забыть, не слушать, не думать о том, что новую дозу достать будет сложно»... Графиня засыпает и представляет, что она снежная волчица, ловкая и голодная. Ее острые зубы вцепляются в нежное человеческое горло. Слышны хрипы, бульканье и льется наружу кровавый сок, и так сладко, сладко... Она улыбается, как ребенок.

А он шепчет ей, когда думает, что она уже спит:

— Мы на море уедем, будем босиком по побережью бродить, поехали вместе? Не важно, главное — вместе. Вдвоем не страшно.

Но она все слышит и удерживает в гортани цепных псов. Через час графиня умывается, спешно спихивает в сумочку свои вещи, морщится, мечется, как белка в колесе. Ничего не говорит на прощанье, бе-

лый кролик опаздывает, и чиркают спички на ветру, как верные гвардейцы. Хлопает дверью, уходит.

Леня смотрит на закрытую дверь и говорит все то, что хотел сказать:

— Знаешь, я вот хочу, чтобы мы вместе посуду мыли. То есть ты можешь пока разогреть ужин, а я помою тарелки. Или вот хватать тебя сзади и шептать «Давай нафаршируем тыкву». Собирать грибы по осени, колтуны кошке вычесывать, бегать наперегонки. А когда сломается дверная ручка, я буду ее прикручивать. И ты скажешь — настоящий мужик...

Трещит радио, и в этом треске слышится: «Банки, склянки, горловины. Опустел до половины, отпустил свою удачу. Плачет небо, дождик плачет... Белой солью пухнут свечи. Время лечит, страсть калечит. Стынут простыни в саду, я к вам больше не приду».

Графиня припудрила нос кокой и теперь думает о том, что на пуговицах две дырки. И это — лучшее доказательство дуальности мироздания.

ЧАСТЬ 6

Недолюбленное, недосказанное, недопитое детство. Каждый взрослый прячет эту тайну за семью печатями, за ржавым амбарным замком, в сыром от слез подвале. Графиня идет по заспанному, снежному городу. Все мы ждем сказки, на протяжении всей жизни стоим на паперти и просим, чтобы случилось чудо. Дверь, спрятанная за старой занавеской, золотой ключик, выход за пределы возможного. Дышится легко, в такт, в один ритм с миром — и хочется взять, заспиртовать в банке эти минуты, потому что знаешь — не повторится. Когда новорожденное чудо теплится в твоих ладонях, становится так страшно, что хочется прервать жизнь вот на этом моменте. Графиня плачет.

А теперь уберем мишуру. Тамара живет в простуженной однушке, уже семь лет в состоянии постоянного ремонта. Ее муж работает вахтами на севере. Возвращается и вливает полбутылки водки в одно горло, когда трахает жену, чтобы не чувствовать, что на ней чужой запах. Тамара сидит на разбодяженном кокаине, потому что свое чудо она ждала чересчур долго. Ее кожа высыхает и чернеет слишком быстро, ей около тридцати. Она повторяет себе, что в любой момент

может отказаться, но смысла в этом до сих пор не видела. Когда она идет вечером по улице, вокруг горят сотни окон — и за этими окнами человеческая жизнь, тысячи нитей, переплетенных в тугой клубок. Не сбежать, не спрятаться от этих пустых, отстраненных квадратов света. И все эти люди тянут здесь лямку, все верят в сказки, ждут чуда. Иногда она долго стоит под окном своего дома, но не заходит.

Внутри графини живет зверь, едкая и подлая тварь. С хриплым голосом, с дрожью в пальцах. Она не подставит правую щеку, если ударят по левой. Она дождетса, когда развернутся, и ударит в спину. Вот такая зверушка.

Иногда хочется просто убивать, направо и налево, от этой вселенской любви к человечеству — чтоб не мучились. Чуда не случится, спи, девочка, засыпай, мальчик, ложись на снег, тетенька. Но порой графиня видит счастье, смех, дети запустили воздушного змея, старики играют в домино в тенистом дворике. А она — всегда в стороне, и хочется дернуться, да гвозди держат. «Интересно, что он там чувствовал, на кресте? Ничего, кроме стылого одиночества и обиды» — так она думает, когда видит, как парит в небе змей. И тогда задирает голову и тихо спрашивает:

— Господи, за что?

И вот теперь началась ее тридцать первая зима, ей уже лет пять кажется, что новая зима станет последней. В пустой норе, муж снова на вахте. Значит, можно бесноваться. И внезапно приходит ответ на запрос, посылка из небесной канцелярии. Мальчик по имени Леня. Почему не раньше, зачем так поздно? Графиня чувствует себя убогой, недостойной, выжатой другими до истока. Но робко лелеет надежду, маленькое чувство собственной нужности. Только потеряв все, можно начать с начала, правда? Понять всю глубину последних августовских звезд сможет тот, кто видел эти звезды из сточной канавы. И о любви шлюха знает гораздо больше, чем сахарная принцесса из пряничного домика.

Часть 7

Графиня съезжилась под одеялом, сжалась в комочек, замерла. Ей слышно, как паук плетет паутинку в углу комнаты. В ее груди растет огромный гриб, а на том грибу сидит разжиревшая гусеница и нервно курит кальян. Табачный туман наполняет голову Тамары кошмарами. Она вспоминает.

Наркодиспансер был совмещен с отделением психиатрии. Отмерить год в обратную сторону, против часовой стрелки, и там — пожалуй, самый долгий месяц в ее жизни. Она ненавидит август. В соседнем отделении лежал худой, высокий и плешивый мужик по прозвищу Лишай, кажется, шизофреник. Он постоянно клянчил в столовой куриные кости. Лишай закапывал их во время прогулки, на заднем дворе. Делал крестики из веточек, таскал с клумбы цветы на эти «могилки». Как-то раз Лишай позвал Тамару с собой, чтобы показать ей свое маленькое кладбище.

Это, говорит, жена моя, Марьяна, вот это — дочурка, ей всего год был, это дед Игнат.... Позже графиня узнала, что Лишай перерезал своих родных, был признан невменяемым и помещен на лечение в дурку. Но у Лишай была одна проблема — собаки выкапывали куриные кости, и ему приходилось снова и снова хоронить свою семью. Тамара десять лет в браке, три года прожила в одной квартире с родственниками мужа. Она понимает Лишай. Ей его жалко.

Графиня пытается сжаться в точку, затеряться крошкой среди складок одеяла. Нет, она не вернется больше в это страшное место.

Тамара вспоминает маму. Та всегда называла дочку графиней. Первого января маленькая Тамара раньше всех просыпалась и бежала в гостиную, где стояла наряженная елка. Находила подарок, будила маму. А мама улыбалась и говорила: «Так, посмотрим, что Дед Мороз припас для моей графини в этом году...». Утро первого января пахло мандаринами и хвоей. Как-то раз мама сказала, что надо съездить в лес, нарвать еловых веток. Хоронили бабушку. На кладбище было много комаров, недавно прошел дождь, а бабушка была похожа на умученный, сухой мандарин. С тех пор Тамара не любит Новый год.

Ломка — это когда времени просто нет. Представьте, что вы чудовищно хотите пить, но напиться не можете, потому что у вас нет желудка. Когда ломаешь руку — ясное дело, болеть будет перелом, а тут — болит и стонет все тело, и каждая часть тебя просит только об одном — дай. Тамара вспоминает Ваню, он лежал в соседней палате. В прошлом Ваня сидел на героине, и язвы у него на руках уже не затягивались. Так вот, у торчка Вани было забавное выражение — кормить детей. Открытые язвы на венах для него — это детские рты. И вот санитары привязывают его к кровати, а Ваня орет на все отделение: «Им нечего есть, детки плачут! Мне нечем кормить моих деток, они теперь меня самого съедят!». Потом — галоперидол, и Ваня спит. А что ему там снится, нам с вами лучше не знать.

Приходится пить из-под крана много теплой, ржавой воды. От этого постоянно тошнит и болит желудок, но зато ломает не так сильно. Во время ломки наркоман чувствует себя неуверенным и особенно уязвимым. Кажется, что без наркоты ты жалкое подобие человека. Мужик без члена, пианист без рук, Москва без Красной площади.

Тамара тихо подвывает. Она встает, распрямляется. Тело как будто сапогами били — отнимается все: почки, ребра, сердце. Она снимает пальто с крючка, падает. Лежит так и боится, что не сможет встать. Нет, все-таки встает, обувается на ощупь. Звякает ключами, прочь из этой квартиры. Она идет к Лене, потому что для нее сейчас нет другого маршрута.

ЧАСТЬ 8

На пятом этаже живет пианист, и Леня каждое утро просыпается под звуки Лунной сонаты. Иногда он слышит, как за стеной разговаривают соседи, как скрипит их расшатанная кровать под тяжестью супружеской страсти, как гомонят дети. Он собирает эти звуки, как кусочки пазла, но единой картины все равно не получается. К соседу приходит приятель и говорит:

— Я своей шубу купил, за полцены, мне Митрич подсобил. Так знаешь, как она меня теперь любит! Раньше то и дело грызлись, а сейчас благодать!

Сосед ему отвечает:

— Выходит, без шубы так бы и ссорились? А как же любовь-морковь и все такое?

Приятель смеется из-за стены:

— Взрослый мужик, а до сих пор в сказки веришь! Смешной ты, Василич. Ей-богу, смешной!

Графиня хлопнула дверью два дня назад, и с тех пор Леня чего-то ждет. Нет, не лихорадка, не жадное пристрастие, не привязанность, не привычка. Другое, совсем другое чувство. Привязанность — это если хозяин оставляет собаку привязанной к фонарному столбу, вот что это такое. А здесь не то.... Но что тогда? Леня не мог ответить.

Тамара вернулась ночью, на третий день. Леня услышал, как кто-то колотится в дверь. Подскочил, как ужаленный, и понял — она, бабочка бьется в стекло.

Она, точно она — только губа дрожит, и лицо мертвецкое, и волосы грязные. Обняла, прижалась и просипела, срываясь в фальцет:

— Здравствуй.

И с тех пор они жили долго и счастливо, целых три недели.

ЧАСТЬ 9

Дни потекли быстро, как весенние ручьи текут к морю. Ведь время считают не по календарю, глупо пытаться рассчитать его днями, неделями, месяцами. Время считают событиями, картинками, пуговицами, бисером. Но никак не днями.

По утрам пианист разыгрывался на фортепиано, Леня просыпался и варил кофе. Он придумал смешивать кофе с апельсиновым чаем, иногда добавлял в джезву ложку какао, а один раз даже умудрился сварить кофе с лимонной кислотой. Каждый раз они придумывали новые вкусы, запахи и цвета. Теперь мир жил только по их правилам, и все вокруг пело и плясало. Тамара смеялась, она с детства так часто не смеялась. Она больше почти не нюхала, а если Леня замечал в ее глазах странный отблеск, он долго с ней не разговаривал. Тамара не могла выдержать такой пытки, приходила сама, через полчаса, и шептала:

— Кошка нашкодила, кошка плохая. Но кошка исправится, правда!

Леня обнимал ее и говорил: «Все наладится». И Тамара чувствовала, что непременно наладится. Она, кажется, и думать перестала про завтрашний день.

Белая кома — состояние беспредельности, вне времени. Это вам не попугай в клетке, это орел парит над простором, и нет ничего, кроме пьянящего состояния полета. Из постели они почти не вылазили. Графиня совсем одомашнилась, раздобыла где-то махровый халат и деловито рассекала в этом нелепом наряде.

Забавно так — вот видишь, сошел к тебе ангел с небес, все как полагается — и огненная грива, и нежные пальцы, и легкая поступь. А все равно, так удивляешься, когда этот ангел в махровом халате олады жарит, в туалет ходит, прыгает в одном тапке! Они вертели сливовые самокрутки и курили на балконе, кутались в шарфы. Как-то раз Леня оценивающе посмотрел на сигарету в своих руках и сказал:

— Знаешь, если верить докторам, эта дрянь отнимает у нас пять минут жизни.

Тамара рассмеялась и ответила:

– Но те же доктора говорят, что смех продлевает жизнь! Что мы будем делать? Курить и смеяться!

Волосы свивались в кольца, рулетка крутила Луну и Солнце. Не за горами был декабрь, близились праздники. Река заледенела, и они часто гуляли по набережной. Через реку был переброшен чертов мост. Он так называется, потому что у него только две опоры, и когда идешь, можно почувствовать, как вся конструкция раскачивается под тобой. Однажды Тамара рассказала про мост легенду:

– Знаешь, – говорит она, – раньше это место называлось мост Последней Надежды. Сюда приходили те, кому уже нечего терять, в надежде, что здесь им протянут руку помощи.

– И что, – спрашивает Леня, – это работало?

– Как ни странно, да. Люди здесь находили понимание, убогих кормили, несчастным дарили свет и тепло, беспризорникам раздавали леденцы. А если этого не случалось, просящий бросался с перил моста в реку. И такое тоже случалось.

– Не врешь?

Тамара пожимает плечами:

– Я сама как-то раз приходила на этот мост...

С середины ноября Леня начал работать, хватался за любую халтурку, мотался по городу. Вечером он был грузчиком, днем разносил почту, по выходным стоял на кассе в антикварной лавке. Учебу пришлось запустить, зато дома всегда был горячий хлеб. Через квартал работала пекарня, и там продавали самый вкусный хлеб в городе. А какие там пекли кексы! С марципаном.

Ночью они укладывались в кровать, и Леня читал Тамаре сказки, иногда придумывал их сам. Вот так, к примеру:

– За семью морями, за высокими горами, в глухой деревушке жил бобыль. Нелюдимый, но доброй души человек. И был тот дедушка оборотень. Но обычно, если ты оборотень, то в час спелой луны превращаешься в страшного зверя – в волка или в медведя. А этот дедушка в полнолуние превращался... (тут Леня делает страшное лицо, а потом продолжает)... превращался в хомяка!

Тамара смеется и спрашивает:

– А что он потом делал, этот страшный хомяк?

– Известно что – воровал зерно в колхозных закромах...

После они переплетали ноги, руки и засыпали, чтобы видеть самые свежие сны. Не забыв, конечно же, высунуть пятки из-под одеяла.

ЧАСТЬ 10

Предчувствие появилось в декабре. Леня никак не мог понять, откуда пришла тревога, но она прочно уселась пиявкой на сердце. Близился Новый год, выдавали зарплаты, на улице гуляли снежные люди. Тамаре нездоровилось, у нее начались месячные, но на неделю раньше. И протекали они в этот раз как-то чересчур бурно, Тамара целыми днями лежала в постели. Ее рвало, она была совсем без сил. Леня беспокоился — в самом ли деле это месячные, и уговаривал Тамару сходить к врачу. Та только отмахивалась и говорила, что скоро ей полегчает.

В ту ночь Тамаре приснился страшный сон. Она проснулась и припала к Лене:

— Мне снилось, что я возвращаюсь к нам домой. Но этажом ниже сидит человек, весь седой как лунь, а рядом большая собака, — графиня дрожит и продолжает: — И на меня бросается эта собака, прокусывает руку до кости. Я еле вырвалась из пасти, кстати, — тут Тамара показывает Лене свою правую кисть, — все в порядке с моей рукой?

Леня осматривает запястье и говорит:

— Да, кости целы, жить будешь, а если случайно умрешь, то лет через триста и от гангрены жопы. Что дальше было?

— Ну так вот, я поднимаюсь на пролет, а там нет никакого дома! И двери не те, и подъезд чужой, понимаешь? И так мне стало страшно...

Леня ее успокаивает, но его тревога только усиливается:

— Засыпай, это просто страшный сон был... Так бывает, я с тобой своими снами поделюсь, и все хорошо будет.

Но утром он просыпается один, в холодной постели, и дом уже и не дом, а черт-те что, проклятое место. Папуасы-людоеды топят котел и бросают в него кусочки Элли и ее верного друга Тоттошки.

ЧАСТЬ 11

Колесо жизни больше не отцентрировано, не равновесно, болтается и гонит вперед, прыгая на ухабах и выбоинах. Леня чувствует себя гончей, и пока след не простыл, надо успеть. Куда? Джинсы, ботинки, куртка, ключи от квартиры. Да, в левом кармане.

Он несется, и сам не знает куда. Воздух хлоркой пахнет. На мост, конечно же, вот и следы ее свежие на снегу, вдоль забора. Точно ее следы?

На пешеходный мост, ведь говорила, что это и есть мост последней надежды. Леня ничего не понимает, но чувствует — случилась беда. Утро, как назло, — солнечное, морозное и красивое. Да к чертям собачьим эту красоту! Как кость в горле.

Он находит ее там, облокотившуюся на перила, черная фигура, через контровой свет. Да, точно она. Подбегает, запыхался, пар из глотки вываливается:

— Ты?

Тамара стоит, достает из кармана портсигар, пошатывается и отвечает:

— Я бы его Сашей назвала, универсальное имя. Если родится мальчик — Саша, и девочке такое имя тоже подходит.... Я беременна была, и ребенка нашего таблетками затравила.

Молчат, почти не дышат. Потом Тамара продолжает:

— Я тебе соврала, мой муж не военный офицер. Он работает вахтами на севере и через неделю возвращается. Я сегодня у тебя ночевать не буду.

Леня смотрит на графиню и говорит:

— Да ты же обдолбана вусмерть. Ты ведь обещала больше не закидываться.

И снова молчание. Медленно, как по кадрам. Леня разворачивается. И уходит. Дальше, еще дальше. И шаги его гулко звучат в коридорах сплошной темноты.

Крик по ушам бьет, как сова крыльями хлопает, хорошо, что в этот ранний час людей на улице мало. Крик бьет в спину, цепляется за полы плаща.

— Ну как ты себе это представляешь, как? Как бы я смогла все объяснить? Ну какая из меня мать? Сторчавшаяся на кокаине, да? Ты этого хочешь?

Леня оборачивается и видит, как графиня подходит к перилам моста. Он идет обратно, быстрее. Тамара достает из внутреннего кармана пальто лакированную коробочку. Открывает ее, расправляет плечи. И развеивает белый порошок по ветру, а коробочку кидает вниз. Потом опускается на асфальт, прижимается спиной к перилам. В ушах стучит ветер: «Слезки градинами и горошинами, огорошили твою кошку, огорошили. Поднимайся с колен, моя хорошая, поднимайся...».

Леня подходит и протягивает ей руку:

— Ты говорила, что это место называется мост Последней Надежды. Вставай, пошли домой. Заварим чай с ромашкой.

А Тамара повторяет, как заклинание, как чертову буддистскую мантру: «Домой, домой, домой...».

ЭПИЛОГ

До Нового года оставалось два дня. Леня купил в антикварной лавке, где он подрабатывал, хрустального ангела. Бережно завернул его в тряпицу и понес домой. «Тамаре такой понравится» — так он думал. Подъезд хрущевки промерз насквозь, на районе отключили отопление, и греться им с Тамарой приходилось под тремя одеялами. На ступеньках первого этажа даже намерзла наледь. Леня весь красный с мороза, четыре лестничных пролета, и она открывает дверь. Теплая, лохматая, рыжая кошка.

— Вот бя, ссссссука... — нога на ледяной корке подвернулась, раз-два-три — и только крошки, осколки и стеклышки.

Леня поднимается, держится за ушибленное колено и смотрит на разбитого ангела. Начинает собирать осколки, сгребает их в кучу, и тут снова незадача. Красное капает, рука... Леня оттирает кровь о джинсы, с досадой осматривает порез. Глубокий, мать его...

Тамара открывает дверь, видит кровь на джинсах, сразу пугается, глаза круглые:

— Это что такое, это ты где так?

Леня виновато на нее смотрит:

— Да вот, хотел подарок тебе сделать, ангела хрустального купил. И так неудачно в подъезде наворачнулся, короче.... Разбился он нафиг.

Тамара улыбается и говорит:

— Ну так ведь мы и сами не ангелы. К тому же стекло бьется к счастью. Давай сюда руку, надо промыть и йодом обработать. Эх ты...

Она обнимает его, холодного, с хлюпающим носом, и спрашивает:

— Ну что там, узнал на вокзале? Как с билетами?

— Выкупил, как раз последние. Сегодня вечером отправляемся, ты пока начинай собираться.

Она с напускной серьезностью смотрит на него:

— Значит, решил похитить барышню? Скажи хоть, а где оно вообще, это море?

Леня неопределенно махает рукой, куда-то себе за спину:

— Где-то там. Скоро узнаем...

СКАМЕЙКА

Однажды в меня влюбилась скамейка. Я повстречал ее в городском парке, весенним лучистым днем, когда пьяный ветер шарит теплыми ладошками в пустых карманах куртки. Как всякий праздношатающийся студент, я был в ту пору лохмат, обут в рваные кеды, на моей тощей шее полоскался длинный полосатый шарф, а в руках балластом болталась полупустая бутылка пива. Сами понимаете, не влюбиться в меня было практически невозможно. Обычно, как это бывает по весне, я в компании таких же патлатых лоботрясов и аутсайдеров прогуливал пары, протирая и без того драные джинсы на ступеньках драмтеатра, или валялся на газоне в благословенной тени памятника Владимиру Ильичу. Но в тот славный денек я разгильдяйничал, можно сказать, в гордом одиночестве. Хотя это и не совсем верно — со мной был целый город, вместе с бензиновым запахом, ошеломительной синевой неба и птичьим гомоном. Короче, мы валяли дурака на пару с Городом.

Моя любовь нарисовалась передо мной как нельзя кстати, когда ноги уже порядком устали топотать по улицам весны. Скамейка была пуста, стояла чуть на отшибе, а над ней раскинули многочисленные руки два дюжих тополя. Я с радостью уместил свой тощий зад на крашенных досках и закурил, щурясь от солнечного света. Тогда-то я решил — отличное место!

Не стоит думать, что мы со скамейкой перешли к серьезным отношениям на первом же свидании. Мне пришлось еще долго добиваться ее однозначного доверия, хотя и так было понятно, что мы созданы друг для друга. Помню, ночами я выбирался из дома, обращал лицо к звездному небу и неизвестно кому говорил: «Добрая ночь, не правда ли?». Звезды, впрочем, вполне приветливо трещали в ответ. После я пляшущей походкой шел, нет — даже летел, в центральный парк, благо до него было рукой подать. Моя тень тащилась за мной и бубнила, что опять не удастся выспаться. Но кто ее будет слушать, эту тень?

Скамейка меня, конечно же, ждала. Ни разу я не застал ее с кем-нибудь еще. Поразительно, но скамейка с ослиным упорством хранила верность, чего, кстати, нельзя сказать обо мне. Нередко я притакивал с собой какую-нибудь юную барышню. Дескать, затем, чтобы показать ей свое «особенное место», полюбоваться вместе на луну и потрындеть о прекрасном. Барышни в охотку слушали мои байки, го-

рячим воском растекались под ладонями и клялись в вечной любви. Немудрено, что они сменяли друг друга едва ли не каждую неделю. Я, впрочем, не жаловался. То ли сердце у меня каменное, то ли характер легкий. Так или иначе, но я всегда считал, что предаваться душевной тоске — дело слишком трудное, не по моим способностям. Скамейка, хочу заметить, меня почти не ревновала, только однажды припечатала задницу непросохнувшей краской. Я не расстроился, было бы над чем горевать! Мы ведь не расстраиваемся, когда горячие напомаженные губы оставляют на щеке алый цветок.

Однако скамейка не первый год жила на этом свете, была по-женски мудрой и знала, что никуда я от нее не денусь. Более того, скоро она стала встречаться мне не только в центральном парке. Свою скамейку я находил в самых непредсказуемых местах, в разных районах города. Улыбался, по-приятельски махал ей рукой, присаживался на пять минут, даже если куда-то спешил. Пару раз четвероногая подруга выручала меня, когда было совсем уж туго. Помню, оказался я без гроша в кармане в самой заднице мира, а время такое вечернее, что автобусы, того и гляди, скоро перестанут ходить. Присаживаюсь на скамейку, обуреваемый горькими мыслями, и вижу — под ногами валяется полтинник. Ну или вот такая история случилась — очередная барышня решила на моих нервах поиграть, да не какую-нибудь там Лунную сонату, а самый что ни есть забористый треш-металл. И вот иду я совсем разбитый, как наполеоновские войска в 1813-м, а курить хочется так, что хоть волком вой. Вдруг гляжу — лежит на скамейке пачка сигарет, и не фуффло какое-нибудь, а «Лаки Страйк».

Свою скамейку я узнавал всегда. Вот зимой, когда все завалено снегом, на моей скамейке непременно будет расчищено посадочное место. И никакой хмырь рядом не усядется, не помешает моему уединению.

Шли года, ныряли скорым поездом в долгие тоннели и катились по благоуханным равнинам. Я потихоньку вырос из одежды разгильдяя, обзавелся парой фирменных туфель и белой сорочкой. Чуть было не обзавелся женой, но это отдельная история. Эти перемены на нашей дружбе со скамейкой никак не сказались. Она даже приноровилась находить меня в других городах, когда меня носило по просторам матушки-России, как целлофановый пакетик.

Как-то раз я и вовсе угодил в Прагу. Надо сказать, что мечтал я об этом с самого детства, примерно лет с семи. Мне казалось, что этот благословенный город весь состоит из пряничных домиков и карамельных мостовых. И, знаете, мои детские представления о Праге не так уж расходятся с реальностью. В первый же день я посетил с десяток пражских баров и кофеен, обожрался мороженым, хваленым чешским пивом и заморским воздухом. И вот недалеко от Карлова моста я повстречал свою, русскую в доску, скамейку. Но это еще не все! На скамейке ножичком, на русском языке, была выскоблена сакраментальная фраза: «Я люблю тебя». Убиться веником!

Я тогда представил, что на старости лет, когда я стану уже совсем седым дедушкой, буду сидеть на своей скамейке и кормить голубей. Как бы дико это ни звучало, но такая участь мне тогда казалась чертовски привлекательной.

Несколько лет спустя, холодным сентябрьским вечером я шел по улице, и название у нее было такое заковыристое, что не вышепчешь. Засиделся допоздна у приятеля, рассказывал ему свою теорию — вроде как с наступлением темноты буквы ходят друг к другу в гости, потому названия улиц путаются, и тогда заблудиться в родном городе — проще простого. Особенно если улица не центральная, а так, переулки какие-нибудь. Вот я иду, утопая берцами в осенней слякоти, и смотрю, как моя теория работает на деле. Вах, великий мистик, блин. Тут же начал накрапывать докучливый дождик, и я совсем перестал понимать, где нахожусь. Тут-то я повстречал, конечно же, свою скамейку, она всегда спешила мне на выручку, если дело пахло керосином. И все бы хорошо, но в этот раз на скамейке сидело существо, которое видом своим больше всего походило на инопланетянина. То есть — маленький лысый грустный человечек, с вооот такими глазами! Я подошел, пригляделся получше, чтобы идентифицировать хотя бы половую принадлежность вестника судьбы.

Я сразу для себя решил, что на моей скамейке абы кто сидеть не будет, потому инопланетянин в сентябрьских сумерках — это неспроста. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что на скамейке сидит бритая под ежик девушка, лет двадцати, хрупкая, как елочная игрушка. Я вздохнул и плюхнулся рядом, настроение у меня было вполне мерзопакостное. Искося поглядел на девушку, и только тут до меня дошло — такая холодрыга, а она в одной майке и спортивных штанах, и трясется вся, как воробушек. Тратить время на болтовню мне

совсем не хотелось, я просто стянул пальто и завернул в него эту жертву Освенцима. Благо, под пальто у меня еще имелся теплый свитер, так что если «последнюю рубашку с плеча снять» — это не про меня. Девушка робко улыбнулась, закуталась и подобрала под себя ноги. Я вытащил из кармана пачку и показал девушке сигарету. Та отрицательно помотала головой. Так мы и сидели какое-то время, потом она протянула худенькую ручку, взяла меня за локоть и повела куда-то. Эх, несет меня лиса сквозь темные леса.... Я решил довериться чутью, а чутье мне подсказывало, что все в порядке.

Мы прошли совсем немного, завернули в подворотню и оказались у подъезда дряхлой хрущевки. Воробушек настойчиво тянул меня за собой, на третий этаж. Я же шел, как бычок на мясокомбинат. И вот я уже маюсь со шнурками своих армейских ботинок, а воробушек убежал в ванну, пятки мыть. Это чудо природы еще и босиком по улице шастало, вы себе можете вообразить? Разувшись, я прокричал из прихожей, пытаясь переорать звук льющей в ванной воды:

— А ты чего босиком-то по улице разгуливала? И в одной майке? Меня Стасом звать, я фотограф!..

К слову, я тогда действительно зарабатывал на хлеб фотографией и жил у друга на студии в статусе домового. Мой друг, он же по совместительству шеф, серьезно считал, что я приношу удачу, и я не спешил его разубеждать. Свою квартиру я сдавал и при этом вкалывал за семерых, чтобы как-то сводить концы с концами. Тот факт, что спал я там же, где и работал, меня совершенно устраивал. И вообще, я был очень доволен жизнью, потому что считал — набитое брюхо и теплый угол это далеко не самое важное.

Девушка с отмытыми пятками выскочила из ванной и скрылась в комнате. Покопавшись в ящиках серванта, она раздобыла блокнот и ручку. Усердно, как первоклашка, что-то начала писать в блокноте, потом выдрала листок и отдала мне. Вот что там было написано: «Я ушла гулять, потому что дома мне стало очень страшно. Меня зовут Вия. Я немая».

А потом пошли чай пить. С бубликами.

История у Вии не сахар, если честно. Позже я выяснил, что она пару лет назад приехала из Латвии вместе с мамой. У Вии был отчим, который в один не очень-то прекрасный день выставил приемную дочку вместе с женой на улицу. Так как квартира была записана на него,

пинать воздух сапогами уже не имело смысла. Но тут выяснилось, что фортуна не совсем отвернулась от бедолаг. Скажем так, встала вполборота. В России сердобольные родственники подсутились и переоформили на Вию с мамой маленькую однушку. Какая-никакая, а все же крыша над головой.

Поначалу Вие в России пришлось нелегко. Мало того, что она в детстве переболела какой-то гадостной болячкой и с тех пор не могла говорить, так еще и по-русски понимала с трудом. Но как-то освоилась, прижилась, даже на работу устроилась — мыла полы в библиотеке. Там же книги брала, училась по-русски читать и за короткий срок освоила великий и могучий. Чтение у Вии — самая страсть, с книжкой никогда не растается.

А недавно Вия схоронила маму, и с тех пор ее немного клинит. А что, я ее хорошо понимаю, сам, бывало, не спал ночи напролет — пытался совладать со страхом. Вот так это бывает — сидишь, как говорящий попугай в бетонной клетке, а вокруг все глухие, и им по фигу, что ты говорящий. А потом понимаешь, что если не убежишь сейчас же прочь из этой холодной норы, с ума спятишь. Я и убежал, и бродил до самого утра. Хотя не обо мне речь... Вия, кстати, по-латышски значит «ветерок».

Одним словом, ветер перемен ворвался в мою форточку. Скамейку я встречать перестал, но не стал сокрушаться по этому поводу. Решил, что скамейка-то, выходит, исполнила свою сверхзадачу.

Я учил Вию фотографировать и таскал ей книги. Самые пузатые фолианты она проглатывала за ночь. А к фотографии у девчонки открылся самый настоящий талант, она все схватывала налету. Я шутил, что через годик-другой эта чертовка оставит учителя с носом и укатит в Финляндию, фьорды фотографировать. Вия на это только смущенно улыбалась. Она научила меня ценить слова и не разбрасываться ими направо и налево. Я по-настоящему понял, что значит слушать. Мы ведь обычно никого, кроме себя, не слышим, и роняем слова попусту, как зерна на асфальт. А еще мы друг другу письма писали и обменивались ими по вечерам, за кружкой крепкого черного чая. Вия объяснила, почему косы свои обрила. Это, мол, ремонт чердака — все лишнее прочь, чтобы карму не отягощало. Были времена, когда мне хотелось в голос кричать, и тогда Вия научила меня молчанию. Нечего вопить, лучше зубы стиснуть, и в путь. Короче, жизнь у нас потекла, как река Волга — широко, величаво и спокойно.

А дальше на город опустилась зима, завьюжила дороги, рассыпалась запахом мандаринов и хвои. И Вия начала кашлять, сначала потихоньку, а потом так, что кажется — сейчас легкие выплюнет. Ну, ясное дело, я бегал, как наскипидаренный, таскал ее по врачам. Дохтур, говорю, я ж вас на ирландский флаг порву, если вы сейчас же все не исправите. Дохтур разводил руками и отбрехивался — мол, рецидивы.... И вот в самой великой и задрипанной стране в мире на носу Новый год, а я узнаю, что Вие нужна операция, причем срочно. И ехать для этого девочке надо в Москву. Я вот как представляю, что люди в белых халатах сложат ее на стол и начнут ей горлышко ножом резать, и как будто меня самого наживую кромсают. И хоть врачи меня уверяли, что операция безопасная, без риска для жизни, я все равно чувствовал себя, как неопытный йог на иголках.

Ну, половецкими плясками да шаманской истерией делу не поможешь, потому я как миленький пошел в банк, быстренько хапнул кредит потолка. Медицина в наше время — дело нешуточное.

Всех денег хватило лишь на один билет туда-обратно и оплату врачебных услуг. Бодрим голосом спрашиваю:

— Доберешься? Я позвонил в столицу, знакомые ребята встретят. Она покивала, бодро так...

Страна пьет, жрет оливье и феерверки пускает, а меня аж тошнит от такого зрелища. Едем мы с Вией на вокзал, и целует она меня на прощанье в холодную щетинистую щеку, а тепловоз чух-чух.

Я иду по новогоднему городу, а в горле как будто металлический ершик. Завернул в продуктовый, купил чекушку. Стою на трамвайной остановке и луплю белую прямо из горла. Вдруг подходит ко мне бомжик, с ноги на ногу переминается, заискивающе в глаза заглядывает. Смешной такой дедушка, в красном дедморозовском колпаке. Я его спрашиваю:

— Ты че, Дед Мороз что ли?

А он кивает, бородой трясет. Мол, хоть Дед Мороз, хоть аватара Кришны, только водки дай.

— А чего стремный такой?

Дедушка улыбается беззубо, отвечает:

— Так ведь кризис.

Я сунул ему под нос чекушку — праздник все-таки.... И говорю:

— Слушай, кризисный Дед Мороз, а желание тебе загадать можно? Чтоб в новом году исполнилось...

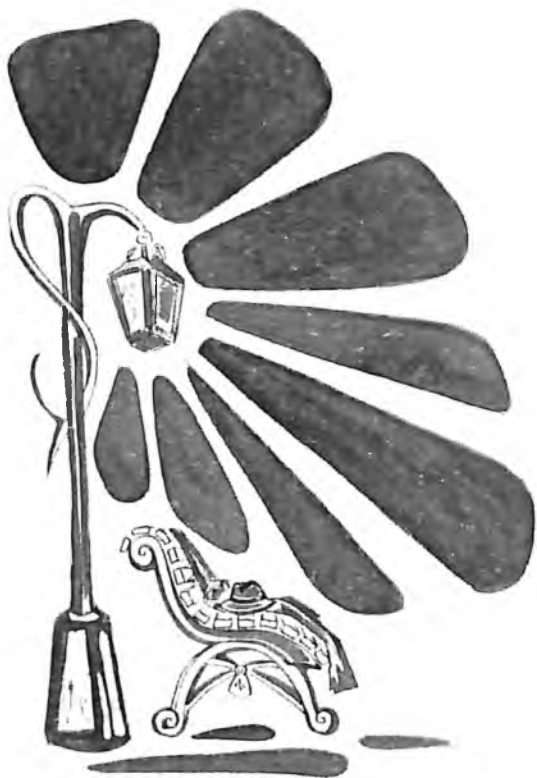
Дедушка только рукой махнул:

– Да я и так все знаю, уже подсуелится.

И улыбается потихоньку в седую бороду. Тут трамвай к остановке подкатил. Я вздохнул:

– Ну пока, Мефистофель-красный нос... Удачи тебе.

Запрыгнул в трамвай и заметил, что дед мне напоследок подмигнул. Во дает, старый козел... И тут я увидел. В трамвае несколько сидений было вырвано, и находчивые русские люди вместо них поставили уличную скамейку. Ну это как раз неудивительно, в России и не такое можно увидеть. Но это была МОЯ СКАМЕЙКА, понимаете?! На негнущихся ногах я прошеествовал к скамейке, сел возле окна. На замороженном стекле ногтем кто-то накарябал: «Все будет хорошо».

Валентина Таршаке

Автор занимается в нашей Школе с первых дней ее существования. Вот что она сообщает о себе:

«Просьба рассказать или написать что-нибудь о себе часто вводит меня в ступор. О чем рассказывать? Детство и взросление проходили по тому же сценарию, что у любого другого ребенка, родившегося в том же поколении.

И только моя буйная фантазия, периодически вытескивающаяся в сиюминутно придумывающихся красочных историях, иногда даже корявенько зарифмованных, приносила в мое существование особый интерес.

Придумываю себе интересную жизнь, так же как когда-то придумала себя.

Вот и живу по сей день придуманная самой собой в придуманном мире, не забывая придумывать еще и вас».

МУЗА

Мне так хотелось родиться жутко талантливой, но не повезло. Я была обычным ребенком, любила рисовать и сочинять стишки, но ничего шедеврального, чтобы попасть в знаменитости, не сотворила. Тогда я решила, что если мастером кисти или поэтессой мне стать не суждено, то уж на роль музы я вполне пригодна. Не получилось стать художницей – стану музой художника, он будет писать мои портреты, и я уж точно попаду в историю искусств. Возможно, буду висеть в Русском музее, а то и в Эрмитаж сумею угодить. А если мечтать как следует – можно и в Лувр. Зачем ограничивать себя в фантазиях? Может, это и мешает прославиться? Слишком низко летаю? Ох уж эта боязнь высоты. Да, мне оставалось только найти гения для его последующего вдохновения. А во всем было виновато врожденное воспаленное тщеславие. Это оно не давало мне остаться незамеченной. И я выпендривалась, как умела. С самого раннего детства я так изысканно врала, что мою ложь не смог бы разоблачить даже самый точный детектор лжи...

С логикой, в отличие от талантов, у меня проблем не было, и я без труда определила, что гения мне нужно искать в естественной для него среде обитания. Гения в области искусств, решила я, легче будет найти в Петербурге, многие из них там живут или туда стремятся. А в моем городке гении водились только в области спереть и нажраться пивасиком, накуриться и на лавочке с семечками штаны просиживать. Поэтому я собрала свой скромный багажик в шесть чемоданов и отправилась в Питер. Там у меня были знакомые гении по переписке.

Первый мой гений по переписке был писателем. И я уже придумала, как вдохновлю его на написание потрясающего романа, главная героиня которого будет списана с меня. Гения звали Толиком. Он присылал мне несколько своих романов по электронной почте. Прочитала я их на одном дыхании. Правда мало что поняла. Так все гениально там было написано! Не для простых умов. Толик обещал меня встретить на вокзале.

Надеяться на одного лишь Толика я не стала и отправила письмо еще и Василию, а Василий был художник, это на него я возлагала портретные надежды. Василий должен был написать мой портрет, который непременно попадет на самую дорогую выставку, а потом и

в музей. Но Вася служил подстраховочным вариантом — если вдруг Толик не влюбится и не решит сочинять про меня роман. Поэтому Васе я просто пообещала позвонить.

Еще был Сергей, но тот — на самый крайний случай. Вообще-то он раньше жил в моем городе, и я уже считалась его невестой, но бонусом к его гениальности была явная шизоидная припадочность. Однажды он чуть не выкинул меня из окна, после чего я от него сбежала. Сергей был неплохим музыкантом с хорошими перспективами. Он еще дома обещал написать мне песню. А потом, когда хотел вернуть меня, то говорил, что песня написана, и обещал спеть ее. Но тогда я еще не готова была вернуться, даже ради песни.

Толик, как и обещал, встретил меня на вокзале. Увидев мой скромный багажик, он побледнел. И решил вызвать такси. Мои шесть чемоданов он бы не осилил. Тем более он был таким хрупким созданием, что мог бы сам целиком поместиться в одном из них. Но это было для меня не принципиально. Главное, мой будущий супруг обладал тем, чего не было у меня — гениальностью.

Соблазнить Толика оказалось не так уж и сложно. Он очень быстро согласился стать моим мужем и даже признал, что я именно та, что нужна ему. Я могу его защитить и вкусно накормить, а главное, я его вдохновляю. И сразу после свадьбы он обещал воспеть меня в новом романе. И все-то у нас было как в сказке, и свадьба шикарная, которую нам в подарок организовали его друзья. Но после свадьбы у моего молодого гения-самородка случился запой. Его друзья меня утешили, что это ненадолго, попьет с недельку и успокоится. Тем более, по его контракту с издательством, новую книгу он должен был отдать им не позже чем через месяц.

Толик действительно через неделю успокоился и пить на время бросил. Он окупнулся в другой запой — в писательский. Днем Толик работал в газете, а ночами сочинял, я его старалась не отвлекать и не беспокоить. В один из дней, когда мой возлюбленный отправился на работу, я открыла его ноутбук, чтобы иметь представление, о чем же будет новая книга. Первое, что бросилось в глаза, так это огромное количество ошибок, оно было прямо пропорционально гениальности автора. Чем гениальней был текст, тем больше в нем встречалось орфографических погрешностей. Я осторожно переправила самые очевидные и закрыла ноутбук. Вечером Толик сел за работу, но, видимо, моих вмешательств не заметил. По крайней мере, мне о том ничего не

сказал. И так я каждый день, пока Толик был на работе, исправляла ошибки в его будущей гениальной книге. Сюжет был немного зану-ден, но я не решилась вмешиваться в творческий процесс.

До завершения книги оставалось меньше двух недель, когда мой гениальный супруг, найдя очередной повод, опять ушел в запой, и все это время он не появлялся дома, а жил у друзей, которые его, собственно, и спаивали. Я приехала за ним на следующее же утро после его исчезновения, но друзья и сам он просили дать ему расслабиться. Когда я привела аргумент с издательством и незаконченной книгой, Толик попросил меня что-нибудь додумать, тем более сам он уже потерял интерес к процессу. Он, как выразились его приятели, «пока что исписался». И ему необходим отдых. О, как же это было безответственно — все равно, что бросить собственного ребенка! Меня такой поступок очень разозлил, но все свое негодование я направила на его роман. Вернулась домой, открыла ноутбук и отправила незаконченный шедевр в корзину. Потом восстановила и переделала, начиная с третьей главы, сюжет. Исправила все ошибки и дописала роман так, как мне было бы интересней его читать. Процесс этот меня захватил, и я уложились точно в срок. В назначенный день я принесла наш роман в издательство. А потом вернулась домой, собрала вещички и решила уйти от своего одаренного алкоголика к художнику Васе.

Василий был удивлен. Он явно уже не думал увидеть меня. К тому же, как оказалось, у него появилась другая муза.

В моем списке на черный день оставался только Сергей. У него я и провела несколько последних дней в Петербурге. У Сергея, несмотря на его мерзкий характер, была прекрасная особенность: он не задавал лишних вопросов. Но каждый день он пел свою песню, посвященную мне, в которой поменял потом имя и подарил другой... За то время, что я прожила у Сергея, мне удалось попрощаться со всеми питерскими друзьями, купить билет на поезд и развестись с Толиком.

Через три месяца Толик приехал в мой родной город и сказал, что жизни своей без меня не представляет. Вручил мне экземпляр нашей книги и обещал бросить пить раз и навсегда! Но почему-то он мне уже был не интересен. Пусть я не так гениальна, как Толик, но оказалось, что придумать сюжет и начинить его щекочущими душу подробностями я вполне способна... Я стала своей собственной музой...

Юрий Лицатов

От автора

Родился и живу в Смолене.

Студент-филолог четвертого курса.

Художественным текстом, как интеграционным началом в жизни человека, интересуюсь с 14 лет, когда преподаватель русского языка попросил написать реминисценцию на «Ромео и Джульетту». Прочитать при всех не смог из-за присутствия в аудитории девушки, для которой было все написано.

Далее были различные попытки поэтического характера, в основном, успехов не достиг.

После этого начал пробовать прозу.

Получился один хороший рассказ. Даже самому нравится.

Занимался театром.

На данный момент сделал выбор в пользу материализации и синергии своих начал. Искусство не на первом плане на листках, зато в наличии в реалиях.

Постоянно задаюсь экзистенциальными вопросами.

Люблю Бродского.

ЧЕЛОВЕК С СУМКОЙ

Я боялся, боялся сумок. Еще когда я был маленьким, у моей мамы была сумка-пасть, но она называла ЭТО кейсом. Огромный рот пасти поглощал все, что туда попадало. Однажды я попросил маму взять мне мячик. Узнав, что для этого нужны деньги, я стал их выпрашивать, и через пару месяцев снова пришел с просьбой, мама кинула то, что я собрал, в пасть. Мячик она принесла, но тех монеток я больше никогда не держал в руках, видимо, это и была плата за мой мяч.

Вообще, главным вопросом для меня было: «Зачем люди носят со своими сумками, кладут в них вещи, которые им действительно нужны, и навсегда прощаются с ними». В школу я не ходил, учили меня дома, не очень нравилось, но говорили, что надо. На улицу я смотрел редко, да и ходил там редко, только иногда, с мамой.

Потом надо было поступать в институт, мне купили сумку. Когда выбирали, я пытался взять самую маленькую, чтобы большие вещи туда никогда не попали. Но мне взяли сумку-бездну, которую мама упорно называла «портфель». Также туда попали тетради, ручки, денег в ладошку — и отправили в институт.

Дорога от дома хоть и маленькая, но очень интересная. Каждый день в автобусе были одни и те же люди, потихоньку я узнавал, кто они такие, куда уезжают утром и что делают в выходные. Я не знал имен, но всегда здоровался с ними, правда, не вслух. Они и улыбались, и были грустными, я вместе с ними переживал по поводу и без. Когда кто-то не появлялся, я думал, что заболел, но вскоре все вставало на свои места, и мы снова ехали вместе, в одном автобусе.

А в институте мне нравилось, там было много людей, очень интересных, но со мной — меньше. Когда на парах меня спрашивали: «Евгений, вы слушаете?» — я отвечал смущенно: «Да». Я не мог понять, почему все этот вопрос задавали с какой-то претензией.

Так прошло полгода, и наступило время экзаменов. Нам сказали, учить надо то, что в тетрадях. Я задал вопрос, который всех рассмешил: «А где взять эти самые тетради?» После нескольких минут смеха, одногруппники сказали мне, что в сумке...

Дома, вечером, я долго смотрел в глаза бездны. Прошло два часа. Я взялся обеими руками за замок и повел его по часовой стрелке — рот открылся. Засунув внутрь руку, почувствовал зубы и с силой дернул — вылетели тетради. Вот таким трудом я их вернул.

Выучил все, что было в них написано: sms-игра, рингтоны, «о природе», стихотворение Пушкина, география Африки. Рассказывал это все на экзаменах, после минуты моего монолога, меня выгоняли.

Я ушел из института.

Сначала читал книги, которые находил дома, а потом спал недели две подряд, только ел и спал, наверное, было грустно, наверное я что-то потерял.

Через год умерла мама. К себе меня сразу же забрала бабушка. В деревне мне нравилось больше, чем в городе, людей меньше, и небо, небо там так низко, что можно, наверное, подпрыгнуть и нырнуть в него. И облака похожи на зверей, недочеловеков и насекомых, играющих в непонятные мне игры.

Я часто пытался помогать бабушке, но у меня мало что получалось.

Вспоминанием о маме я сделал портфель, она как будто бы запрыгнула туда, внутрь, и больше никогда не выходила. Я не часто разговаривал с ней, редко; открывал портфель и смотрел внутрь, уверен, даже без звуков мама меня слышала, она и раньше без слов понимала, о чем молчали люди.

Я так и не понял, почему маму после смерти засунули в большую сумку, я долго плакал и пытался уговорить всех не делать этого. Мне рассказали много способов похоронить человека, и лишь в одном из них ничего не связано с сумкой. Это сначала сжечь, а потом рассыпать по морю пепел, но моря у нас не было...

Вскоре умерла бабушка. Я сначала не знал, что делать; но потом твердо решил не хоронить бабушку в сумке. Из всей деревни знаком я был только с соседом Сашкой, ему было сорок пять и, как говорила бабушка, он очень много пил. Я попросил его забрать всех коров и кур и все, что он хочет.

Попрощавшись с мамой, отдал портфель одной девочке (она чем-то напоминала маму), мне сказал Сашка, что она уезжает в город учиться, и я подумал, что он пригодится ей.

Я разжег костер для бабушки, получился большой, долго горел, часов шесть, и даже из космоса был виден бабушкин свет.

Уже часа в четыре утра он потух. Я очень ожег себе ладони, когда собирал бабушкин прах, наверное, это была цена моего желания — избавить бабушку от сумочьей участи.

Добрав банку, я пошел на озеро, которое было в нескольких километрах от деревни. По пути вспомнил лицо мамы, своих учителей, институт, бабушку и никак не получавшуюся у меня работу...

И вот я на озере, мне бабушка рассказывала про него, она любила здесь сидеть в детстве и смотреть в воду, а еще кидать камешки. Оно находилось в лесу, и сюда никто не ходил.

Я сделал то, что хотел, я освободил бабушку от сумки.

Устроившись на берегу, смотрел в воду и считал время суток: утро, день, вечер и ночь. Прошло четыре ночи, наступило утро, вокруг рассеялся день, а мои глаза закрылись, стало темно, и исчез воздух.

Дарья Барашенкова

Автор этих произведений учится в Художественном колледже, занимается в Школе литературного мастерства третий год. О себе сообщает вот что: «Меня зовут Даша. Я пишу стихи и рассказы. Иногда шью инопланетян и рыб. Мне нравятся люди, которые занимаются своим делом, деревянные дома, музыкальные инструменты. Мне не нравится, когда не возвращают книги. Больше всего на свете я хочу понять, чего хочу».

РУКА

— Алло, Толик!

— Что случилось?

— Я думал, это сон, но оказалось, все на самом деле! Не знаю, что теперь будет...

— Олег, объясни толком!

— Рука... Ты понимаешь... такое... Просыпаюсь, а она... — Паузы становились все длиннее, в конце концов Олег замолчал.

— Алло, да что с тобой? — спросил обеспокоенный Толик.

— Я не смогу объяснить по телефону...

— Может, вызвать скорую?

— Скорая уже ничего не сможет сделать...

— Я сейчас приеду!

Олег был бледен. Он закрывал дверь правой рукой, левую же запустил в карман куртки. Толик прошелся глазами по рукаву.

— Вроде все в порядке, похоже, ты зря меня напугал. — Он старался говорить непринужденно.

— Смотри, — тихо сказал Олег, — только не ори, пожалуйста. — Он вынул руку из кармана.

— Мать моя!!! Что за хрень с тобой случилась?! — зычный голос друга прогремел на всю квартиру.

Олег прикрыл глаза и кивнул. За предплечьем не последовало ничего. Рука заканчивалась там, где должна была начаться кисть.

— А где э-э...

— Пошли.

Олег провел друга в комнату, где на диване, пружиня всеми пальцами, прыгала, как ни в чем не бывало, кисть левой руки.

— Мне, конечно, и раньше казалось, что она живет отдельной жизнью, но такого я не ожидал...

Толик, все еще в изумлении, потянулся было к скачущей беглянке, но она тут же спряталась под подушку.

— Да, дела...

Олег и Толик сидели на кухне.

— Почему, думаешь, это случилось?

— Ума не приложу...

— А ты не слишком много занимался? Может, переиграл ее, и она обиделась?

— Я занимался, сколько надо, но теперь... Что теперь?

В это время в кухню вползла кисть.

— Предательница ты! — заорал на нее хозяин.

Та забила под холодильник.

Через несколько дней Толик позвонил другу. Тот, к его удивлению, был в неплохом настроении.

— Да все в порядке, — рассказывал он. — Пока взял больничный, книжки читаю. Рука? Вот она, рядом, на подушке. Нет, прирастать не хочет. Я пробовал несколько раз — упирается или прячется. У нее по-немногу проходят мозоли от струн. Она мне иногда помогает: сахар в чае помешает или голову почешет, когда спать ложусь. Да при чем тут «приручил», даже не думал, она сама как-то... Не чужая все-таки...

Через неделю Толик пришел к Олегу в гости.

— Привет! Хочешь фокус? Смотри! — Хозяин помахал левой рукой, на которой, как и полагается, была кисть.

— Приросла?!

— Вообще-то нет, — Олег присел, поставил руку кончиками пальцев на пол, и кисть отбежала в сторону, оставив пустым рукав черной водолазки. — Но она потрясающе держит равновесие! При желании можно сделать вид, что у меня две кисти.

— Дружище, у тебя и так их две!

— Понимаешь, Толик, это уже не совсем моя рука. То есть, она сама...

— А как же оркестр?

— Я совсем не скучаю...

Друзья прошли в кухню.

Олег, наливая чай, сказал шепотом, чтобы кисть, копошившаяся в коридоре, не слышала:

— Мне кажется, она меня от чего-то спасла. И еще я думаю, что она обязательно прирастет, когда я начну заниматься другим делом. Когда найду что-то свое...

Толик пожал плечами и отхлебнул чаю.

— О, а это что? — спросил он, указывая на листок, прикрепленный к холодильнику.

— А... — Олег с улыбкой снял лист с карандашным наброском. Это был портрет очень красивой девушки. — Рука рисует...

СНЕГ И ВЕТЕР

Снег шел по городу. Его ботинки мягко ступали по мостовой. Он был наряден. Брюки, пиджак, жилет — ослепительно белые. В правой руке — трость с набалдашником. Он был фронт, этот Снег.

Проходя по парку, Снег пробормотал: «Совсем ничего не изменилось...» Задумавшись, он задел плечом фонарный столб, остановился, смахнул с пиджака искрящиеся крупинки, поправил шляпу и направился к воротам, чтобы выйти на улицу. Ему нравилось гулять по освещенному городу и вспоминать.

Вдруг до его слуха донесся какой-то напев, знакомый голос. Он звучал где-то наверху. Снег поднял голову, но никого не увидел. Тогда он стал вдыхать холодный воздух, и все вдыхал, пока не стал высотой больше девятиэтажного дома. Но и теперь казалось, что пение доносится сверху...

— Эй, это ты? — чуть повысив голос, спросил Снег. Тут чьи-то невидимые руки надвинули шляпу ему на глаза, раздался смех. Снег, поправляя головной убор, с деланной укоризной сказал:

— Ветер-Ветер, все поешь...

— Пою-у-у-у, — ответил Ветер и показал свое полупрозрачное лицо.

— Да, дружище, давно мы не виделись, — задумчиво продолжал Снег.

— Кому давно, а кому с прошлой зимы, — насмешливо отозвался Ветер. — Ну, поведай-ка, где был, что видел?

— Да ты и сам не меньше меня видел, чего тебе говорить... Хотя, знаешь, запомнилось кое-что.

— Так расскажи! — Ветер любил слушать истории.

— Помню я огромный зал, — начал Снег, — темный паркет, окна огромные, но света все равно мало, а в глубине зала — сцена, такая небольшая, хорошо освещенная... — Опираясь на руку, Снег легко подпрыгнул и устроился на краю крыши. Теперь он уменьшился в размерах. — И вот, вижу я, на сцене ты стоишь в клетчатом костюме и на саксофоне играешь. Так красиво играешь, что и описать невозможно. Вот так.

— Когда это такое было?! — спросил Ветер, скреживая руки на груди.

— Никогда. Это был мой сон.

— Так я тебе таких историй столько расскажу! — возмутился Ветер.

— А что я играл?

— Да я и не помню... Импровизировал, наверное...

— Импровизировал, — передразнил Ветер. — Ладно, я тебя тоже как-то видел. Иду я по полю. Лето. Вокруг — цветы. — Он провел рукой, чтобы Снег лучше представил широкое поле. — Смотрю, а мне навстречу кто-то с холма спускается.

— Неужели я?! — с притворным удивлением воскликнул Снег.

— Ты... — протянул рассказчик, довольно кивая.

Снег расхохотался.

— А давно ты меня летом наяву видел?

— Не видел лет десять!

— А во сне что же я делал?

— Цветы собирал.

Снег погрузился.

— Я люблю цветы, но так редко удается посмотреть на них. Какие там были, в этом поле?

Ветер присел рядом.

— Душистый горошек, кашка, собачки всякие... Мышиный горох, помнишь, какой он?

— Нет, — покачал головой Снег.

— Ну, сиреневенький такой, с мелкими листочками. — Ветер попытался изобразить руками листочки.

— А-а, вспомнил, — заулыбался Снег. — А еще, еще?

— Вьюнки... А клевера сколько было, а еще... Снежище, ты «Вальс цветов» давно слышал? Там, конечно, не полевые цветы «танцуют»...

— Я слышал его так много раз, что теперь кажется, это было вчера. — Снег снял шляпу, положил рядом. Его трость куда-то делась. Он уже не выглядел франтом. Он смотрел вниз, на дорогу, ссутулившись и подпирая подбородок ладонью.

— Эх, тарара-риира, парара-риира, — мурлыкал Ветер, кружась по крыше. — Люблю эту музыку. Знаешь, — он остановился, — ты не обижайся, зима еще не начиналась, а я уже хочу, чтобы наступило лето.

Снег пожал плечами. Ему бы хотелось как-нибудь летом повидать друга, но это было практически невозможно. Он улыбнулся, скрывая грусть. А Ветер продолжал:

— Самое интересное, что, когда наступит лето, мне захочется, чтобы скорее настала зима! И так всегда. Эх, везучий ты, Снежище, всегда у тебя...

— А что это там? — перебил Снег, который не считал себя везучиком.

Внизу, возле здания через дорогу от дома, где сидели друзья, было много народу.

— Филармония... Концерт... — протянул ветер, подходя к краю крыши.

— А что играть будут? Случаем не «Вальс цветов?»

— Нет... Опера приехала.

— Ах, я бы послушал... — вздохнул Снег.

— Ты что, ведь не дадут! Закроют все окна и двери, даже на порог не пустят... Дохлый номер. Куда ни сунься — везде бабушки в красных жилетах. Возмутительно! Ты согласен со мной?

Но Снег не ответил. Он полулежал, опираясь на левый локоть, и медленно распадался. Вокруг него летали маленькие белые частички.

— Эй-эй! Ты что?! — забеспокоился Ветер. Он взял его за плечи, втащил на крышу и поставил на ноги.

— Что это такое!!! — ворчал он, тряся друга за плечи, чтобы тот пришел в себя, но со Снега только сыпались блестящие крупинки.

— Ой, мне кажется, я сейчас умру-у... — заныл Снег.

Со Снегом такое случалось и раньше. Обычно это бывало весной, или когда среди зимы неожиданно теплело. А сейчас он просто очень сильно расстроился из-за лета, цветов и концерта, на который их с Ветром не пустят.

— Ты мне это брось! — строго сказал Ветер. — Во-первых, ты не можешь умереть, а во-вторых, от плохого настроения еще никто не умирал! Квашня какая!

Снег только вздыхал.

— Ох, ну что с тобой делать, давай попробуем как-нибудь послушать.

Ветер схватил «больного» и одним рывком перескочил на крышу филармонии. Он положил его у края, наклонился и сказал:

— Я поищу вентиляционную трубу, которая идет из зала.

— Мне нельзя лазить по вентиляционным трубам. Я растаю, — пробормотал Снег.

— Не волнуйся, дружище, я просто поднесу тебя к ней. Надеюсь, будет слышно.

И Ветер пошел на поиски. Труб было всего три, но сколько он ни прислушивался, никак не мог услышать музыкальных звуков, одно монотонное гудение.

— Эх, видно, придется ни с чем возвращаться... А может, еще рано?

— Ветер...

Тот обернулся и увидел, что Снег медленно идет к нему. Он уже выглядел лучше.

— Ветер, ты извини меня. Я что-то совсем разнюнился... Подумаешь, какая-то опера.

— Да... — согласился Ветер, похлопывая друга по плечу. — Сколько мы с тобой вместе видели... Еще и опер-то никаких не было, а мы уже столько слышали... Эх, Снежище-Снежище...

Они подошли к краю, уселись и с минуту молча смотрели на людей внизу. Потом Снег залез с ногами на крышу, улегся и сказал:

— Эх, я сегодня так устал, глаза прямо слипаются...

— Хочешь, я спою тебе? — предложил Ветер.

— Пожалуйста... Я буду очень рад... — пробормотал Снег.

Тогда Ветер лег рядом и тихо запел. Он вспомнил очень старые песни. А Снег спал. Он видел во сне поле и собирал цветы.

ВИОЛОНЧЕЛЬ И ХОДУЛИ

Фантастический рассказ

За окном играла музыка. Эрнест провел пальцем по раме и посмотрел, как тает на коже снег. Потом вздохнул, засунул кисти рук в рукава и прижался лицом к стеклу. Мелодия была одна и та же, но звучала каждый раз по-иному. Раньше Эрнест этого не замечал, ему казалось, что музыкант, игравший по ту сторону окна, просто повторяет один мотив. Но Эрнест стоял здесь не впервые и уже знал все упражнения виолончелиста, занимавшегося в теплой освещенной комнате.

Эрнест прослушал у окна на шестом этаже много произведений. Целиком и по частям, медленных, протяжных, легких и быстрых. Иногда он подпевал. А иногда уходил на своих ходулях смотреть, как на седьмом этаже пьют чай, на четвертом смотрят кино, или как на девятом играют дети. Да, много еще было окон, в которые заглядывал заколдованный Эрнест. Но чаще всего он подходил к этому, на шестом этаже, чтобы узнать, что же нынче будет играть молодой виолончелист.

Арсений Козлов не находил себе места. Его очень беспокоили странные шорохи за окном. Вечерами возле балкона постоянно кто-то копошился.

— Эти птицы с ума меня сведут, — бормотал он, нервно шагая по комнате. — И кормушки-то у меня нет...

Вдруг он остановился.

— Ну вот, опять! Да что это за птица такая?!

Арсений кинулся к окну, чтобы посмотреть на вредное пернатое, но успел заметить лишь промелькнувшую тень.

— Здоровая какая... — Он почесал затылок.

Уже взяв виолончель и раскладывая ноты, он продолжал думать вслух:

— А с соседями-то как «повезло»! С виду приличная семья, а на рипано играть невозможно. Как ни сяду за инструмент, у них там кто-то петь начинает. Совсем не смешно. Странно, что их так хорошо слышно... — И усевшись перед пультом, добавил: — Надо менять квартиру... Ну, что там у нас с сонатой?

Никто не видит Эрнеста. Никто. И приличное семейство, живущее над виолончелистом, и киноманы с четвертого, и даже детишки, игра-

ющие на последнем этаже, никогда ничем не поделятся с Эрнестом. Да много еще окон, куда заглядывает он с любопытством и тревожной надеждой. А на что надеется — сам не знает...

Он побаивался людей. За холодными стеклами многих квартир он видел такое, что его пугало, и чего не смог бы увидеть больше никто. Но желание быть ближе к тем непостижимым для него существам побеждало, и каждый день Эрнест вылезал с чердака, вставал на ходули, приставленные к стене, и шагал туда-сюда вдоль дома. По утрам он смотрел, как люди просыпаются, а кто-то еще видит последние сны. Ближе к вечеру пришедшие с работы открывали форточки, и можно было стащить с подоконника на кухне какую-нибудь еду. А когда совсем темнело, Эрнест наблюдал.

У него, конечно, были и любимые окна. Обычно те, за которыми слышалась музыка. Но в этом большом доме почти никто не играл сам, звучали только телевизоры и колонки. Поэтому самым любимым окном Эрнеста стало то, на шестом этаже.

Уже рассвело. Арсений Козлов попытался приготовить морковь по-корейски. Он неторопливо терзал морковку на крупной терке и зевал.

«Зачем было вставать так рано? Нет репетиций, нет уроков, спал бы и...» Чуткое ухо музыканта уловило знакомый шорох. Арсений насторожился, но больше ничего подозрительного не услышал и продолжал заниматься морковью. Он долго сыпал приправу из пакетика — по чуть-чуть, боясь переборщить. «Теперь уксус», — пробормотал он. И начал по капельке лить его в морковную стружку. Тут что-то стукнуло в стекло. Арсений вздрогнул, плеснул из бутылки больше, чем надо, уронил ложку в пакет с приправами.

— Да я тут с ума сойду! — завопил он, но, повернув голову, осекся. За окном был какой-то человек. Стекло замерзло, и не разглядеть было, какой именно, однако он, видимо, так и собирался стоять там. Человек пытался увидеть сквозь заледеневшее стекло, что происходит на кухне. Он брался за железный подоконник, и тот скрипел.

— Так это вы шуршите?! — начал удивленно Арсений. Фигура за окном явно не ожидала вопроса и стала растерянно вертеть головой.

— Я вам сейчас покажу, как за мной подглядывать! Я вам покажу, как за окнами скрежетать! — закричал музыкант. Он схватил чашку с неудавшейся морковью, раскрыл окно. Лицо обдало холодом. Арсений зажмурился и швырнул содержимое чашки в незнакомца, который успел отойти на некоторое расстояние от окна. Открыв глаза,

виолончелист увидел, что не промахнулся. Но кто стоял перед ним! Это был молодой человек, одетый в старую пижаму, из которой давно вырос. На пижаме яркими пятнами красовалась корейская морковь. Юноша с благоговейной улыбкой снял с одежды кусочек моркови и отправил в рот. На Арсения он смотрел, как на избавителя...

Целый день – тишина. Вечером было так же спокойно. Но утром Арсений проснулся очень рано. Во дворе была какая-то кутерьма. У дома стояли две красные машины с лестницами. «Неужели пожар?» – испугался Арсений. Дыма видно не было. Из окна не удавалось разглядеть, что происходит у другого края дома. Арсений надел тапочки и вышел на балкон. Тут он понял, в чем дело. Вдоль дома шагал юноша в старой пижаме, испачканной морковью. Он был сильно испуган, в отчаянии вертел головой и почти плакал. Пожарные со своими лестницами никак не могли за ним угнаться, зато некоторые жильцы пытались схватить его, когда он быстро проходил мимо их балкона. Молодой человек уже приближался к окнам квартиры, где жил виолончелист. Арсений перегнулся через перила, замахал руками и закричал:

– Эй! Сюда!

Дмитрий Варков

Об авторе

Дмитрий в душе давно уже ощущает себя студентом-филологом. Но для реальности таких душевных ощущений недостаточно — в ней, реальности, всегда какая-нибудь нехватка: то нет мест на бюджетном отделении, то нет денег, чтобы тебя приняли на платное место (а вернее, сразу нет того и другого). Зато, чтобы числиться добровольцем Школы литературного мастерства, не надо ни денег, ни преодоления бюрократических препон. Надо лишь писать рассказы или стихи и стараться делать это все лучше... Дмитрий старается. И надеется на радостное будущее, а пока работает водителем...

ТЕЛЕВИЗОР

12 июня.

Я переехал в Город совсем недавно. Прижали долги, осточертели до ужаса знакомые хари, надоело работать всего лишь грузчиком. И в одно прекрасное утро я поднялся с ясной и четкой мыслью — я уезжаю. Куда — неважно, куда подвернется, где найду жилье, где будет зелено и солнечно. И подальше от столицы.

На самом деле от моего решения и до непосредственно переезда прошло немало времени. Решались вопросы по большей части бюрократические. Продажа квартиры, увольнение с работы, пришлось потратить много сил, чтобы уйти с должности, при этом забрав большую часть заработанных честно денег себе, а не оставляя начальству под выдуманными ими предложениями.

Последнюю ночь в Тюмени я провел в гостинице. А на утро с первыми петухами скорый поезд «Москва–Город» увез меня в новую жизнь.

И вот уже вторую неделю расхаживаю по однокомнатке, насвистываю под нос песенки, постепенно обставляюсь мебелью. Работа поваром в глубинке, конечно, не обещает осыпаться финансовым дождем, однако на жизнь должно хватить. Да и цены в Городе поприятней тюменских...

А вот сегодня купил телевизор. С гордой надписью «Made in China», но продавец заверил, что телевизор прямиком из Японии, а людям надо верить. Правда, наверное, все-таки китайский, потому как некоторые проблемы с программами...

Во-первых, их всего шесть, но это не так удивительно, в глубинках редко бывает больше. По-настоящему я был удивлен после настройки оных.

Первый канал гордо транслировал цифру «1» на всю плоскость изображения. Цифра сияла зеленым, периодически отдавая перламутром, и выглядела настолько презентабельно, что хотелось снять шляпу и поклониться ей в ножки. Шляпа я не носил, потому вопрос отпал сам. Кроме цифры «1», канал ничего не транслировал. Абсолютно. Только одинокая, наслаждающаяся своим величием единица торжественно сияла перед телезрителями. Эдакий культ первого рационального числа.

Наверное, вы уже догадались. Второй канал не менее гордо и даже с некоторым пафосом представил моему взору цифру «2». Цифра горела ярко-красным ровным цветом, без всякого намека на малейшие

изменения. И располагалась тоже аккуратно по центру. Возникло ощущение, будто каналы соревновались между собой, кто наиболее красочно и ярко представит свою цифру на экране.

Остальные четыре канала разнообразием не блистали и милостиво позволили мне ознакомиться с порядковым числовым рядом до шести включительно. Каждая цифра имела свой цвет, свою форму, но располагалась в центре экрана и... ну да, располагалась. И больше ничего не делала.

Если бы помогла перенастройка, сами понимаете, я бы даже не взялся рассказывать про этот странный эпизод, а просто забыл его, как нелепый и даже забавный случай. Но перенастройка не помогла. Цифры оставались на своем месте.

«Чушь какая-то. Профилактика, наверное», — решил я. После этого лег и быстро заснул.

14 июня.

Профилактика продолжается вот уже третий день. В том плане, что цифры не исчезают. Однако я заметил, ровно в полночь они меняют цвет. Вот сегодня, к примеру, на первом канале единичка окрасилась в благородный синий цвет, а двойка на втором приобрела полосатый черно-белый вариант.

Вчера под выдуманном предлогом нехватки соли проник в квартиру соседа напротив. Хотел посмотреть, что у него с телевизором. Сосед работает на каком-то заводе станочником, так что телевизор представитель рабочего класса смотреть по вечерам просто обязан. Так и есть. Черно-белый старинный «Горизонт» стоял у них аккуратно посреди залы, прекрасно просматриваясь из прихожей, где я переминался с ноги на ногу в ожидании солевого поощрения. Семья из пяти человек, включая дедушку и двух сорванцов лет пяти-семи, сидела перед экраном. И внимательно смотрела на пятнистую цифру «4». Судя по восторженным глазам семейства, они видели в этой четверке погони, перестрелки, драки, а также абсолютную и категоричную победу добра над злом.

17 июня.

Соли теперь мне хватит, пожалуй, лет на пять. Пришлось ссыпать в трехлитровую банку. Зато теперь я точно знаю, что во всех домах в округе телевидение оригинальностью не отличается. Впрочем, похоже, аборигенов это вполне устраивает. Гуляя вечерами по дворам, я

часто замечал отблески телеэкрана в горящих окнах. И даже научился по робкой дрожащей тени различать, у кого какая программа демонстрирует свою цифру.

Купил телепрограмму. Ни на что особо не надеясь, а просто, чтобы развеять окончательные сомнения.

Так и есть. Под первым каналом изображена большая цифра «1», под вторым – двойка, под шестым – шестерка. И все. Остальное место отдано под стороннюю рекламу, вполне адекватную на самом деле.

Интересно, кто-нибудь вообще покупает программки?

18 июня.

Покупает.

Только что пришел сосед с такой газеткой. Пожаловался, что семья смотрит третий, а ему срочно надо досмотреть передачу на первом. Попросился к экрану на полчаса. Сидит, восторженно порывивает с горящими глазами.

Кажется, я схожу с ума...

Ночь. После ухода соседа к телевизору вообще не подходил. Вытащил с книжной полки первую попавшуюся книгу. Достоевский. Не самый худший вариант. Спать захотелось в момент пикантного описания отношений Тоцкого и Настасьи Филипповны. Лег...

Проснулся через час. С улицы доносились сумасшедшие вопли яростных, доведенных до крайности людей. Первая мелькнула мысль: «Неужели одумались? Поняли, что им показывают на самом деле? И подняли бунт?»

Я оказался прав отчасти. Бунт действительно подняли. Но причина была иной. Из обрывков воплей шествующей мимо моих окон толпы я понял, что произошла поломка на телевидении, и пятый канал временно прекратил трансляцию. Люди бушевали и требовали немедленного возобновления программы.

Я включил пятый. Действительно, вместо цифры мелькали полосы, рябь и все полагающееся при отсутствии показа. Как и в других городах. Нормальных городах.

Резко заболела голова, таблеток нет... Надо спать.

24 августа.

Пришел с работы. Устал. Чертова публика, в городе столько общепита, а жрать ходят все именно в эту кафешку. Руки отваливаются, вы-

полнил по крайней мере три нормы. Одна мысль — поскорей домой, в душ и к телевизору. Сегодня обещали на удивление живой эфир.

Сижу перед экраном с бутылкой крепкой «Охоты». Смотрю третий канал.

Сегодня цифра «3» выглядит особенно красиво...

МАРЬЯ ИВАНОВНА

Марья Ивановна вошла в класс с поджатыми губами, окинула быстрым взглядом учеников. Их было много, на первый взгляд казалось, что пришли все. Именно это успокоило Марью Ивановну, опустившуюся на стул.

— Здравствуйте, дети.

— Здра-ст!..

— На прошлом уроке я задавала вам прочесть сочинения великого писателя Даниила Хармса. Все справились с заданием?

Невообразимый гул показал, что справились все.

— Есть какие-нибудь вопросы по прочитанному? — поинтересовалась Марья Ивановна, мягко подводя разговор к интересующей теме. — Молчим... Может что-то непонятно со стилистикой? Или грамматикой?

Круглая отличница Катя Двойкина робко вытянула руку. Педагог подбадривающе улыбнулась и благосклонно опустила голову. Марья Ивановна знала, уж Катя-то не сможет не заметить особенностей в тексте.

— Простите, я вот заметила, — подтвердила надежды Катя, — что у Хармса в некоторых моментах присутствуют орфографические ошибки, и слово «девчонки» через «Е» — не самый большой просчет Даниила Ивановича.

— Понимаешь, Катя... — Марья Ивановна постучала по столу карандашом, дабы привлечь внимание гудевшего класса. — Понимаешь, Катя, это не ошибки. Даниил Иванович в своих дневниках сам неоднократно замечал, что «так всегда выглядит в моем написании». Это не признак безграмотности, а, напротив, — доказательство большой оригинальности. Не будучи одним из серой массы обывателей, Хармс подчеркивал свое величие даже в творениях.

— То есть, если мы будем допускать ошибки, это тоже будет считаться признаком величия? — раздался робкий голос с задних парт.

— Ну, если вы считаете, что впереди у вас большое будущее, то пожалуйста. Допускайте. Полагаю, что вы все дети неглупые и сможете правильно подчеркнуть свою оригинальность. Но особо не увлекайтесь...

— И вы не будете ставить нам двойки?

— Думаю, что не буду. Ведь вы не маленькие уже, прекрасно знаете, что индивидуальность необходимо развивать с юных лет... И не забывайте, что в понедельник контрольная за вторую четверть. В половине девятого, в моем кабинете... На ней будет присутствовать комиссия! — Последние фразы пришлось прокричать, потому что взволнованные ученики шумно обменивались мнениями.

Основная часть контрольной состояла из диктанта — не очень сложного отрывка про деревенское лето. Вторая — из письменного пересказа чеховской «Смерти чиновника». Вся детская гвардия писала, усердно вывалив набок языка. Часовая стрелка подбиралась к одиннадцати часам, когда первые отличники понесли рукописи к учительскому столу. К половине двенадцатого сдали все.

— Ну что ж, прошу подождать всех в коридоре, через час мы вас пригласим для объявления результатов.

Через час, который показался бесконечным, бледные и красные ученики сидели на своих местах, а Мария Ивановна ходила по рядам и бушевала:

— Это же надо!!! Столько ошибок в элементарнейших словах! Э-ле-мен-тар-ней-ших! Иванов! — Иванов скованно поднялся. — Надо же! «Окула!» Садись, два! Без права пересдачи!.. Сидорчук! Встать! «Смерд чиновника!» Хо-хо!!! Смерд! Знаешь что такое смерд? Не знаешь? Смерд это ты! Садись, два... Двойкина! Да как ты посмела!!! Уж в ком, но в тебе я была уверена! Ты же всегда на «отлично» сдавала. А тут! Запомни, Екатерина, «девчонки» пишется через «О»!!! Садись, единица!

Класс загалдел. Сквозь гул можно было разобрать обрывки фраз: «...Но вы ведь сами сказали...», «...А как же Хармс...», «...И куда нам теперь...»

Мария Ивановна прекратила гвалт тремя увесистыми ударами ладони по столу.

— А ну замолчите! Да как вы смеее после таких результатов сваливать вину на других! Причем здесь Хармс? Неучи!!! Всем двойки, без исключения!!! Хоть бы комиссии постеснялись!!! — Марья Ивановна оглянулась на комиссию, состоящую из трех скромно лысеющих мужичков и одного лысого абсолютно.

Комиссия посовещалась, и абсолютно лысый профессор сообщил негромким голосом:

— Ну как же? Не все двойки, не все. Некто Кречетов написал без единой ошибки, свои пять баллов он заслужил.

— Кречетов? Не может быть! — Марья Ивановна подошла к парте «виновника». — Как же ты умудрился-то?.. А ну-ка, ну-ка, ответь мне, дружок, ты в пятницу был на уроке, когда мы разговаривали о творчестве Даниила Ивановича Хармса?

— Нет, я проспал тогда...

— Понятно, понятно, — пробормотала Марья Ивановна. — Как же это я упустила-то, а? Мда-с, прискорбно...

Внезапно ее осенила светлая мысль. С решительным видом последовала она к учительскому столу и взяла журнал.

— Кречетов! — окрепшим голосом возгласила Марья Ивановна. — Два балла! За прогул! Да-да, дорогой, на мои занятия надо ходить... Без права пересдачи!

И счастливая учительница вывела в ведомости цифру с гордым лебединым профилем.

УМИРОТВОРЕНИЕ

Учитель медленно заливал кипятком настоявшиеся листья зеленого чая. Чистейшая родниковая вода умиротворенно журчала, принося в привычное течение жизни новые открытия, осознания, смирение. Учитель отставил чайник и взял в две руки наполненную пиалу. Прозрачная жидкость нежно-зеленого оттенка напоминала ему о настоящем счастье, о гармонии с окружающим миром. Открытые окна хижины приветливо запускали внутрь пение птиц и журчание ручьев, шелест травы и дыхание ветра. Учитель вдохнул в себя аромат, уносясь в безоблачные дали и превращаясь в прекрасную птицу, способную оценить все величие и неизмеримость природной красоты...

Мелкими глоточками Учитель поглощал напиток, представляя себе, как каждый такой глоток скользит целебным бальзамом по пищеводу, излечивая телесные раны и душевную скорбь. Необъятный мир познавал Учитель с каждой новой церемонией чаепития... Он заново отдыхал от мирского. Заново, с каждым глотком он постигал неизведанное...

Наконец, Учитель вобрал в себя последние капли волшебного чая. Плавно его дух возвращался в бренное тело, готовый к новым испытаниям. И встал Учитель во весь рост. И поставил пиалу на место. И вздохнул полной грудью. И сказал: «Фу, блин, какая мерзость!»

Елена Ванушина

О себе

Родилась 27 января 1994 года, окончила школу № 1 в поселке Пангоды по социально-экономическому профилю и музыкальную школу по классу фортепиано с отличием. С 2010 года учусь в ТюмГУ по специальности «Лингвистика». Рассказы пишу с семи лет. Увлекаюсь скандинавской культурой.

РАДИ МАМЫ

Обычно я после работы заходила в небольшое кафе напротив моего дома. Пила кофе с круассаном, несколько минут просто сидела, слушала музыку, потом шла домой, где погружалась в привычное море домашних хлопот... Мне нравилось, что в кафе было немноголюдно. Да и цены не были по карману.

Сегодня была пятница. На этот раз посетителей оказалось много, я нашла лишь один свободный столик. Поставив сумку, я стала ждать. Официант прекрасно знал, что мне нужно, и сразу ушел за заказом.

— Извините, вы не будете против, если я сяду рядом?

— Не против, — немного разочарованно протянула я и посмотрела на женщину. На вид ей было около пятидесяти. Она не была накрашена, волосы собраны в хилый пучок. «Наверно, суровый муж и куча детей. Или даже внуков», — с сожалением подумала я. У меня самой муж и уже почти взрослый сын не отнимали много времени, я могла заниматься собой.

Принесли кофе. Женщина заказала себе то же самое. Я отпила глоток и снова посмотрела на женщину. Было в ней что-то навязчиво знакомое.

— Скажите, а вам не кажется, что мы уже встречались? — осторожно поинтересовалась я.

Женщина задумалась.

— Вы случаем не Исаева? — спросила она.

— Это моя девичья фамилия...

— Света, ты не узнаешь меня?

Я внимательно посмотрела ей в лицо. Ее глаза не соответствовали возрасту. Это были глаза еще молодой женщины. Моего возраста...

— Женя???

— Да, Света. Это я.

Теперь я уже понимала, что это Женя. Но как она изменилась! В последний раз я видела ее в выпускном классе, но это была красивая девушка... а теперь на меня глядела почти старуха. Конечно, семнадцать лет прошло — это много, но все же...

— Ну и что у тебя нового? — спросила Женя.

— Вышла замуж. Не из наших одноклассников... У меня сын, ему шестнадцать. А у тебя? Муж, дети?

Женя покачала головой.

— Как? Все еще?

- Именно.
- И что, никогда не было даже увлечения?
- Ну... было... но это мелочь...

У Жени была мама, которая на первый взгляд могла показаться неплохой. Очень милая женщина, ее обожали многие. Она жила без мужа – тот погиб в автокатастрофе вскоре после рождения дочери. Но у нее было, что называется, слабое здоровье. Так как ей нельзя было волноваться, Жене никогда не разрешалось сидеть у меня и других подруг. Дом должен был блестеть безукоризненной чистотой – мама любила порядок. И сколько я помню, Женя всегда жила именно так. Но неужели за семнадцать лет она не вырвалась из этого круга?

– А что ты делала после школы? – спросила я.

– Поступила на вечернее отделение института и устроилась на работу...

– А мама?

– У мамы болезни, ей нельзя было больше работать.

Мое желание разговаривать заметно поубавилось... Но нет. Мне захотелось выяснить!

– Ну и как жили?

– Да неплохо...

– Ты хоть отдыхала?

– Конечно. На отпуск мы обычно ездили в дома отдыха с мамой.

Нас там даже за подруг принимали.

– С тобой пытались познакомиться?

– Ну да...

– Так в чем же дело?

– Мама говорила, что приличные мужчины так не поступают.

Невольно напрашивался вопрос «а как?» Но сейчас меня больше интересовало другое.

– А твое увлечение? Когда оно было?

– Да давно уже... – Женя уткнулась взглядом в чашку. Я знала, что она все равно заговорит, поэтому не вмешивалась. – Мне тогда было двадцать пять. Я шла из магазина. У дома поскользнулась, выронила пакеты. А тут подбежал парень... Он помог собрать продукты, донес пакеты до двери... Выпросил номер телефона. А через день позвонил и предложил встретиться. Я сказала маме, она была против... Мол, нельзя соглашаться на свидание с незнакомым человеком, мало ли чего он может задумать. Но я сказала, что все равно пойду. Мы гуляли с ним

по городу, разговаривали. Мне казалось, более близкого человека у меня не было и не будет... А когда вернулась, у дома стояла «неотложка». У мамы случился инфаркт. Она долго лежала в больнице, я все вечера проводила у ее постели...

Поняв, что сейчас она опять углубится в тему «мама», я перебила ее:

— А он? Что он делал?

— Звонил еще несколько раз. Предлагал встретиться. Я отказывалась... В общем, он перестал звонить.

— И больше ты никогда не пыталась завести мужчину?

— Нет... Сама видишь. У меня нет времени. Да и стыдно до сих пор перед мамой, что я так ее взволновала...

Женя взглянула на часы.

— Ладно, Света, мне пора. Надо ужин маме готовить. Было приятно пообщаться.

— Пока.

Женя встала и пошла к выходу. Она не оправила юбку, не пригладила растрепавшиеся волосы... Похоже, ей было все равно, как она выглядит.

Мне было жаль ее. Очень жаль. Но здесь я была беспомощна. Помочь ей могла только она сама.

СЫРНИКИ

— Олена! Олена! — прорезал тишину бабушкин голос, доносившийся из кухни. — Поди сюда!

Алена встала, отряхнула с коленок землю. Настроение испортилось. Еще бы, бабушка звала ее, когда у куклы Маши был день рождения. И ведь наверняка заставит дергать на огороде морковку для супа, а это займет минут пятнадцать, не меньше!

— Ты слышала, Аня, меня зовут, — грустно сказала она подруге, сидевшей на бревне в компании трех старых кукол.

— Иди, если зовут, — блеснула хитрыми глазами Аня, — а я пока что испеку тортик.

Алена отворила калитку и вошла во двор. Из кухни раздавался аромат горохового супа. Девочка втянула носом воздух — ах, как хорошо пахнет! — и пошла на запах. Бабушка стояла у плиты, помешивая булькающее содержимое кастрюльки. Весь ее вид говорил: «Я занята ответственным делом, не мешайте мне!»

Бабушка была низенькая, приземистая, с большим носом, на котором красовалась бородавка, и всегда носила большой белый платок. Весь день она или готовила, или убиралась, или работала в саду, а вечерами сидела на скамеечке со старушками-ровесницами и что-то яростно обсуждала с ними. При этом она так быстро говорила, что Алена не могла разобрать ее украинскую речь.

Алена не была похожа на бабушку. Светло-русые волосы и смеющиеся серо-голубые глаза она унаследовала от матери, а характер у девочки был отцовский. Во всяком случае, так утверждала бабушка. Алена в свои семь лет была порядочным сорванцом, но ей не верилось, что ее отец когда-то был таким.

«Все мы были сорванцами, но не все это помним», — говаривала в таких случаях бабушка.

Услышав шаги, бабушка оглянулась.

— Вот ты где, разбойница... Мне сирники треба, вони у сенци. (Как всегда, разговаривая с Аленой, она пыталась говорить по-русски, но у нее это не очень получалось.)

— Хорошо, сейчас принесу, — сказала девочка, радуясь, что ей дано такое легкое задание, и вприпрыжку побежала из кухни. Перерезав двор по диагонали, она зашла в сени. Окинула взглядом комнату. Сырников не было.

Алена встала на колени, заглянула под все стулья. Затем открыла шкафчик и зачем-то печную заслонку. Посмотрела в тазик с вареньем. Окунула в него палец, лизнула и прищурилась от удовольствия — варенье было малиновым. Посмотрела под шкафчиком, затем в мешок с сахаром. «Ну и где же сирники? — обиженно подумала Алена. — И зачем они понадобились бабушке? Спрошу лучше у нее». Девочка встала, надела тапочки (хотя до этого момента ходила босая) и вышла во двор. На небе собирались тучки, веяло холодным ветром, летали над самой землей капустницы и ласточки, загадочно шумели деревья.

— Гроза будет, — сказала девочка, вспоминая приметы, которым ее учила Аня. Аня была деревенской девочкой — свободно ориентировалась в лесу, хорошо предсказывала погоду по приметам. Алена завидовала ей.

— Бабушка, я их не нашла, — сказала девочка, заходя на кухню.

— Як же? — удивилась она. — Вони на печурке, биля кринки. Побачь ще, да повнимательнее.

Алена, понурившись, вышла. Возле кринки с молоком на печке никаких сырников не было, она это помнила. И что же ей делать? Спросить еще раз у бабушки она не решалась. Подумав немного, девочка решила обратиться к подруге.

Аня была там же, где и оставалась. Она посыпала песочный торт золой — это был «шоколад». Алена присела на бревно.

— А ты чего такая печальная? — спросила Аня, ставя поднос с «тортом» на пень. — Влюбилась, что ли?

— Да нет... Бабушка просит сырники, а я найти не могу.

Подруга засмеялась. Нечаянно задела поднос, и «торт» упал на землю. Аня не заметила этого и продолжала хохотать.

— Что с тобой? — спросила Алена. — Тебе плохо?

— Ну ты... ха-ха... даешь. Сырники... ха-ха-ха!

— Да объясни же, о чем ты говоришь!

Увидев то, что осталось от «праздничного торта», подруга умолкла и совершенно серьезно сказала:

— Жалко. Такой красивый был... А сырники — это спички по-украински. Она у тебя спички просила.

Алена хлопнула себя по лбу:

— Ай, точно! Ну, я сейчас сбегаю отнесу спички и будем играть дальше.

— Не думаю, — сказала Аня, указав на небо. — Видишь, гроза собирается?

Алена тоже поглядела на небо.

— Тогда до завтра.

Аня принялась собирать кукол в коробку. Алена пошла во двор, досадуя на несообразительность. И как она не смогла понять, что «сырники» — это спички?

Нашлись они быстро — действительно, лежали возле кринки. Девочка взяла их, побежала на кухню и вручила коробку бабушке.

— Вот и умница, внученька, — сказала та, невольно перейдя на чистый русский. — Через пятнадцать минут будем обедать. Беги, разбойница!

Когда Алена вышла во двор, уже всю капал дождь. Асфальтовая дорожка быстро меняла цвет с светло-серого на темно-серый, и девочка поспешила пойти в дом.

Она сидела на стуле у окна, смотря на струи, текущие по стеклу. Шум дождя был несколько приглушенным, а вот гром раздавался отчетливо. А в голове у нее была лишь одна мысль: «Я обязательно выучу украинский!»

Сергей, как и некоторые другие
участники Школы, был автором нашего
первого сборника. Тогда он написал о
себе:

«Студент 4 курса психологического
факультета...

С двенадцати лет периодически пишу
стихи. А в последние два года увлекся
написанием рассказов, сценариев и
повестей...»

С той поры Сергей успел получить
диплом СПбГУ и работает
в солидной фирме, используя свои
психологические знания. Но это не столь
уже важно, а важно то, что он остается
в нашем литературном объединении и
продолжает писать.

А публикуемый здесь рассказ он
написал незадолго до защиты диплома.

Сергей Топелькин

ОБИТАТЕЛИ ПОКИНУТЫХ СОТ

Фантастический рассказ

Два модуля-разведчика вылетели из ангара корабля-носителя и устремились к поверхности планеты. "Поиск-112" продолжал вращаться на орбите, в автономном режиме. Оставшийся на борту связист Патрон теперь мог годами жить на корабле, не заботясь о его функционировании.

На больших экранах рубки управления уже нельзя было различить модули невооруженным глазом. Они затерялись на фоне мешанины цветов, преимущественно зеленого и голубого. Так неисследованная планета выглядела из космоса.

Разведывательная группа начала проходить через атмосферу. Это стандартная, но довольно сложная процедура, во время которой по инструкции сеансы связи запрещены. Тем более атмосфера неизвестной планеты была очень плотной, поэтому исследователей должно было основательно потрясти. От этой мысли Патрона передернуло. Он обожал участвовать в приключениях, но предпочитал это делать в рубке корабля, окруженного защитными экранами.

Планета с условным номером "Зеро-Х793" привлекла внимание исследователей еще несколько десятилетий назад. Когда поиск новых цивилизаций в бескрайнем космосе стал обычным делом, к далеким звездам устремились электромагнитные сигналы. С их помощью передавался стандартный набор приветствий на всех известных языках, изображений, музыки и видеозаписей. Чаще всего сигналы проходили цель насквозь и, постепенно теряя импульс, затухали в вечной ночи. Но иногда кто-то или что-то принимало их. Так находили дружелюбные цивилизации, пытавшиеся выходить в космос или уже основавшие мощную космическую державу. А "Зеро-Х793" продолжала принимать сигналы и хранить молчание. Эта зловещая тишина пугала больше, чем объявление войны.

Неожиданно в радиоэфире раздался радостный голос Абарака:

- Я уже над поверхностью планеты! Приближаюсь к цели.
- Постой! — разволновался Патрон. — Где Унол с командой?
- Они выбрали щадящий режим прохождения атмосферы: сбросили скорость, изменили угол полета. Не волнуйся, через пару минут откликнутся.

– Разве ты их не подождешь?

– Патрон, — вздохнул Абарак, — последнюю неделю я только и ждал того момента, когда смогу посмотреть на руины городов неизвестных науке существ. Ты только представь, мы первые, кто прилетел в этот мир! Я специально взял отдельный модуль, чтобы не мешать остальным, и чтобы остальные не мешали мне изучать архитектурные памятники.

– Тогда не забудь возобновить передачу сигналов, — буркнул связист.

– Уже сделал. Но, по-моему, разумных существ здесь давно нет.

“Зеро-Х793” находилась далеко от островка освоенного космоса, поэтому прошло немало времени, прежде чем вблизи от нее оказалась небольшая группа исследователей. Экипаж “Поиска-112” должен был найти устройство приема радиосигнала. По возможности вступить в контакт с его создателями или хотя бы соотнести их с уже изученными видами. Местоположение неведомого приемника не удалось локализовать в течение трех суток, проведенных на орбите. Капитан корабля Унол принял решение отправиться к одному из самых больших скоплений руин. Оно находилось в западном полушарии на острове, близ побережья южного континента. Даже при взгляде с орбиты размеры застроенных территорий вызывали уважение.

– Пролетаю над водной поверхностью. На этой планете несравненные запасы воды, но, я полагаю, она непригодна для нас по составу, как и воздух. Конечно, ее можно очищать и использовать на других планетах, но кто будет посылать водные танкеры на такие расстояния?

– Никто. Такая вода после доставки и очистки должна стоять целое состояние, чтобы предприятие окупилось.

– Да, боссы ресурсодобывающих корпораций не пойдут на это. Только когда границы обитаемого космоса достигнут этой планеты, ее запасы могут пригодиться.

– Не фантазируй! — фыркнул Патрон. — Мы добирались сюда уйму времени. Пройдут тысячелетия, прежде чем это произойдет.

– Я на побережье, — ответил Абарак изменившимся голосом. — Здесь все покрыто буйной растительностью. При максимальном приближении камеры, я могу разглядеть остатки сооружений под мясистым зеленым покровом. Посмотри сам — я посылаю снимки.

Патрон с нетерпением ждал, когда файлы окажутся на бортовом компьютере. Они заняли все экраны рубки, закрыв вид планеты из космоса. На снимках высокого разрешения четко различались рас-

тения самых фантастических форм. Основных цветов было два: все возможные оттенки зеленого и, встречающегося реже, коричневого. Растения опутывали, загоразивали и скрывали разрушенные строения. Пройдет еще несколько десятилетий и крошечные островки неизвестного белого и красного материала навсегда скроются под колыхающимся зеленым полотном.

— У меня такое чувство, будто растения специально разрушают постройки. Деревья, если то, что я вижу, можно так назвать, растут слишком навязчиво для простого совпадения. Точно рядом со строениями, а иногда прямо в их центре. Разрушают фундамент изнутри. Не знаю, возможно ли такое...

Как будто в ответ на слова Абарака в рубке раздался голос капитана:

— Патрон, мы прошли атмосферу успешно, если не считать сильной тряски. Направляемся к острову на юго-западе. Что-то я не вижу на радаре модуля Абарака. Он выходил на связь?

— Да... Он уже над побережьем южного континента.

— Я так и думал, — вздохнул Унол. — Переведи нас на общую частоту.

Как только приказ был выполнен, вся команда услышала взволнованный голос специалиста по древним культурам:

— Лечу на север. Вокруг та же картина: если приглядеться, можно заметить неестественные возвышения, поросшие лианами и неизвестными мне видами мха и лишайника. Здесь уже не обойтись без подготовленных экспедиций. А по берегу разбросаны остатки металлических конструкций, камни со следами обработки... Интересно, может ли цивилизация выбрать такую негативную форму прогресса, чтобы планета восстала и уничтожила ее?

— Абарак, прошу, ты же ученый! — взмолился Скулаб. Он специализировался на флоре и фауне, к тому же числился самым старшим из разведгруппы. Интересы этой парочки частенько перекликались, поэтому их научные споры были заурядным явлением. — Вспомни третий закон Гальдена, который гласит, что планеты, хотя и являются живыми, не обладают сознанием. Они, если тебе будет угодно, похожи на коматозников. Активность мозга фиксируется, но она слишком слаба, даже для микродвижений, я уже не говорю о целенаправленной активности. А все, что происходит на планетах, — это естественные процессы или, в лучшем случае, реакция на деятельность ее обитателей. Так что, если ты прав, они уничтожили сами себя.

— Подождите, — вставил капитан, — пока вы не заняли эфир окончательно. Абарак, я не против, чтобы ты летал в одиночку, но делай это максимально осторожно. Если нам не отвечают, это не значит, что планета необитаема. Мы не знаем нравов здешних существ, возможно, наши модули могут испугать их или вызвать агрессию. Летите над сушей на самой низкой скорости.

— Слушаюсь, капитан, — ответил Абарак. — Но, судя по тому запуску, которое я вижу, нам некого пугать. Когда я просматривал снимки с орбиты, то думал, что существа с "Зеро-Х793" живут в согласии с природой. Сейчас понятно, что это не так. Природа победила. Она с каждым часом завоевывает все новые и новые пространства. Версия с разумными растениями тоже не подтвердилась: мы не уловили с орбиты характерного для них излучения и признаков телепатической активности. Остается только версия с восстанием планеты. А теории Гальдена, — не упустил он случая поддеть коллегу, — не стоят и выведенного яйца. Он книжный червь, который прожил всю жизнь на родной планете, не летая даже на ее спутник.

Скулаб наверняка нашел бы что ответить, но в эфире раздался восхищенный голос Эйлы:

— Вы только посмотрите на эти сооружения, они гораздо больше, чем мы предполагали! Я хочу вступить в контакт с теми, кто их возвел. Это могут быть только несравненно развитые существа.

— Мне тоже хочется посмотреть, — сказал Патрон, — сделайте, пожалуйста, снимки.

— Сейчас. Посылаю тебе панораму приближающегося города.

Патрон сидел у пульта, раскачиваясь в кресле. Снимки так и не пришли.

— Ты точно их послала?

— Давай попробую еще раз.

На экранах перед Патроном по-прежнему находились фотографии густых джунглей, которые послал ему Абарак. Связист обратился к молчавшему до этого технику:

— Кейш, ты не посмотришь, что случилось с камерой или системой передачи?

— Не вопрос, сейчас посмотрю.

Пока в эфире раздавалось насвистывание Кейша и щелканье кнопок в кабине разведмодуля, Патрон вывел двухмерный снимок западного полушария на вспомогательный экран. Потом туда же он спро-

ецировал данные с маячков модулей. Одна из пульсирующих точек приближалась к большому острову, а вторая продолжала двигаться на север к руинам крупного прибрежного города.

— Снимки сделаны, но мы не можем их передать, — раздался голос Кейша после минутного замешательства.

— А разве ты не должен был проверить модуль перед полетом?

— Должен был и проверил. Только мы летим на другом модуле...

— Конечно, валите все на меня! — отозвался Абарак. — Может, я виноват и в том, что произошло на этой планете лет двести-триста назад?

— Не горячись, Абарак, — сказал Унол, — никто тебя не обвиняет. Кейш, ты сможешь устранить поломку?

— Вообще-то я могу устранить любую поломку на разведмодуле, но в нашем случае проблема не в программном обеспечении, а в железе. Короче говоря, где-то под приборной панелью отошел контакт. А копание во внутренностях модуля во время полета чревато аварийной посадкой со скоростью свободного падения. Хотя если капитан корабля отдаст мне приказ, то...

— Я тебя понял. Сейчас исправлять поломку не надо. Займешься этим, когда вернемся на орбиту. А ты, Патрон, тогда и посмотришь снимки.

— Хорошо, но вы хотя бы расскажите, что видите, — тоскливо попросил тот.

— Мы подлетаем к огромному острову, — сообщила Эйла. — Он представляет собой один гигантский город, не считая зоны растительности в центре. Ее мы выбрали местом посадки. Город почти полностью застроен циклопическими сооружениями, преимущественно прямоугольными. Несколько сотен метров в высоту. Их строители были настоящими гигантами или технически продвинутыми существами. Не могу с такой высоты определить материал — основу конструкций. Это точно не каменные изваяния, слишком уж ровно они стоят. Здесь не обошлось без металлических каркасов и сверхточных расчетов. В расположении строений прослеживается какая-то закономерность, но я не могу ее понять. Похоже, у обитавших здесь существ совершенно иные представления о пространственном восприятии, углах и плоскостях. Все эти башни... я их так называю за неимением другого слова, это не то, к чему мы привыкли у себя дома... отличаются друг от друга формой, высотой, цветом, и, тем не менее, похожи. Я просто не знаю, как тебе еще объяснить. Их нужно увидеть самому.

– Остров под нами, – сообщил Унол, – я начинаю снижение.

– Сверху кажется, что башни составляют некую гигантскую картину, их расположение не случайно. Нужно будет еще раз просмотреть снимки, сделанные с орбиты, возможно, там мы найдем какой-то символ. Не исключено, что расположение строений имеет религиозное значение.

– Или техническое, – добавил Кейш. – Мне эти, как ты, Эйла, их назвала “башни”, напоминают части огромного механизма. Это может быть город-электростанция или космический корабль, который не успел оторваться от поверхности из-за трагедии, которая здесь произошла.

– Плоскости сооружений вблизи не кажутся идеальными. Такое ощущение, что все они...

– Испещрены дырами или, лучше сказать, провалами, – перебил Эйлу Скулаб. – Если присмотреться, то постройки под нами состоят из перемычек, а внутри, скорее всего, полые. Большинство провалов сквозные, но кое-где их закрывает блестящее мембраноподобное вещество. Все вместе это напоминает гигантские скопления четырехугольных сот.

– Инсектоиды?! – выдохнул Абарак где-то на севере. – Ты, что, серьезно?

– Конечно, серьезно. Перед нами огромные, опустевшие ульи. Насекомые, построившие их, должны уметь летать, потому что иного способа добраться до верхних сот я не вижу.

Абарак не ответил, что было на него не похоже. “Наверное, он сам хочет увидеть города инсектоидов, чтобы продолжить дискуссию, – решил Патрон. – Я тоже не прочь на них посмотреть!” Скулабу нечего было добавить. В эфире наступила натянутая пауза, нарушаемая мерным гудением, доносившимся из кабин модулей.

Эйла первая нарушила молчание:

– Не знаю, правда это, или у меня уже рябит в глазах, но создается впечатление, что весь город поделен на четырехугольные области. В них разное количество сооружений, идеально вписывающихся в стандартный квадрат. Они под прямыми углами разделены проходными. Не достаточно широкими, чтобы посадить там модуль...

– Но для гонок на электрокарах они подходят идеально, – вставил Кейш.

– И все-таки мне не верится, что описанные вами сооружения способны возвести разумные насекомые. Единственный подобный вид, который знаком Вселенскому Содружеству, это ниньёры, но их

архитектурные творения качественно отличаются от сооружений внизу. Ниньёры строят подземные города. А редкие наземные здания уступают в размерах здешним монолитам в десятки раз.

— Тем не менее, остальные признаки цивилизации инсектоидов на месте. Тонкие стены и чрезвычайно близкое соседство сот говорят о коллективном сознании. По устройству ульев можно догадаться, что внутри этого вида есть деление на касты. Бескрылые рабочие снуют внизу по проходам. Крылатые насекомые живут в конгломератах сот. А под землей наверняка есть разветвленная сеть ходов и помещение, где обитает королева...

— Хотя я и не биолог, — отозвался Абарак, — но считаю, что эта самая королева с таким же успехом может жить в высокой башне. Я это к тому, что населявшие покинутые города существа уже доказали нам, что здравый смысл и законы, которые мы считали непреложными, к ним слабо применимы...

Скулаб начал что-то отвечать археологу, но опять раздался громкий голос Эйлы. Она уже не раз предотвращала перепалки между членами экипажа, за что Унол представил ее к награде.

— А может быть здесь развивалась изолированная колония ниньёр? Из-за особенностей климата и почвы они стали возводить наземные сооружения. Через тысячелетия форма их сот изменилась от шестиугольной до четырехугольной. У отдельных особей ниньёр, кстати, есть органы — от крыльев и сверхпрочных панцирей до конечностей — для плавания и рытья туннелей.

— Исключено! — хором ответили Скулаб и Абарак. Хотя в чем-то их мнения совпадали.

— У ниньёр уникальная комбинация индивидуального и коллективного сознания, — объяснил Эйле биолог. — Они бы не могли забыть о существовании колонии. Я еще понимаю, что можно потерять контакт с небольшим кораблем, но даже в одном этом городе было не меньше десяти миллионов особей. Это больше похоже на центральную планету вида, чем на удаленную колонию.

— Не спорьте! — отрезал капитан. — Скоро посадка, тогда вы и проверите все свои гипотезы.

— Да, не спорьте, — добавил Патрон, — лучше расскажите, что вы видите!

— Под нами проплывают последние гигантские башни, и мы летаем на большое открытое пространство не менее четырех километров в длину и километр в ширину. Здесь все утопает в зелени.

В центре большой водоем неправильной формы. Его окружают уродливые коричневые деревья с ветвями, похожими на щупальца. Да здесь целый лес! Есть только две подходящие площадки для посадки, лечу к ближайшей. Пока не заметно никаких признаков искусственной обработки этой зоны. Странно. Похоже, здесь не пытались ничего строить, оставили зеленый островок намеренно. Но зачем?

— Островок на островке, — пробормотал Кейш.

— Твоя реплика, Абарак, — еле сдерживая смех, заявил Скулаб, заговорив голосом своего друга. — Оплот растительности посреди города инсектоидов?! Должно быть, они поклонялись природе. Но этого было мало, и природа уничтожила разумных насекомых, а теперь превращает в прах их города!

Его пародия оказалась очень точной. Кейш сдавленно засмеялся, даже Патрон улыбнулся на своем посту. Однако Абарак оставил этот выпад без внимания:

— Патрон, — сказал он, — ты все еще хочешь увидеть руины на поверхности планеты?

— Хочу. Предлагаешь мне слетать к вам?

— Нет. Я достиг прибрежного города, сделал несколько фотографий и уже послал их тебе.

— Я твой должник! — радостно воскликнул Патрон и развернул снимки на экранах.

От картины, которая открылась перед ним, веяло тоской. Монументальные сооружения лежали сейчас среди водного простора. Некоторые можно было хорошо разглядеть под толщей воды. Потрескавшиеся стены, как и говорила Эйла, имели множество одинаковых отверстий. Патрон представил, как из них вылетает величественный рой разумных насекомых и проносится над просторами планеты. Но этого не случится уже никогда. Таинственные существа давно не живут в пустующих городах, а вся память о них исчезнет через каких-нибудь пять столетий. Абарак был в чем-то прав, когда сказал, что природа, будто нарочно, стирает следы разумных существ.

— Что-нибудь обнаружил на севере? — спросил Унол.

— То же, что и вы, а еще много воды, затопившей город. Посмотрю, что на другом краю руин, а потом продолжу поиски в глубине материка. После, по дуге, вернусь к вам.

— Абарак, не смей в одиночку высаживаться на поверхность! Мы имеем только приблизительное представление о тех формах жизни,

которые здесь обитают, — предупредил капитан. Потом, обращаясь к трем своим спутникам, добавил: — Состав воздуха за бортом не слишком сильно отличается от допустимой нормы, поэтому используем только воздушные фильтры.

— Это радует! Не придется таскать кислородные баллоны, — с облегчением проговорил Кейш.

— Садимся, — сказал капитан. Через динамики рубки управления было слышно, как затихает шум двигателей. — Но вместо баллонов берем полный комплект снаряжения, включая оружие. Оно на крайний случай. Повторяю, Кейш, на крайний!

— Когда вы уже забудете о том происшествии на Татуо? На меня неслось шипастое чудовище! Кто в моем положении стал бы вспоминать особенности местных травоядных? Любой из вас поступил бы, как я, если бы не потерял сознание... Скулаб, хватит улыбаться!

— Даже не думал...

Патрон различил звук закрывающейся камеры перехода, а потом шипение чужого воздуха, ворвавшегося в открытый люк.

— Декодераторы речи берем с собой, хотя при свидании с представителями неизвестного вида они бесполезны. Поэтому, в случае встречи с достаточно крупными и, предположительно, разумными существами, лучше не двигайтесь. Первый контакт находится в компетенции Эйлы. Постарайся показать здешним обитателям, что наши намерения дружественны.

— Слушаюсь, капитан!

— Но поиск разумных жителей планеты не является приоритетным. При первой посадке нам достаточно добраться до строений и взять образцы материала. И, по возможности, обнаружить информационные носители любого типа... И ни в коем случае не разделяйтесь... — Унол первым спустился по трапу.

Услышав удивленные возгласы друзей, Патрон прижался к динамике.

— Там что-то странное?

— Начнем с гравитации, — ответил Кейш, пыхтя. — Притяжение, в полтора раза сильнее нормального, ощущается при каждом движении. Еще раз спасибо, что кислородные баллоны остались в модуле.

— Здесь все странное, — добавила Эйла. — Взять хотя бы цвета. Краски этого мира слишком насыщенные. Я никогда не видела такого пронзительно голубого неба и такой изумрудной травы.

— А еще необыкновенный вкус воздуха, — добавил Кейш. — С ним ничего не может сделать даже система фильтрации.

— Опиши его...

Кейш на секунду задумался.

— Попробую сравнить этот запах с тем, что ты знаешь. Помнишь, как пахнут растения у нас дома?

— Да.

— Так вот, у них ничего общего!

Шутка Кейша всех повеселила. Патрон надулся и отодвинулся от динамика. Унол догадался о чувствах товарища:

— Не обижайся, Патрон. Кейш прав, запах действительно необыкновенный. Можно сказать, что воздух здесь терпкий, свежий, но с легкой горчинкой. Это будет чистой правдой, хотя все равно не передаст его аромат.

— Я не обиделся. Скорее, расстроился, что не пошел с вами.

— Возьмем тебя при следующей высадке, — пообещал Унол. — А мы сейчас двигаемся на восток. В этом направлении руины ближе всего.

— Рекомендую идти подальше от больших деревьев с коричневыми стволами, — в голосе Скулаба чувствовалась настороженность. — Я, как биолог, не поручусь, что они не хищные. Чем дольше я смотрю, как ветер шевелит траву, тем больше убеждаюсь, что деревья шевелятся сами. Взгляните на их ветви! Они будто созданы для того, чтобы хватать добычу, причем достаточно крупного размера. Такую, как мы.

— Поддерживаю. Пойдем по открытому пространству. Иногда под травой я чувствую что-то твердое, похоже, что камни. Скорее всего, здесь проходила сеть дорог. Абарак, можешь сказать для чего?

— На таком расстоянии, нет. Когда буду возвращаться, приземлюсь рядом с вами и посмотрю.

— Это у меня в глазах мельтешит или вы тоже видите черные точки? — взволнованно спросила Эйла.

— Я вижу, — заверил ее Кейш.

— И я, — отозвался Скулаб. — Черные точки похожи на насекомых. Маленькие, но очень подвижные.

— Подвижные — слабо сказано! При такой гравитации мы еле ползаем, а они летают с умопомрачительной скоростью. И это не единственный вид. Рядом со мной проносятся точки разных размеров. А вон еще, слева. Смотрите, смотрите! Два существа с большими белыми крыльями пролетели, закладывая немыслимые петли.

— Пока у меня нет достаточных оснований, но я предположу, что жизнь на “Зеро-Х...”, как его там, быстрее нашей во всех отношениях, — заявил Абарак. — Скулаб, ты поспоришь?

— На сей раз, нет. Я тоже вижу безумные полеты насекомых, которых не могу разглядеть. Они меняют направление за доли секунды. Их реакция бесподобна! Если представители одного звена пищевой цепочки планеты двигаются так быстро, то и другие виды не должны сильно уступать в скорости насекомым. А это...

— Пугает, — закончил за него капитан. — Но все же виденные нами насекомые не смогли бы построить окружающие нас башни при всем желании.

— Выродиться до таких размеров тоже невозможно, — добавил биолог.

— Не говорите ничего какое-то время, — попросила Эйла. — Прислушайтесь.

Затихшие голоса уступили место непонятному шелесту. Ветер волнами накатывал на листву уродливых деревьев, на кусты и траву. В нем слышалось угрожающее шипение, звучащее с перерывами. Будто кому-то огромному требовалось время, чтобы вдохнуть очередную порцию воздуха.

— Жутко, — сказал Кейш с облегчением оттого, что заглушил пугающие звуки. — Если в центре огромного города так пусто, то на планете точно нет разумной жизни. Хотя башни начинают действовать мне на нервы. От них невозможно спрятаться. Кажется, что из разоренных сот за нами кто-то наблюдает.

Его не стали разубеждать — не у одного Кейша возникло похожее чувство. Не по себе стало даже Патрону, который находился за десятки тысяч миль от покинутого города. Связист не выдержал и обернулся. За спиной никого не было. Как только он перевел дух, в покинутом городе инсектоидов неожиданно вскрикнула Эйла, а Скулаб со стоном произнес:

— Всемогущий Создатель!

В ту же секунду Патрон услышал крик Унола:

— Кейш, опусти лазер! Оно нам не угрожает!

— Такое чудовище уже само по себе угроза! — закричал тот в ответ.

— Не стреляй. Эйла попытается вступить с ним в контакт. Эйла?

— Я... я никогда не видела ничего подобного. Не представляю, как с ним говорить и может ли оно вообще разговаривать.

— Подождите, — вдруг раздался голос Скулаба. Было заметно, что он уже успокоился. — Оно стоит на постаменте. И не собирается на нас броситься, потому что это скульптура.

Унол с шумом выдохнул, а Кейш принялся ругаться приглушенным голосом.

— Вы так орал, что я чуть не потерял управление! — теперь уже кричал Абарак. — А все из-за какой-то статуи?! Так сложно отличить живое от неживого?

— Она до сих пор кажется мне живой, — ответила Эйла извиняющимся тоном. — Эй, Скулаб, ты куда?

— Хочу посмотреть на нее вблизи, — невозмутимо ответил ученый.

— Мне, конечно, не по себе, но я тоже пойду, — сказал Кейш.

— Мы не должны разделяться, поэтому вместе пойдем к статуе, — решил капитан. — Тем более, она не так уж далеко... Эйла, ты не против?

Эйла промолчала, и Патрон решил, что она пошла с остальными. Как всегда, она не хотела показывать, что ей страшно.

— Опишите мне, как выглядит статуя, — попросил Патрон.

— Предупреждаю, дружище, у тебя будут кошмары, — мрачно предсказал Кейш. — Если бы ее создал один из нас, его бы стали считать сумасшедшим.

— Жаль, что тебя здесь нет, Абарак, — сказал Скулаб, — ты бы оценил статую. Я имею в виду не ее мерзкий облик, а мастерство работы. Четко видны мельчайшие детали, включая те, назначение которых я, как биолог, не могу определить. Статуя отлита из красноватого металла и отлично сохранилась. Сделаю пару снимков, чтобы ты смог ужаснуться.

— Ты настоящий друг, — ответил археолог. — Когда мне будут сниться кошмары, я тебя обязательно вспомню.

— Ребята, мне не терпится узнать, что там на постаменте! — повторил Патрон.

— Некое животное. И это точно не инсектоид. Оно стоит на длинных и непропорционально тонких конечностях. Честно говоря, я сомневаюсь, что оно могло существовать в действительности. Его конечности не смогли бы выдержать массу тела при движении. С боков у него свешиваются непонятные отростки, возможно рудиментарные конечности. А выше начинается невообразимая мешанина форм, пре-

имущественно овальных. Я не вижу органов для манипуляции с предметами, для еды и зрения. Возможно, у этого создания их нет вообще или они непостижимо отличаются от наших. Пойдите... Я обошел статую, и у меня создалось впечатление, что перед нами два существа: одно забралось на другое. Тогда те отростки по бокам, не что иное, как конечности второго существа.

— Пожалуйста, пойдите отсюда! — взмолилась Эйла. — Я не хочу знать, зачем они сидят друг на друге. Уже темнеет. Не хочу блуждать в сумерках между башнями неизвестных существ. И рядом с этой статуей не останусь ни за что на свете!

На Патрона большее впечатление произвела вспышка Эйлы, чем рассказ Скулаба. Если Эйла вышла из себя, то тварь из неизвестного металла была и вправду ужасающей.

— Хорошо, — решил Унол, — продолжаем двигаться!

— Здесь на пьедестале какие-то символы! — пришел в восторг ученый. — Я все больше и больше склоняюсь к версии о религиозном характере этого места. А надпись, должно быть, заклинание вызова или часть ритуала по возданию почестей этому божеству.

— Не отставай, Скулаб.

— Я сделаю несколько снимков и догоню вас. Ну, надо же. Вот это планета! Невероятное количество исследовательского материала. Надо будет задержаться здесь подольше.

— После увиденного я сомневаюсь, что еще раз высажусь на ней, — сказала Эйла. — Если нам встретятся существа, похожие на монстра с постамента, мои знания будут неприменимы.

— Когда вернемся, — заявил Кейш, — я предложу образ увиденного нами чудовища для фильма ужасов. Уверен, на этом можно неплохо заработать. Кинокомпании вкладывают огромные деньги в дизайнеров и художников, чтобы те создавали им страшилищ для киноэкрана. Гораздо проще воспользоваться материалами экспедиции, вернувшейся с планеты, вроде этой. Выжившие путешественники могут до конца жизни зарабатывать воспоминаниями.

— Как же трудно вас догнать, — с придыханием пробормотал Скулаб. — Твоя идея, Кейш, неэтична, особенно если существа, построившие тот монумент, еще живы. Тебе бы понравилось, чтобы наших богов выставили кровожадными чудовищами?

— Мы почти дошли до подножья строений, — сообщил Унол. — Зеленою территорию огораживает какое-то подобие забора, на вид декоративного. Он построен из камня и металлических прутьев. Хорошо

заметно, как различается стиль строительства и материалы для него и серых башен. По-моему, зеленый остров — самая древняя часть города или он построен другими существами.

— Интересное предположение! Пожалуй, я соглашусь, что создание на постаменте не было инсектоидом и не в состоянии построить башни вокруг. Значит, здесь хозяйничали, как минимум, два различных вида.

— Не хочу прерывать ваши рассуждения, — разделся в эфире голос Абарак, — но я тоже кое-что нашел. Это, конечно, не статуя чудовища, но меня взволновало не меньше. Патрон, принимай снимки.

Изображения затопленного города на экранах сменились панорамой заросшего поля, за которым начинался дремучий лес. На открытом пространстве возвышалась огромная в виде перевернутого конуса раковина, превосходящая самые высокие сооружения покинутых городов. Ее серебристая поверхность зловеще поблескивала в лучах заходящего солнца. Раковина была погружена, а точнее сказать ввинчена, в землю, примерно, на треть. Ее поверхность состояла из сплошной выпуклой ленты, которая по спирали опоясывала расширяющийся кверху конус. Верхняя часть раковины напоминала перевернутое блюдце. Оно оцетинилось поблескивающими трубками и антеннами.

Сопоставив несколько снимков, Патрон понял, что чужеродный серебристый конус стоит неровно. От вертикального положения он отклонился не меньше, чем на двадцать градусов и готов был вот-вот рухнуть на бок.

Патрон, уже однажды видевший гигантскую раковину, прошептал:

— Не может быть.

— Что такое? — спросил капитан.

— Корабль гротоков, — ответил Абарак.

Эфир наполнился удивленными возгласами и самыми невероятными предположениями. Патрон тоже высказал пару догадок, но в общем гвалте его никто не услышал. Так продолжалось до тех пор, пока Унол не призвал команду к порядку.

— Есть еще одна вещь, которую вы должны знать, — продолжал Абарак. — По показаниям приборов, корабль принимает сигналы, которые я продолжаю передавать. Причем сейчас, когда я нахожусь рядом с творением гротоков, другие источники приема сигналов не регистрируются. Понимаете, что это значит?

— Хочешь сказать, что все это время наши сигналы принимал инопланетный корабль?

— Но это же невозможно! — вмешалась Эйла. — Сигналы принимаются уже много десятилетий подряд.

— Тем более, мы нашли множество руин по всей планете, — добавил Скулаб. — Такая развитая цивилизация должна достичь уровня приема и передачи радиосигналов.

— Насчет твоих соображений, Скулаб, ничего не могу сказать. Но корабль гротоков, который я вижу перед собой, отклонился очень заметно и скоро упадет. Не мне вам рассказывать, что у гротоков не мозги, а сверхточные компьютеры. Они не могли посадить корабль криво. Остается только один вариант: он стоит здесь слишком давно. Верхняя часть вся в грязи и пыли, несколько антенн сломано.

— А как же экипаж? — спросил Патрон. — Куда делись гротоки с корабля? Ведь они, как маленькие термоядерные реакторы, такие же долговечные и опасные. Разве может бесследно исчезнуть термоядерный реактор?

— Правильно мыслишь. Я облечу округу, может быть, найду следы пребывания гротоков. А вы, ребята, будьте осторожнее.

— Да, — вздохнул Кейш, — осторожность нам пригодится. Мы вступили в проход между первыми башнями. Здесь трудно пробираться. Хоть проходы даже слишком широкие, но завалены каким-то хламом: искореженные куски металла, обломки материала, похожего на камень... Вот черт! Тут не долго и ноги сломать! Все заросло — даже не видно, куда ступаешь. Растения оплетают нижние ярусы башен. В каждом ярусе несколько тысяч отверстий, сот...

Ветер теперь не шипел, как раньше, а завывал в темной пустоте.

— Эй, Скулаб! — крикнул Унол. — Мы же договорились держаться вместе.

— Я только хочу заглянуть в нижние соты башни. Как интересно! Внутри не отдельные ячейки, а сложная система проходов. Они разделены не цельными перемычками, а сложным сочетанием разных материалов, похожим на слоеный пирог. Наверное, чтобы лучше сохранять тепло. А вот и то мембраноподобное вещество, о котором я говорил. Похоже, оно закрывало все соты, но за многие годы высохло и вместо былой упругости приобрело необычайную твердость. Края осколков стали острыми. Возьму парочку на анализ.

— Там что-то двигается, в темноте! — закричала Эйла, всполошив всю команду.

— Где именно? — спросил оказавшийся рядом с ней Унол и осветил закоулки мощным фонарем.

— Там, куда ты светишь, его уже нет. Какое-то существо, небольшое, но гораздо крупнее насекомых. Двигается очень быстро. Больше всего меня напугало то, что оно чем-то похоже на ту статую. У существа были такие же странные конечности, правда, не очень длинные. Еще я успела разглядеть, что оно целиком покрыто шерстью.

— На насекомых это не похоже. Хотя у некоторых ниньёр есть шерсть.

— Я предлагаю не брать ниньёр в качестве образца инсектоидов, — сказал Скулаб. — Для них генетические модификации — обычное дело, так что они могут вырастить особь с любым набором характеристик. Хотя я затрудняюсь сказать, будет ли полученное существо относиться к их виду.

— Давайте оставим общие разговоры для более подходящего места, — раздался голос Кейша. — В проходе между башнями я нашел лаз под землю. Его отверстие идеально круглое, на ощупь — металл, покрытый ржавчиной. Сейчас посмотрим, что внизу.

Раздалось шуршание и постукивание камней, сменившееся громкими всплесками.

— Судя по звуку, вода в нескольких метрах под нами, а затопленный проход довольно глубокий. Да, в свете фонарика видны склизкие стены и поверхность воды. Она мутная, поэтому ничего разглядеть нельзя. Хорошо, что эти отверстия слишком маленькие для нас, и никому в голову не придет проверить, кто может водиться в здешних подземельях.

— Смотрю я на это отверстие и думаю, что мы прошли около восьми таких штук, включая три в парке. Только предыдущие были намертво закупорены, — заметил Скулаб. — Это продолжает вписываться в теорию о насекомых. Они рождаются и зреют в водной среде, а потом выбираются на поверхность. Или перед нами симбиоз нескольких подвидов, сообща идеально приспособленных к среде.

— А для чего служило вон то приземистое строение? — спросил Унол. — Я всегда считал, что их возводят для защиты от непогоды, перепадов температуры, чтобы создать определенный микроклимат. Но у этого строения почти полностью отсутствуют стены. Есть огромные отверстия между угловыми колоннами с остатками той субстанции, о которой ты говорил, Скулаб.

— Может быть, здесь бушевала война? — предположила Эйла. — Это бы объяснило и разрушения, и исчезновение живых существ, и дыры в стенах зданий.

— Посмотри вокруг, Эйла, — ответил Скулаб. — Неужели ты думаешь, что отверстия в окружающих нас башнях — результат применения оружия?! Я готов поручиться, что расстояние между сотами каждый раз идеально соблюдено. Война стерла бы города подчистую, или они хотя бы должны быть серьезно повреждены. А мы видели только результат действия природных сил и времени. Что до сооружения перед нами, здесь вполне мог быть инкубатор. Подумайте сами: относительно открытый участок города, в определенные часы его освещает солнце и помогает личинкам развиваться.

Наступила длинная пауза. Все уже как будто было сказано, и Патрон слышал пугающее завывание ветра, о котором говорил Кейш. Связист уже не мог молчать и слушать голос ветра чужой планеты, поэтому спросил первое, что пришло в голову:

— А вы не думали, что населяющие планету существа мирно ее покинули в поиске других миров?

Пауза, наступившая после вопроса, длилась дольше, чем предыдущая. Патрон успел испугаться, что с его друзьями что-то произошло, а он не услышал ни звука.

— Вы живы?

— Живы, живы! — Патрон успокоился, услышав голос Скулаба. — Я думал, как ответить на твой вопрос. Как правило, планеты не покидают беспричинно. Обычно снаряжают колониальные корабли, когда начинается перенаселение, или из-за прогнозируемого катаклизма, или появляется незанятая планета с лучшими условиями для жизни. Но при этом на планете-колыбели продолжается жизнь. Посмотри на снимки с орбиты и поверхности: здесь есть сотни огромных городов, которые в лучшие времена наверняка были связаны сетью дорог и туннелей. Разумные существа не стали бы бросать такую развитую инфраструктуру по доброй воле. Значит, они были вынуждены это сделать...

— Эй, Кейш, ты заметил что-то? — взволнованно спросил Унол.

— Пока нет.

— Тогда зачем ты достал оружие?

— Ты же слышал Скулаба: "Они были вынуждены покинуть родную планету". Ты можешь написать на меня рапорт или посадить под домашний арест, когда мы вернемся на корабль, но я не опущу пистолет, пока не окажусь в летящем на орбиту модуле.

Унол промолчал. Патрон знал, что их капитан не любит без необходимости пользоваться властью. Тем более Кейша можно было

понять: на покинутой планете весь экипаж "Поиска" чувствовал себя неуютней с каждой секундой.

Масла в огонь подлил испуганно заговоривший Скулаб:

— Я только что кого-то видел! В одной из сот на четвертом ярусе что-то мелькнуло.

— Что именно? — встревожился Кейш.

— Не могу сказать точно, — замялся ученый. — Я видел движение. Нечто стремительно скрылось в темноте. Оно было достаточно крупных размеров, не меньше нас с вами.

— Капитан, я предлагаю немедленно покинуть это место. У меня со времени высадки ощущение, что за нами наблюдают. Теперь Скулаб подтвердил мои опасения, — за нами следят существа, которые не желают вступать в контакт. Так себя ведут неразумные, но агрессивные формы жизни.

— Позвольте, — возразил тот, — я не говорил, что за нами следят. Даже не сказал, что видел какое-то существо. Я всего лишь заметил движение. Как биолог хочу заметить, что существа нашего размера чисто физически не могут двигаться с такой скоростью. По-моему, это была оптическая иллюзия, вызванная тем, что я резко повернулся. А что касается хищников наших размеров, даже если они водятся здесь, то никогда они не нападут на группу незнакомых существ. Им нужно время, чтобы изучить повадки жертв, а мы, кроме того, что можем дать отпор, скоро улетим.

— Смотрите! — закричала Эйла. — Наконец-то я нашла какие-то символы. На стене башни между первым и вторым ярусом. Там соты изменяют свое местоположение и располагаются уже с большими интервалами.

— Ты думаешь это символы?

— Определенно. Они слишком четко проступают на металлической пластине над входом в улей и не могут быть бессвязным набором изображений. Тем более пластина висит здесь явно не случайно. По беглому осмотру я не могу отнести эти символы ни к одному из известных мне языков. Утверждаю только, что эта система символов не имеет ничего общего с культурой ниньёр. Насколько я понимаю, отдельные символы разделены незначительными промежутками и объединяются в горизонтальные линии. Явно преобладают прямые и закругленные формы, образующие замкнутые фигуры. Они комбинируются во всевозможных вариантах, а некоторые хитросплетения

повторяются. Мы впервые встречаем надписи на чужом языке, хотя прошли мимо восьми ульев и тысяч сот. Здесь находится что-то важное, нужно зайти внутрь и осмотреться.

— Эйла, ты куда?! — зашипел Кейш. — За нами следят от самого модуля. Нужно убираться отсюда, пока не поздно.

— Мы прилетели сюда, чтобы собрать информацию и найти образцы для исследования. Вход перед нами отмечен знаками строителей. Я уверена, что внутри можно найти ответ на вопрос, что случилось с хозяевами планеты. Вы согласны, капитан?

Даже за тысячи миль Патрон почувствовал ехидный оттенок ее голоса. Когда Кейш был близок к тому, чтобы удариться в панику, в Эйле проснулся бесстрашный исследователь.

— Я согласен с тобой, Эйла, — ответил Унол. — Но прав и Кейш, нам действительно лучше на время покинуть планету и вернуться более подготовленными. После того, как ты осмотришь соты под пластиной с надписями, мы будем возвращаться.

— Подожди, Эйла, я тоже зайду внутрь, — сказал Скулаб.

— А мы с тобой, Кейш, будем стоять снаружи, перед входом, — скомандовал капитан.

Патрон решил, что Кейш выполнил распоряжение, но не перестал полушипеть или полуспеть. В этом наборе звуков иногда проскальзывали вполне различные ругательства.

— Похоже, я нашел следы пребывания гротоков на планете, — сказал давно не появляющийся в эфире Абарак. — Только предупреждаю, Патрон, то, что находится на снимках, может тебе не понравиться.

Связиста испугала серьезность в голосе Абарака. Пока фотографии передавались на главный компьютер корабля, Патрон успел вообразить картины страшной расправы над инопланетянами. Однако на экранах он увидел нечто другое.

Среди густого леса, состоящего из однотипных конических деревьев темно-зеленого цвета, лежало заболоченное озеро. Бросалась в глаза его идеально круглая форма. Но, кроме формы озера, Патрон не нашел на снимках ничего странного, если не считать полосы поваленных деревьев, которая окружала водоем. Их почти не удавалось различить под молодой растительностью, хотя внешний круг свободного от деревьев участка леса был отчетливо виден. Но на снимках не было испускающих синее свечение чистой энергии огромных сколопендр, на которых походили гротоки.

Пока Патрон недоумевал, где Абарак увидел следы присутствия гротоков, тот заговорил снова:

— Вот еще снимки. Это не может быть случайностью, — с экипажем брошенного корабля произошло что-то ужасное.

На экране снова появился инопланетный лес, окружающий открытое трясиной озеро. Поначалу Патрон подумал, что Абарак ошибся и послал ему не те снимки. Озеро на них тоже имело необычайно ровные края, но напоминало заполненный водой контур восьмерки. Ее обрамляла еще одна восьмерка — из поваленных и заросших мхом деревьев. Прикинув их размеры и сопоставив с шириной первого озера, Патрон пришел к выводу, что оно имело в диаметре около пятисот метров. Второе же озеро в самом широком месте достигало не меньше мили. Усилия, которые нужно было приложить, чтобы создать искусственные озера такого размера, вызвали восхищение.

— Ну, что там? — с тревогой спросил Унол. — Не молчите.

— Абарак прислал снимки огромных искусственных озер. Не понимаю, какой смысл создавать их в центре леса. Воистину, мотивы населявших планету существ кардинально отличаются от наших. Но, тем не менее, следов гротоков я не вижу.

— Ты что, не понял?! — взревел археолог. — Приглядишься к берегам озер. Ты разве не видишь, что деревья повалены по кругу, в противоположную от центра озера сторону? Не прошло и часа, как ты спрашивал о том, куда могли исчезнуть маленькие термоядерные реакторы. Как ты можешь видеть, гротоки не исчезли, а взорвались! Прошли годы, и природа создала озера из воронок от взрывов.

— Насколько я знаю, гротоки не взрываются, когда их жизнь подходит к концу. Их энергия полностью иссякает, а оболочка превращается в прах. Вот, например, уииилы, те в конце жизни, наоборот, не могут контролировать температуру и давление, разрывающие их тела. Уход из жизни уииилов сопровождается поистине колоссальным взрывом.

— В одном ты прав, — терпеливо объяснил Абарак, — гротоки действительно умирают очень мирно, если их смерть естественная, а не насильственная.

— Хочешь сказать, что их кто-то...?

Договорить Патрону не дал властный голос капитана:

— Все слышали Абарака? Немедленно возвращаемся к модулю кратчайшим путем!

— Унол, дай нам еще минуту! — взмолилась Эйла. — Мы обнаружили помещение, где все стены покрыты символами. А еще мы нашли необычные носители информации. Они похожи на многослойные пластины, испещренные миллионами символов! Только эти штуки очень хрупкие — превращаются в прах при малейшем прикосновении. Как только мы найдем хотя бы один целый образец, тут же уйдем.

— Какие, к черту, носители информации?! — заорал Кейш. — Нам угрожает опасность! Нужно убираться отсюда.

— Мы же исследователи, — вступился за Эйлу Скулаб. — Добыть информацию о таинственных обитателях планеты — наш долг.

Все заговорили одновременно, а точнее сказать, загалдели. Унол пытался убедить Эйлу и Скулаба бросить поиски носителей информации, насколько ценными они бы ни были. Кейш вопил, что это ловушка и нужно спасаться. Абарак втолковывал, как трудно убить или хотя бы ранить гротока. Эти здоровые по отдельности реплики сливались в нечленораздельный гомон.

Спокойствие сохранял только Патрон. Но это лишь внешне. На самом же деле, не имея возможности помочь команде, он сидел, как на иголках. И чувствовал, что если сейчас же чем-нибудь себя не займет, то свихнется. И Патрон поступил так, как делал уже десятки раз — потопал в соседний отсек, где стоял небольшой холодильник с едой.

Громкость ругани в рубке не стала тише, а, наоборот, усилилась. Патрон не винил товарищей за вспыльчивость, ведь он никогда не испытывал на своей шкуре все прелести суровой разведывательной экспедиции. Хотя он не мог знать, как поведет себя в экстремальных условиях, но предполагал, что первым нервы сдадут как раз у него, поэтому и предпочитал участвовать в приключениях с помощью бортовой электроники.

“На моей памяти — это самая непредсказуемая экспедиция из тех, в которых доводилось принимать участие нашей команде, — размышлял Патрон, роясь в холодильнике. — Ну, ладно мы прилетели на сигнал корабля гротоков, но они-то как здесь оказались? Ведь Абарак утверждает, что других сильных устройств передачи сигнала на этой планете нет. Может быть, гротоки застали здесь таинственных хозяев покинутых ульев? Надеюсь, те не имеют отношения к гибели наших союзников...”

У вернувшегося в рубку Патрона не было ответов на эти вопросы, зато у него была шнага. Она представляла собой необычный фрукт,

родом с затерянных в глубине космоса планет. Состоящий из влаги больше чем на девяносто девять процентов он самым натуральным образом растекался при любом касании, повреждавшем зеленую кожу. Единственным способом съесть шнагу было высосать богатый витаминами сок, пока он не залил все вокруг. И пусть ученые говорили, что нервные клетки не восстанавливаются, Патрон знал, что его организм приравнивал одну шнагу к неделе безмятежного отдыха.

Общий гам начал стихать. Патрон решил, что Унол восстановил порядок, и отряд возвращается к модулю. Связист приготовился аккуратно прокусить шкурку плода, но сделать этого не успел.

Раздался грохот, по сравнению с которым для Патрона померкли все слышанные раньше раскаты грома. Застигнутый врасплох и оглушенный он дернулся, и шнага полетела на пол. Время остановилось, и Патрон отчетливо увидел, как плод ударяется об пол и лопается, будто наполненный водой воздушный шарик. В голове была только мысль, что прибираться в рубке придется самому. Но это лишь на мгновение.

Обычное течение времени восстановилось, и к первому взрыву (если это был он) добавились еще несколько. Перед тем, как Патрон инстинктивно вывернул регулятор громкости, он, кажется, услышал, как злым свистом огрызнулись лазеры, а Кейш закричал:

– Акустическое оружие!

Когда в ушах перестали шуметь отзвуки взрывов, Патрон попытался различить доносившиеся с планеты звуки. Он знал, что там кипит бой, но, кроме еще нескольких приглушенных раскатов, ничего не слышал. Потом тишину нарушил не то писк, не то вой. Разобрать, что это, на ослабленной громкости было невозможно.

Патрон оказался в самой паршивой ситуации, которую только можно вообразить, — в ситуации неизвестности. Как говорил один из его соотечественников — ветеранов экспедиций на неизученные планеты, чье имя всегда вылетало у связиста из головы: “Когда ты знаешь, сколько голов у существа, которое может поджидать тебя в темноте, становится немного легче”. Но Патрону легче не становилось, потому что он не знал, кто и почему напал на его друзей. Не знал, почему разумные существа (ведь только они могли пользоваться акустическим оружием!) применили его против разведывательной экспедиции.

Выждав минуту, Патрон вернул громкость динамиков на прежний уровень.

Фоновый шум, звучавший почти без перерывов, оказался истошным визгом. Визжала Эйла, перекрывая все звуки в радиоэфире.

— Эйла, Эйла, ты меня слышишь? — закричал Патрон. — Что происходит? Что с тобой?!

Похоже, что Эйла не слышала надрывающегося связиста, продолжая пронзительно визжать. Когда она остановилась, чтобы сделать вдох, раздался еще один голос:

— Патрон! — кричал Унол, — отключи Эйлу от общей частоты. Патрон...

Патрон не успел ответить, а капитан не смог договорить, потому что Эйла зашлась истошным криком. Боясь даже думать, что может заставить так кричать мужественную переводчицу, Патрон выполнил приказ капитана. Крики Эйлы не смолкли, но стали гораздо тише. Они доносились издалека, искаженные отражением от десятков поверхностей, точно Эйла кричала из глубины гигантского улья...

— Молодец, что отключил ее, — хрипло проговорил Унол. — Я пойду за Эйлой, а ты, Кейш, помоги Скулабу добраться до модуля. Идите, мы вас догоним.

— Он без сознания, — услышал Патрон дрожащий голос Кейша. — А Эйлу они утащили. Эти существа появились так быстро... Они... они...

— Кейш?

— ...напали без предупреждения... без всякой причины. Ранили Скулаба... он может не выжить.

Послышался звук хлесткого удара. По тому, насколько он был громким, Патрон решил, что удар пришелся по микрофону.

— Техник Кейш, — проговорил Унол ледяным тоном. — Я приказываю вам подняться и доставить раненого Скулаба на борт разведмодуля. Вы все поняли?

— Да, Унол... прости, — промямлил Кейш. — Когда ударили выстрелы, Скулаб упал, а Эйлу куда-то потащили эти твари, я... испугался. Но теперь я в норме. Я донесу Скулаба до модуля.

— Хорошо, Кейш, — смягчился Унол. — Действуй.

Раздался звук торопливых шагов под аккомпанемент хруста усеивающей землю затвердевшей мембраны. Потом каждый шаг начало сопровождать раскатистое эхо, и Патрон понял, что их бесстрашный командир углубился в улей. Эйлу уже не было слышно, и это рождало нехорошие предчувствия. Когда издалека раздавались крики, была хотя бы уверенность, что она жива. Патрон знал, что и Унол это понимает, поэтому решил не лезть со своими мрачными подозрениями.

— Ребята, — робко начал Абарак, стараясь не мешать, — я развернулся и уже лечу к вам на максимальной скорости. Предположительное время подлета к острову — двадцать минут.

— Понял тебя, Абарак, — ответил Унол. — Лети к нашему модулю и кружи над местом посадки. Надеюсь, это отпугнет враждебных существ и даст нам время взлететь.

— Может, расскажешь, что у вас произошло. Мне нужно знать, с кем мы имеем дело.

— Да, что случилось со Скулабом? — решил спросить Патрон.

Вместо ответа в эфире раздавались звуки возни — это Кейш пытался привести в чувства Скулаба, а когда понял, что у него ничего не получится, а от походной аптечки мало толку, потащил раненого товарища. Звуков, выдававших действия Унола, было и того меньше: стук шагов сменился хлюпаньем воды, а потом затихло и оно. Пугающую тишину разрезал свист лазера, а по удовлетворенному голосу капитана стало понятно, что лазер разрезал не только тишину:

— Я убил одного. Хоть они и быстрые, но не совсем непобедимые. Абарак, я не могу с вами разговаривать. Мне нужно быть, как можно тише, чтобы найти Эйлу. Я спустился под землю в какие-то полуза-топленные ходы, она должна быть где-то здесь. Выйду на связь, когда найду ее. Кейш, расскажи им, что произошло.

После того, как Унол замолчал, Кейш даже не думал начинать рассказ. Он продолжал пытеть где-то между покинутых ульев, тащил раненого.

— Это... слишком... тяжело, — прохрипел он после большой паузы. — Я брошу все снаряжение, кроме оружия. Иначе не дотащу Скулаба.

Раздались звуки падающих предметов.

— Я иду сам и тащу Скулаба, фактически, передвигаю свой утроенный вес. А Скулаб продолжает истекать кровью. Мне нужно быстрее доставить его к модулю, а я не могу быстрее! Будь проклята эта планета, будь прокляты эти жуткие твари, будь проклят сигнал, из-за которого мы сюда прилетели!

Звуки выстрелов из лазерного пистолета слились в длинную очередь. Было слышно, как с треском разрываются камни, шипит оплавленное железо.

— Что случилось?! Ты кого-то заметил? — всполошился Патрон.

— Нет, — ответил Кейш, — хочу удостовериться, что нас не подстерегают на дороге к модулю.

Еще одна очередь смертоносных лучей пронзила темноту сот. Раздался приглушенный писк, перешедший в предсмертный хрип.

— Слышали?! — возбужденно закричал Кейш. — Они следили за ними с самого момента посадки. Нужно быстрее выбираться отсюда.

Зашуршали камешки — это Кейш снова потащил раненного к выходу из жуткого улья. Теперь каждое слово давалось ему с трудом:

— Они напали... внезапно. Из-за адского грохота нельзя было понять, откуда стреляют. Похоже, мы никого не ранили... но они несколько раз попали в Скулаба. Потом какая-то сеть опутала Эйлу. Ее потащили внутрь улья. Я лишь мельком видел одного из атакующих. Жуткая тварь. Ни на что не похожая. Но они используют акустическое оружие, значит должны быть разумными.

— Заметь, что они атаквали вас без причины и, скорее всего, это они уничтожили экспедицию гротоков. Разумные существа не должны так себя вести.

— Я уже не уверен, что это вообще существа, — кряхтя, произнес Кейш. — Возможно, это роботы. Какая-то система защиты. Они могут защищать улей, жители которого давно мертвы.

Патрон больше не стал отвлекать техника, напряженное дыхание которого слышал. Он понимал, какво тащить на себе почти неподъемного умирающего друга, в любой момент ожидая нападения непредсказуемых тварей.

Снова ожил лазер, сделавший всего один выстрел:

— Снова проверяешь, нет ли засады? — спросил Абарак.

— Это не я. Унол, — устало пояснил Кейш.

— Я только что вспомнил, как мы отпугивали хищников на Татуо. Исследовали строение животных и использовали звуковые волны разной длины, которые им сложно выносить. Сейчас на исследование нет времени, поэтому я собираюсь использовать все возможные типы звуковых частот, кроме непереносимых для нас. Все равно это будет, мягко говоря, неприятно. Так что, Унол, Кейш, потерпите. Раз уж на наших модулях не установлено оружие, то это единственный способ помочь вам. Вы сами не уверены, что это роботы, так что стоит попробовать...

Ни Унол, ни Кейш Абараку не ответили. Патрон вскочил и начал кружить по рубке. Обходя кресла и терминалы управления, которые при максимальном уровне автоматизации полета становились чуть ли не декоративными, он думал о тысяче вещей. О роботах, о системах

защиты, о том, влияет ли наличие разума на степень агрессивности существ, и о том, как проще убрать шнагу, растекшуюся большой лужей на полу. Короче говоря, Патрон волновался так сильно, что не мог сосредоточиться на чем-то одном. Да и сосредоточиваться ему было не на чем, потому что, находясь на орбите, Патрон не мог помочь друзьям.

Он бы еще долго ходил и смотрел на радар, где точка модуля Абарак словно издевалась и почти не двигалась в сторону команды Унола, если бы не услышал в эфире новый звук. Приглушенные всхлипывания, раздававшиеся, как будто из глубокого колодца.

— Наверное, это Эйла, — сказал Патрон шепотом, чтобы не мешать Унолу. И только потом, понял, что высказал очевидную вещь.

Прижавшись к динамику, Патрон стал жадно ловить новые звуки. Он с трудом мог разобрать крадущиеся шаги капитана и легкие всплески. Вот они прекратились, и теперь стало слышно шум двигателей модуля Абарак. И сопение выбивающегося из сил Кейша.

Неожиданно засвистел лазер, которому ответила канонада громовых разрядов. Оглушенный Патрон отпрянул от динамиков и растянулся на полу. Пока он поднимался, стрелявшие обменялись еще несколькими очередями, а потом все затихло. Патрону показалось, что последними он слышал выстрелы лазера, вернее, он хотел так думать.

Раздался шум хлюпающей воды, а затем хриплый голос Унола:

— Эйла, ты не ранена? Тебя не задело выстрелами?

Добравшись до панели, Патрон снова подключил микрофон Эйлы к общей частоте.

— Эйла, я очень рад, что ты жива, — сказал Абарак. — Эти существа не сделали с тобой ничего плохого?

Она не отвечала. Патрон еще раз проверил приборы — система связи должна была работать.

— Что-то не в порядке с микрофоном Эйлы? — спросил он у капитана.

— Нет, не в порядке сама Эйла, у нее шок, — озабоченно ответил Унол. — У нас в аптечках есть только успокоительное общего действия. Не знаю, стоит ли его давать. И у Скулаба не спросишь...

— Хуже ей точно не будет, — заметил Абарак. — Эйла, конечно, станет вялой, но зато послушной — сможешь вывести ее на поверхность.

— Не бойся, Эйла, я тебя не обижу, — голос Унола зазвучал необычайно мягко, а потом раздался щелчок инъектора. — А сейчас нам нужно уходить, давай я помогу тебя подняться. Сможешь идти сама?

Хотя Патрон не мог видеть, что происходило за тысячи миль от него, он был уверен, что Эйла кивнула.

— Держись позади меня, как можно ближе, и постарайся не шуметь.

Снова стал слышен плеск, но теперь звук был интенсивнее. Унол и Эйла двигались так быстро, как только могли.

В этот момент хриплое дыхание Кейша превратилось в кашель:

— Я больше не могу, — простонал он.

— Кейш, где ты находишься? Как Скулаб? — шепотом спросил капитан.

— Я вышел из города. Мы недалеко от места посадки, на острове растительности. А Скулаб потерял много крови. Ему попали в грудь. Не могу сказать, задеты ли важные органы и какие у него шансы.

— Понял тебя, — помрачнел Унол. — Мы почти выбрались из подземных переходов. Поможем тебе доставить Скулаба на борт.

— А ведь я же говорил ему, что нужно убираться с этой планеты, — продолжал Кейш срывающимся голосом. — Что же ты не послушал меня, старый дурак?

Он хотел сказать, что-то еще, но запнулся на полуслове. Потом вскрикнул и начал лихорадочно кричать в микрофон:

— На нас напала ТА САМАЯ тварь с постамента! Там их действительно две: одна сидит на другой. Скулаб был прав! На нас напала та, что наверху, они могут передвигаться самостоятельно. Он был прав! Получается, что нижняя тварь в два раза крупнее. Если мы и таких встретим, у нас нет шансов.

Кейш активизировал лазерный пистолет, превратив его в резак:

— А может это у них не будет шансов, потому что я разрежу всех тварей. Вот так! И еще одной лапы, как не бывало, — приговаривал техник.

— Ты что там делаешь? — заволновался Абарак.

— Режу чертову статую на куски!

— Знаешь, Кейш, я бы не советовал этого делать. Вдруг ты разозлишь этих тварей. А для вас сейчас главное выбраться с планеты, сохранить жизнь Скулабу.

— Да, да, ты прав. Уже иду, только отрежу еще одну лапу. Все! И так будет с каждым, кто еще хоть раз приблизится к нам.

Остальная команда услышала пыхтение, это Кейш приподнял раненного ученого и потащил к виднеющемуся за уродливыми дере-

вями космолету. Вспышка гнева придала ему сил. Он забыл, что несколько минут назад рухнул на землю с неподъемной ношей.

— Мы уже на поверхности. Почти добрались до зоны растительности, — сообщил Унол, экономя дыхание. — Но дело плохо. Эти существа вылезают из сот повсюду и из-под земли. Они больше не таятся...

В подтверждение его слов грянуло несколько залпов из акустического оружия. Так и не сказавшая ни слова Эйла завизжала. Раздались глухие удары, будто гигантским молотом попробовали на прочность один из ульев, звонко застучали камни по металлу, а в довершении всего что-то взорвалось.

— Вы целы?! — воскликнул Патрон, сжавшийся в кресле первого пилота.

— Да, — ответил Унол. По их с Эйлой хриплому дыханию связист понял, что они бегут изо всех сил. Иногда в ответ на уже непрекращающийся грохот еле слышным свистом отвечал лазер. — Мы рядом с модулем. Я вижу тебя, Кейш.

— Я тоже вас вижу, но за вами гонится стая тварей! Они бегут гораздо быстрее. Вы не успеете!

Кейш тоже начал стрелять в приближающегося врага.

— Их слишком много! — закричал Кейш.

Его голос почти поглотил утробный механический рев. “Что за новая напасть?!” — успел подумать Патрон, перед тем как разобрал слова Абарака:

— Вам тоже может стать плохо, но другого выхода нет!

Патрон понял, что археолог успел вовремя. Раздалось едва различимое гудение, которое воспринималось всем телом. От него начала кружиться голова, захотелось потянуться, изменить положение тела, но удобное положение найти было невозможно. Приходилось вертеться на месте, пока телесный дискомфорт не превращался в невыносимую муку. Патрон раньше читал о таких симптомах, но не думал, что когда-нибудь испытает это на себе.

Как только заработала включенная Абаракон низкочастотная установка, ей ответил душераздирающий рев. Патрона передернуло — он представил существ, которые могли так рычать. Дружный вой стаи распался на отдельные истошные крики, в которых окончательно потонули все остальные звуки.

Где-то далеко раздавались неразборчивые голоса Унола и Кейша. Продолжали свистеть лазеры, а иногда раздаваться громовые раска-

ты и взрывы. Эта какофония продолжалась несколько минут, а потом раздалось шипение открывающегося люка. К этому времени Патрон уже не столько переживал за друзей, сколько за себя: Низкочастотный шум стал раздражать все органы чувств: дико стали чесаться глаза и барабанные перепонки. Во рту появился привкус металла, а слюнные железы вообще перестали работать. Абарак без сомнения покопался в настойках, чтобы добиться такого эффекта. И вот уже Патрон сам стал орать не своим голосом, как злобный монстр с "Зеро-Х793":

— Абарак, выключи свою долбанную установку! Выключи ее!

Заработал двигатель взлетающего модуля, и только тогда к общему облегчению Абарак отключил низкочастотный генератор.

— Ну, вот и все, — вздохнул Унол. — Похоже, мы спаслись. Спасибо, Абарак, ты появился вовремя.

— Всегда, пожалуйста. Я не думал, что низкочастотные колебания окажут такое влияние на нас, так что...

— Оно в переходной камере! — вдруг не своим голосом закричал Кейш. — И рвется в трюм. Нет, оно уже здесь, оно в трюме!

Раздалось нечленораздельное бормотание, на которое Эйла ответила пронзительным визгом, а Кейш выстрелом из лазера.

За звуком плавящихся перегородок незамедлительно последовал вой аварийной sireны и усиление тряски модуля при экстренном взлете:

— Не стреляй, Кейш, ты всех нас убьешь! Если ты повредишь модуль, то мы не сможем ни приземлиться, ни вылететь в космос, — орал Унол, пытаясь перекричать вой sireны.

Патрон не знал, услышал ли Кейш командира, но лазером тот больше не пользовался.

— Оно подбирается к Скулабу! Эта тварь хочет его добить! — вопил Кейш. — Не трогай моего друга!

В ответ на слова техника раздался громовой раскат. К облегчению Патрона за ним последовал не предсмертный крик Кейша, а звук удара и уханье неведомого существа. Аварийная sireна как будто завывала громче.

— Я не отдам тебе Скулаба. Подыхай, подыхай. Подыхай! — хрипел Кейш.

Сначала слышались звуки ударов, они приходились по чему-то мясистому и сопровождались пронзительными воплями. Но когда под напором обезумевшего техника начали хрустеть кости, инопланетное существо перешло на булькающий хрип. А Кейш все бил и бил...

На пол трюма упало что-то металлическое. Всхлипывала забившаяся в угол Эйла. Воздух продолжала сотрясать воющая сирена. За бортом свистел рассекаемый модулем воздух.

— Нужно быстрее закрыть люк, иначе мы не пройдем атмосферу, — сказал Унол, но ответа не последовало. — Кейш, ты меня слышишь? Ты живой? Кейш?!

Патрону не спалось. Казалось, события минувшего дня должны были вымотать его, а доза снотворного довершить дело, но сон не приходил. Патрон честно пытался считать снаги, а потом ворочался, стараясь улечься поудобнее. Но получилось, как с низкочастотными колебаниями, — он еще больше измучился. А, убедившись, что не сможет уснуть, выбрался из каюты.

Гулять по бесконечным отсекам спящего корабля — занятие, которое не надоедает никогда, как наблюдение за пламенем свечи. Только в свете произошедших событий оно потеряло былую привлекательность. Теперь в каждом неосвещенном углу чудились злобные, невыносимо уродливые инопланетяне, как тот, труп которого лежал в одной из лабораторий. А привычная тишина стала пугающей.

Патрон отправился на мостик, чтобы проверить, кто еще из команды не спит. Не то, что у них было принято коротать там ночные часы, просто через главный компьютер можно было отследить местоположение личных жетонов и их владельцев. Оказалось, что на корабле почти все бодрствуют. Эйла и Скулаб были в медицинском отсеке, но туда Патрону не хотелось идти. Скулаб так и не очнулся, а сидеть рядом с лежащим без сознания товарищем — удовольствие сомнительное. Эйла, ставшая на время медсестрой, так и не пришла в себя после пережитого. Она справлялась со своими обязанностями, но совсем перестала улыбаться и ходила, погруженная в невеселые воспоминания.

Остальные члены команды “Поиска-112” собрались в лаборатории. Туда-то и отправился Патрон. Он поймал себя на том, что движется по родному кораблю быстрее обычного и выбирает не самый кратчайший, а хорошо освещенный маршрут. Еще Патрона так и подмывало взять из хранилища лазерный пистолет. Разумеется, на орбите исследователи были в безопасности, но связист оправдывал свой страх тем, что раз тому страшилищу хватило умения пролезть в трюм взлетающего модуля, то его сородичей не стоит окончательно сбрасывать со счетов.

Ввалившись в лабораторный отсек, Патрон понял, что не он один проявляет повышенную осторожность. Перед Кейшом на прозрачном столике хищно блеснул боевой лазер, с практически неисчерпаемым боезапасом. Не чета пистолетам, которыми команда отбивалась от нападения несколько часов назад. Сам Кейш забрался в громадное кресло с пультами управления, встроенными в подлокотники. Он отлично понял причину вопросительного взгляда Патрона:

— Это на всякий случай. Вдруг та штука, — Кейш кивнул в сторону закрытого облегающей материей тупа, — обладает способностью к регенерации. Или может размножаться делением после собственной смерти. Кто их знает...

— Вообще-то ношение оружия на исследовательском корабле не поощряется... — осторожно начал Унол.

— Капитан, недавние события нанесли серьезный удар по моей психике. Я ношу с собой пистолет для успокоения, чтобы иметь возможность качественно выполнять свои обязанности. При этом мое состояние не позволяет полностью нести ответственность за свои поступки. Но оно не настолько неадекватное, чтобы меня нужно было разоружить силой и посадить под домашний арест.

Кейш говорил это настолько ехидно, что Патрон был уверен: стоит Унолу отвернуться, как тот покажет ему какой-нибудь неприличный жест. Вот капитан хмыкнул и отвернулся, но Кейш все-таки сдержался.

— Почему здесь так воняет? — спросил Патрон, поморщившись. На витавшее в лаборатории зловоние он обратил внимание сразу же после лазерного пистолета техника.

— Вытяжка работает на полную мощность, но этого явно не достаточно, — отозвался Кейш. — Эти твари могут использовать свой запах наравне с акустическим оружием. Я предлагал освежить воздух, но Абарак...

— Но Абарак, — перебил его сам археолог, — считает, что последствия реакции, в которую может вступить запах инопланетянина и его тело с тем, что мы считаем освежителем воздуха, непредсказуемы. Если вам, девочки, не по душе эта вонь, поиграйте пока в другом месте.

— Полегче. Мне просто было любопытно. А почему бы не заморозить тело, чтобы оно сохранилось до нашего возвращения и его запахом могли насладиться еще тысячи существ?

— Мы так и сделаем, — смягчился Абарак. — После того, как я проведу поверхностный осмотр тупа. Пошлем запись осмотра домой,

чтобы там морально подготовились к встрече с инопланетянином. После заморозки тела я лично залью этот отсек освежителем и объявлю карантин на два месяца.

Открылся люк, появилась Эйла и отчаянно закашлялась еще на пороге.

— Дать что-нибудь попить? — участливо спросил Унол.

— Нет, я в порядке, — Эйла помялась у входа, но потом все же прошла вглубь помещения, косясь на источник запаха.

— Как там Скулаб? Он пришел в себя? — Кейш повернулся в сторону вошедшей вместе с креслом.

— Состояние нормальное, насколько это вообще возможно после случившегося. Жизненно важные органы на задеты, но он потерял много крови и у него болевой шок. Ресурсов, которыми мы располагаем, достаточно, чтобы он поправился к возвращению на базу. Я не стала приводить его в сознание с помощью препаратов — в этом нет необходимости. Когда организм Скулаба восстановит силы, он сам очнется.

— Хотя бы здесь хорошие новости, — кивнул Унол.

— Есть еще кое-что, — Эйла подняла повыше стеклянную капсулу с еле заметными металлическими горошинами. При движении они радостно зазвенели о стены своей прозрачной тюрьмы.

— Это что?

— Кусочки металла, которые я извлекла из Скулаба. Теперь у меня нет сомнений: в него стреляли не из акустического оружия. Я подняла соответствующие справочники — этот тип оружия гораздо проще. Небольшой взрыв разгоняет металлический патрон по направляющей трубе или стволу.

— Так вот что мы слышали! — сказал связист.

— Скорее всего, — согласился Абарак, выхвативший капсулу у Эйлы. — У этого оружия сравнительно невысокая поражающая способность и радиус действия. Я бы сказал, что оно примитивное.

— Но оттого не менее эффективное, — хмыкнул Кейш.

Ему-то и бросил находку Эйлы Абарак, а сам направился к лабораторному столу.

— Все оказалось несколько проще, чем мы думали. Тем не менее, наличие даже такого оружия уже позволяет относить его создателей к разумным существам, что не вяжется с их беспрецедентной агрессией. Кейш, включи камеру, я, пожалуй, начну, а то от этого мерзкого запаха голова начинает кружиться даже у меня.

— Эйла, сейчас Абарак будет проводить осмотр тела инопланетянина. Я думаю, тебе лучше уйти, — обратился к ней Унол.

— Нет, я останусь, — хоть и не твердо, но все же произнесла она. — Уж лучше я встречу со своими страхами сейчас, чем буду постоянно нуждаться в сопровождении до каюты.

— В любом случае решать тебе, — кивнул капитан.

— Стало быть, я начинаю, — сказал Абарак и начал осмотр. — Видеофайл номер 27 восьмой экспедиции исследовательского корабля "Поиск-112". Осмотр тела существа, по косвенным признакам разумного, обитателя планеты "Зеро-Х793". Осмотр проводит доктор Абарак Рат.

Он выдержал паузу, а потом убрал ткань. Патрон отметил, как вздрогнула Эйла, а Кейш будто случайно придвинулся к столику с лазером.

— Пометка. После того как инопланетянин был доставлен в лабораторный отсек, с его тела были удалены фрагменты одежды, чтобы облегчить обследование. Для получения информации по ним обратитесь к соответствующему файлу. Что касается тела... — на этот раз пауза была произвольной, потому что Абарак не знал, с чего начать, — оно имеет в длину менее двух метров. Один метр восемьдесят три сантиметра, если быть точным. Весит восемьдесят один килограмм. Как вы видите, оно имеет очень мало общего с нашим строением или с физиологией любых ранее изученных видов. За неимением терминов для его общего описания я опущу эту часть процедуры. Начнем с конечностей... назовем их нижними: они непропорционально длинные и тонкие по отношению к телу. Кроме того, изучаемое существо передвигается на двух этих конечностях без помощи других частей тела и вспомогательных приспособлений. Причем они развивают скорость, многократно превышающую нашу, при этом прекрасно сохраняют равновесие и имеют потрясающую подвижность. Это говорит о наличии несравненного вестибулярного аппарата.

Абарак прервался и со слабо скрываемой брезгливостью потрогал инопланетянина за нижнюю конечность:

— Нижние конечности венчают небольшие платформы, заканчивающиеся пятью отростками разной длины. Начинает сказываться трупное окоченение, так что нельзя с уверенностью сказать, насколько они подвижны, но, бесспорно, повышают общую устойчивость существа. Сами платформы имеют очень маленький диапазон движения, ограниченный костями. Так они расплачиваются за повышенную

устойчивость. Сделаю предположение, что, передвигаясь на такой скорости и имея хрупкий скелет, с такими непрактичными суставами, — эти существа должны часто ломать кости. Кроме того, их конечности сгибаются в середине под углом около ста восьмидесяти градусов в одну сторону, и почти не двигаются по другим осям.

Абарак перестал манипулировать с трупом инопланетянина и на несколько секунд отвернулся, чтобы вдохнуть пусть не свежего, но не так дурно пахнущего воздуха, и продолжил осмотр.

— Конечности соединяются с овальным туловищем, которое заметно короче их. Туловище небольшое, мускулистое. Под тонкой кожей можно различить большое количество костей, которые подобно кокону, защищают внутренние органы. Здесь я оговорюсь, что это только мое предположение, обоснованные выводы можно делать лишь после вскрытия. У существ имеются еще две конечности, которые составляют пару, и располагаются зеркально по бокам туловища. Пойдите-ка, — ученый стал с азартом трогать существо за все конечности по очереди. Кейш с таким интересом следил за его действиями, что невольно подался вперед и чуть не выпал из кресла.

— Да, я так и думал! — объявил Абарак. — У нашего инопланетного гостя устройство нижних и верхних конечностей ничем не отличается. Разве что у верхних отростки длиннее и имеют больше суставов, но тоже не очень подвижных. Знаете, о чем это говорит?!

— Что оно может стрелять из четырех примитивных пистолетов сразу? — заволновался Кейш.

— Да нет же! Это значит, что сравнительно недавно, в эволюционном смысле, конечно, они бегали на четырех лапах и жили в норах, ну, или в пещерах, — я не знаю, чему отдают предпочтение эти существа.

— По крайней мере, это объясняет, почему они такие агрессивные, — подытожил Унол. — Причина в том, что они практически не разумны. Но наличие у них оружия такого уровня не вписывается в эту картину.

— Я думаю, что здесь все просто. Те существа, которые возвели на этой планете города, по каким-то причинам покинули ее. Здесь уместны все варианты, вплоть до вируса, поражающего только один вид. В итоге этот вид, представители которого не так давно пытались вас убить, стал доминирующим в отдельной климатической зоне или на всей планете. Прошлые ее обитатели наверняка подавляли этих существ, замедляя естественное развитие. Теперь же они стали хозяевами положения и

получили доступ к технологиям своих предшественников. Наверняка, воспользоваться смогли только самыми примитивными, но даже это дало свои результаты. Так можно объяснить, как животная жестокость сочетается с использованием продвинутых приспособлений.

— Отличная теория, — похвалил Патрон. — А как ты ду...

Абарак сделал останавливающий жест.

— Мне нужно закончить отчет. Все вопросы потом, — он снова вдохнул побольше воздуха и приблизился к труп. — У тела инопланетянина есть еще одна... нет, скорее всего, это не конечность, а овальный отросток. Он располагается над остальным телом, имеет небольшой диапазон вращения и состоит из почти цельной кости. Скорее всего, она полая и внутри содержится какой-нибудь жизненно важный орган. Хотя такое расположение, даже в костяном панцире, делает его крайне уязвимым. Это доказал наш смелый техник Кейш, который нанес повреждения инопланетянину именно в этой области, что привело к смерти последнего.

Патрон, несмотря на неподходящую обстановку, от волнения зверски проголодался. Он уже давно заметил портативный контейнер с едой, стоящий на незанятом образцами столе, но забраться в него решил только сейчас. Не глядя, он запустил в него свои щупальца, не сводя букета глаз на коротких и подвижных стебельках с Абарака. Удача улыбнулась Патрону, в контейнере он нашел переспелую шнагу. От обычной она отличалась тем, что ее жидкость сильно загустела, превратившись в подобие геля. Патрон сразу же впился в нее своими пищевыми присосками, испустив стон удовольствия.

— Как ты можешь есть притакой вонючий? — брезгливо спросила Эйла. — Я даже не говорю про соседство с мертвым чудовищем.

Патрон почавкал в ответ. Свои отвратительные манеры он оправдывал тем, что фрукт был непередаваемо вкусным, слишком вкусным, чтобы прерываться на разговоры, даже с Эйлой.

— Что касается органов зрения, — продолжал Абарак, — я нашел два глаза, глубоко посаженных на овальном отростке и имеющих очень небольшой обзор. А органы питания... здесь я не вижу ничего привычного или хотя бы знакомого. На вскидку могу предположить, что для питания эти существа используют отростки, которые находятся у них между нижними конечностями. Только я не могу понять, как они работают...

Абарак стал трогать щупальцами отростки, которые, предположительно, должны были служить инопланетянам для питания.

— Как же это функционирует? — бормотал он. — А это-то здесь для чего?!

— Все, ребята, я больше не могу! — выпалила Эйла. — Я уже доказала себе, что не боюсь, но мне просто противно тут находиться. Пойду посмотрю, не очнулся ли Скулаб. Пока эта штука не отправится в морозильник, я в лабораторный отсек больше ни ногой!

С трудом развернувшись на небольших когтистых лапах, Эйла двинулась к выходу. Вслед ей раздались нестройные прощания. Доедающий снагу Патрон опять промычал непонятное. За Эйлой волочился чешуйчатый хвост, оставлявший на полу дорожку прозрачной слизи. Она оборвалась, когда дверь неправильной формы восьмиугольного люка встала на место.

— А все-таки хвост у нее что надо! — с восхищением сказал Абарак, оторвавшийся от трупа.

— Да, отличный хвост! — согласился Кейш, а Патрон захихикал, выражая, как он считал, солидарность. Переспелые снаги снимали стресс весьма экстравагантным способом — небольшой концентрацией наркотических веществ, которые появлялись в забродившем соке фрукта.

— А у этого существа, кстати, хвоста нет, — прокомментировал Абарак, приподняв тело. — Нет даже намека на него. А я был уверен, что при таком способе передвижения он необходим, как противовес и руль. Осмотр закончен. Не хочу делать предположений, основанных на моих личных догадках, ведь я ученый, а не фантаст. С вашего позволения, капитан, я замораживаю тело инопланетянина.

— Приступай, — согласился Унол.

— Пстой! — с трудом выбрался из кресла Кейш. — А ты уверен, что эта штука не будет регенерироваться при отрицательной температуре? Может она только и ждет, чтобы мы засунули ее в морозильную камеру? Не пройдет и нескольких часов, как она вылезет наружу и будет охотиться за нами по всему кораблю!

— Ты смотришь слишком много псевдонаучных фильмов, — вздохнул Абарак. — Мы, конечно, мало знаем об этом виде, но то, о чем говоришь ты, — явный перебор! Если вдруг я ошибаюсь, то готов быть съеденным инопланетянином в первую очередь. Я тебя успокоил?

— Ага, — бодро ответил Кейш и сам активизировал механизм заморозки.

Стол, на котором лежало зловонное тело пришельца, пришел в движение. Медленно проплыл между Абаракком с Кейшем и скрылся

в узкой камере за герметичной дверью, из-за которой потянуло ледяным холодом.

— До свидания, инопланетное чудовище, — помахал ему лазерным пистолетом Кейш, — не скучай там.

Абарак ухмыльнулся и обработал все пучки своих щупалец дезинфицирующей жидкостью. А потом попытался закрыть ими ту часть глаз, которые смотрели назад и в стороны. Эти манипуляции позабавили расслабившегося Патрона, развалившегося на одном из лабораторных столов. Унол с минуту понаблюдал за манипуляциями друга, а потом осторожно спросил:

— Чем это ты занимаешься, а? Я начинаю беспокоиться, не надыхался ли ты испарениями инопланетянина...

— Нет, я себя хорошо чувствую. Пытался понять, каково это — видеть пространство только впереди себя. То же самое, что быть наполовину слепым. Пришлось бы вертеться, чтобы увидеть происходящее за спиной. Но тогда мертвой зоной стало бы направление, в которое смотрел только что. Это делает очень пугливым, а, как вы знаете, агрессия — обратная сторона страха.

— Занятная теория, — искренне заинтересовался капитан. — Когда вернемся, обязательно напиши об этом статью. Что-то вроде "Влияние физиологии на уровень агрессии..."

— ...Жутких чудовищ планеты "Зеро-X793"! — выпалил Кейш.

— Спасибо, Кейш, так и назову, — пообещал Абарак. — Только эта планета уже не "Зеро". Мы установили, что на ней есть формы жизни, причем достаточно агрессивные. Как только точно определят степень опасности, планета получит соответствующее название. Готов поспорить, что ей присвоят ранг "Сумер".

— А я думаю, что ты смягчаешь ситуацию. Нас там могли убить. Ранение Скулаба — бесспорное тому доказательство. Так что не ниже "Норта". Патрон, передай мне шнагу, только почти синию — не хочу, чтобы меня разморило так же, как тебя, — добавил капитан, подходя к начавшему дремать технику.

Тот не сразу понял, чего от него хотят, а потом посмеялся над собой и почти сразу отключился.

— Унол, есть еще одна вещь, о которой тебе стоит знать, — сказал Абарак, и его щупальца поползли по склизким сенсорам пульта управления. — Когда я летел к вам на помощь, то продолжал делать снимки. На одном из них оказалась дорога, ведущая к городу-острову, а еще вот это...

Абарак вывел снимок на экран над пультом. Добротно сделанная, можно сказать на века, дорога была почти в хорошем состоянии, не считая разнообразного мусора. Дорога плавно переходила в мост, который не выдержал испытание временем: где-то на середине согнулся под собственным весом и ушел под воду. "...Как конечность инопланетянина", — подумал Унол, подходя к пульту так, чтобы не наступить на хвост ученого.

— И что же на этом снимке особенного? — спросил Унол.

— Вот здесь, над дорогой, — показал щупальцем Абарак. Он имел в виду выцветший прямоугольник, в лучшие времена зеленой окраски, который, покосившись, висел на проржавевшей арке.

— Здесь надпись на языке строителей этих городов, — пояснил Абарак.

— И что это нам дает?

— Дело в том, что Эйла все-таки успела положить в рюкзак несколько носителей информации, которые нашла до нападения. В кутерье после возвращения на корабль было некогда об этом поговорить. Я изучил найденные образцы: из пяти уцелело только два. Еще один пришел в негодность после работы с ним. Ты не представляешь насколько они хрупкие! Их нельзя подвергать практически никаким воздействиям — от этого они разваливаются на мелкие кусочки. Пришлось поместить последний образец в вакуум и предоставить компьютеру изучение. Анализ был недавно закончен. Оказалось, что нам несказанно повезло. Эйла вынесла из покинутого города что-то вроде учебника языка инопланетян! Там не только многотысячный перечень слов, но и иллюстрации к ним, произношение...

— Короче говоря... — протянул Унол, подводя Абарака к сути.

— Теперь, после сопоставления этих элементов между собой и с нашим языком, у нас есть программа-переводчик. Мы можем читать тексты на их языке! — восторженно объявил Абарак. — Я уже не говорю о том, что мы близки к использованию этих данных для декодера речи. При встрече мы можем понять представителей этого вида инсектоидов...

— Правда, на "Зеро-Х793" таких существ давно нет, и куда они исчезли, мы не знаем, — погрустнул Абарак. — К тому же текстами инопланетян для перевода на наш язык мы тоже не располагаем. Сомневаюсь, что кто-то из нас рискнет еще раз высадиться на Зеро. Так что эта надпись — единственный материал, которым мы располагаем для

перевода. В переводе на наш язык здесь написано: “Добро пожаловать в ...”, а дальше идет слово, которое не имеет аналогов в нашем языке. Я решил, что это название города, где вам довелось побывать.

— Хорошо, — придвинулся к экрану Унол, — значит, мы с командой высаживались в Нуи..., в Н-у-и-о...

— Нет, здесь нужно смягчить произношение. И, вообще, это название состоит из частей, — подсказал Абарак.

Кейш не смог усидеть на месте и резво притопал к активному терминалу, в возбуждении растопырив щупальца, напоминающие несколько десятков разозленных змей.

— Дайте и мне прочитайте! — выпалил он, втискиваясь между Абарак и Унолом. — Добро пожаловать в Нуер или в Нуеорг...

— Я же говорю, что здесь нужно смягчить! — рассерженно ткнул щупальцем в монитор Абарак. — Это читается, как “Нью”. Нет, скорее, “Нью”.

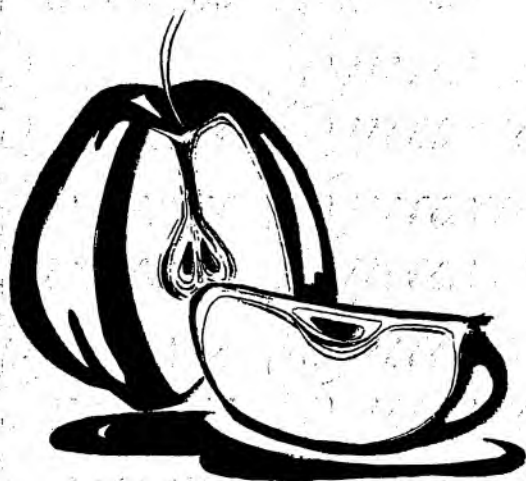
— Ладно. Нью-Еорг. Или нет? Н-ь-ю. Е-о-р-к. Нью-Йорк.

— Добро пожаловать в Нью-Йорк, — по слогам произнес Унол не подходящие для его речевого аппарата звуки. — Хотелось бы мне посмотреть на этот город в его лучшие дни. Встретиться с его обитателями. Мы могли бы многому у них научиться, как и они у нас... Но мы застали только разоренные полуразрушенные города, заселенные злобными созданиями. Хотел бы я знать, что здесь все-таки произошло несколько столетий назад. Что случилось со всей этой планетой и жителями величественного города инсектоидов — Нью-Йорка?

— Может быть, мы узнаем это, когда сюда прилетит большая научная экспедиция, организованная на основе наших отчетов. Они будут подготовлены и к встрече с враждебными формами жизни, и к работе с хрупкими носителями информации. Уверен, рано или поздно мы узнаем, какое несчастье постигло эту планету, и извлечем урок, чтобы такое не повторилось ни на одной из наших.

— Ты прав, Абарак. Но это будет потом, а сейчас нам пора лететь домой, на Каланэ, — сказал Унол и впился фиолетовыми пищевыми присосками в сочную шнагу.

Стихи

Большинство авторов этого раздела уже известны читателям, как авторы рассказов и повестей. Поэтому здесь сообщаются сведения лишь о тех поэтах, которые не встречаются в прозаической части сборника.

Дарья Барасёнова

ЧУДОВИЩЕ

Чудовище в моем стенном шкафу
Сидит и очень громко дышит,
Оно меня на самом деле слышит,
Чудовище в моем стенном шкафу.

Ведет себя обычно осторожно.
Бывает, к двери тихо подхожу,
Спрошу: «Сидишь?», ответит мне: «Сижу, —
И шепотом добавит: — Выйти можно?»

Оно всегда тайком следит за мной
И думает, когда не ожидаю,
Конечно же, ужасно напугает,
Внезапно взвизгнуп за моей спиной.

Бывает, как обидится, и вот
Бежит в другую комнату, рыдая,
От этого я целый день страдаю,
Оно же — ест на кухне бутерброд.

Потом надоедает обижаться —
Вернется, погундит чуть-чуть уныло,
Я знаю, что оно меня простило,
И что вот-вот ползет обниматься...

Чудовище мое такое чудо!
Наивно, преданно, ужасно мило...
Ты полно нежности и страшной силы,
И знай: тебя всегда любить я буду!

Рояль был стар, а скрипка молодая
Имела голос, что звенел в ушах,
И старого артиста в пух и прах
Ругала, все по-своему играя.

Рояль терпел, солистка заливалась.
Он вел покорно аккомпанемент,
То медля, то ловя за ней момент,
А скрипка пела. Ну, как ей казалось.

Рояль припомнил музыкантов — лучших
Солистов разномастных струнных школ,
Потом захлопнул крышку и ушел.
Играла скрипка, но никто не слушал...

ДЕТИ

Мы дети, курящие за сараем.
Над нами тлеют и гаснут звезды.
Ночь. Уже поздно.
Что будет, если поймают, прекрасно знаем.
Но никто не застучает нас
И не заподозрит,
Что мы тут играем во взрослых.

А когда мы пойдем назад,
По траве шурша сапогами
На голых ногах,
То похороним окурки в мусорной яме,
Сделаем вид, что все это время спали.
И никто никогда уже не узнает,
Что из папиной пачки
Две сигареты пропали.

НА НОЧЬ

Пусть тебе приснится лето,
Перебор гитарных струн.
Ты так весел, ты так юн!
Пусть тебе приснятся море
И далекие пески, —
Ни печали, ни тоски...

Пусть тебе приснятся горы
В белоснежных колпаках,
Облака в твоих руках.

Пусть тебе приснятся звезды,
Как гирлянды огоньки, —
Ни печали, ни тоски...

Пусть тебе приснится небо
С желто-сырною луной,
И как будто ты со мной.

Пусть тебе приснятся грозы,
По асфальту ручейки, —
Ни печали, ни тоски...

СЛОН

Тучный слон пролетал в небесах,
Заслонив на секунду Луну.
Крикнул он: «Сколько там на часах?
Не пора ль отправляться ко сну?»

Но никто не ответил ему,
Даже стаи кукующих птиц.
Эти в кронах незнамо кому
Слали взгляд из-под темных ресниц.

Тихий вздох упорхнул в темноту,
Вслед за ним слон исчез навсегда.
Кто-то молча стоял на мосту,
Проплывали внизу города.

ВАМПИР

Ко мне постучался вампир,
Не ночью, не вечером — утром.
Он был дружелюбен как будто
И чаю немного попил.

Прощенья за ранний визит
Просил очень долго и кротко,
Своей лунатичной походкой
Он сильно меня поразил.

Неловко сидел за столом,
Внимательно слушал рассказы,
Потом отвечал, но не сразу,
Почти что всегда не о том.

Он съел очень много конфет:
Наверное, с детского сада
Бедняга не ел шоколада.
Ну точно уж несколько лет.

А что говорил о себе?
На море хотел бы поехать,
Да только одна есть помеха —
Болезненный солнечный свет.

Рассказывал: «Видел во сне
Старинный таинственный город.
Казалось, когда я был молод,
Бывал в той далекой стране...»

Уж полдень стоял за окном,
Когда на пороге, прощаясь,

Сказал он: «Домой возвращаюсь —
В горах трансильванских мой дом!»

И вышел в подъезд. Как всегда,
Там пахло тушеной капустой.
А мне стало грустно и пусто:
Он вряд ли вернется сюда...

НЕВАДА

В тысячный раз и в последний
Город окину взглядом
И заведу машину.
Шири пустынь и прерий
Передо мною лягут,
А на сиденье рядом
Будет моя собака.

Долго нам надо ехать,
Чтоб наконец добраться
До пыльного этого штата,
Невада.

Может, какие-то люди
В закусочной у дороги
Спросят:
— А ты откуда?
— С восточного побережья.
— А, это там, где недавно...
— Да, оттуда.
Но говорить не буду
Всей правды, совру немного.
Никто меня не осудит.

Будем мы ехать, ехать,
Чтобы скорее добраться
До тихого этого штата,
Невада.

Если гроза по дороге
Нас внезапно застанет,
Укрою собаку пледом,
Скажу ей:
— Ты так не бойся,
Это всего лишь капли,
Ветер да пара разрядов.
Грозы не так опасны.
Сбавим немного скорость,
Чтоб доползти хоть как-то
До штата с пустыней Мохаве,
Невада.

Несколько дней дороги
И перед нами скалы
Цвета того печенья,
Что мама давала.
Это было недавно,
Но будто прошло лет двести.
Вдали уже показались
Сены домов, ограды.
Знаю, почти на месте.
Успеем ли до заката?
— За мною, моя собака!

Похоже, что здесь.
Знакомая дверь
С отставшей местами краской.
Тихонько стучу.
Только бы были дома.
Дышать тяжело.
Солнце ушло на Запад.
На горизонте
Осталась краснеть полоска.
Слышу шаги,
Дверь открывает робко
Тетка.

Долго в тепле гостиной
Буду сидеть и плакать,
Уткнувшись в ворот халата.
— Милая тетя Салли,
Нет больше Джейн и брата,
Дом разнесло на щепки.
Все, кто теперь остались, —
Я и собака.

ДОМ У МОРЯ

Смотришь на волны седые..
Помнишь, какой, какой он,
Воздуха, света полон,
Дом наш у самого моря?

Строили вместе, сами,
На берегу песчаном,
Там, где сидели ночами
У синего-синего моря.

Брали мы что придется:
Доски и бревна таскали,
Кучи ненужного хлама,
Что находили у моря...

Плохо у нас получилось —
В дом заползали крабы,
В кухне вода стояла:
К нам подступало море.

Мы не умели слушать —
Строить-то и подавно.
Дом наш уплыл недавно
В море, огромное море.

Составитель об авторе

Она — из вольнослушателей.
Если можно называть «слушанием»
телефонные разговоры и письма. Писем
за полтора десятка лет накопилось
столько, что я сумел сочинить по ним
роман о нелегкой жизни девочки Женьки,
влюбленной в корабль. А еще мы
однажды выпустили в Екатеринбург
крошечную книжку Надежных стихов —
о парусах, маяках и мальчишках,
которые хотят стать капитанами.
Надежда Мицукова живет в
Подмосковье, недалеко от города
Дедовска.

— Чем ты сейчас занимаешься? —
спрашиваю по телефону. Она
усмехается:

— Садоводством и огородничеством... —
Не любит говорить о себе. О стихах —
другое дело...

— А еще воспитываю кошек. Вы же
знаете, как я их люблю...

Надежда Мицукова

Четыре лапки
Свисают с полки,
Четыре лапки
И длинный хвост.
Они уже знают:
У елки — иголки, а мандарины
Противны до слез.
Они уже ели
Яйцо в майонезе
И вязаной мыши
Отгрызли ухо!
Зима будет очень холодной
(По слухам),
И теплой,
Дадут отопление если...
А после — капель
И прозрачные лужи,
И ветер шальной
Залетает в двери,
И пахнет нарциссами,
И, отужинав, можно во сне
В Бога поверить
И превратиться, шутя,
В человека
Или в птицу какую летучую...
...Обожаю кошек,
И вам советую:
Кошки — они
В миллион раз
Нас лучше!..

Все чаще мои холодеют руки,
Все реже теплеют твои глаза...
Осталось полдня до конца разлуки,
А мне еще нечего рассказать.

И сердце мое – словно лед туманный,
Не бьется, не светит и не горит,
А только болит, только ноет странно,
И холодно, как январский гранит.

Как оказалось легко и просто
Дышать и молчать – все впустую, зря!
И заколдованный перекресток
Не отпускает меня от себя.

И мне теперь только и остается
Молить о том, кто в ночи не спит,
Встречает рождающиеся звезды
И с ангелами говорит.

Ты все же ушел, молчалив и светел,
И на прощание не дал руки...
Мечта в петлице, попутный ветер
И просьба: не умри от тоски.

Босолапый синий вечер
Приютился на крылечке,
Опадающей листвою
И газетами шурша...
Молча затопила печку,
Обняла меня за плечи
И шепнула: «Мы с тобою
Ожидаем малыша...»

Мир так мал и необъятен!
Только бы не испугать –
Твоего святого платья
Краешек поцеловать...

Улыбаешься спросонок —
Под щитом горячих рук
Так таинственен и звонок
Сердца крошечного стук!

Синий вечер тих и светел,
Дождик с нами заодно...
Сам Господь сейчас приметил
Наше ждущее окно.

Не подходи, не трогай
Меня и мою беду.
Печалей на свете много,
Но я лишь твою украду.

Поселю ее в пыльные ходики,
Что молчат со вчерашнего дня,
И опять карандашная готика
Будет врать тебе за меня

Про родные леса,
Тихие голоса,
Поцелуи на утренней зорьке...
Не грусти и поверь —
В жизни много потерь,
Только я — не самая горькая.

Ты однажды проснешься — вокруг тишина,
Только солнце кипит на ресницах.
И поймешь, что не я, а другая она —
Твоя радость и Синяя птица.

Будут петь небеса
И смеяться глаза,
И звенеть ее «Да!» в ответ.

И пусть вас никогда
Не коснется беда.
Счастья тебе, мой свет!

На чужих островах
Не растет лебеда,
И о ней ничего там не слышали.
У меня ж та трава,
Непонятно когда,
Все же вымахала вровень с крышами.

Я не плачу — молчу,
Мне беда по плечу.
Только месяц кривится насмешливо.
Милый хмурится, пьет
Вот уже почти год.
Говорит, что не будет по-прежнему.

Я молчу — не кричу,
Ключ от двери прячу,
Только первый этаж — наказание...
Я беде говорю:
Тебя перехитрю,
Ты, беда-лебеда, лишь название.

Первый снег упадет,
А за ним Новый год
Постучит в дверь еловой лапой.
Мне совет сердцем дан,
Я пойду на обман —
Скажу милому: «Станешь папой».

На чужих островах
Не растет лебеда,
И на нашем ее мы повывели.

Первый снег в октябре,
Детский плач на заре.
С милым спорю я из-за имени.

ПРО МАМУ

Останься с ней наедине
И вечер станет не похож на вечер...
И лягут в тишине тебе на плечи
Ее ладони, так давно не снившиеся мне...

На одной ладошке солнце,
На другой — луна.
Мне сегодня улыбнется
Девушка одна.

Будут в косы заплетаться
Звезды-бубенцы,
Станут сказки разлетаться
В разные концы.

Буду в птичьем перезвоне
До утра не спать,
Молча легкие ладони
Милой целовать.

Осталось на ладошке
Пятно от тех чернил,
Которыми Бог кошку
Земную сочинил:

Придумывал с любовью
Пушистую красу,

Перинку в изголовье
И в блюде колбасу,

И солнце на паркете,
На лапах и боках,
И шорохи в газете,
И мышку «в облаках»,

И бабушку с вязаньем,
И два цветных клубка,
А также — в назидание —
Соседского щенка,

Мгновенья из столетий
И шарик голубой,
И все что есть на свете,
И даже нас с тобой!

По заросшим тропинкам рая
Бродит странное существо —
Нос оглоблей и шея кривая
И, похоже, немое оно.

На ходу пьет кефир из кружки
И кусает засохший пирог.
И ни друга у него, ни подружки,
И забыл про него сам Бог.

Вот идет, и слезинки льются
Из огромных сиреневых глаз...
Оно верит, что друзья найдутся,
И придумывает оно нас.

Мы — веселые и добродушные
В понимании существа,

И песни поем нескучные,
И умеем колоть дрова,

И огонь разжигать в камине,
И молиться в ночи у свечи,
И нашедшейся своей половине
Иногда поэмы строчим.

Мы рождаемся на планете
Под названием простым и ласковым,
И покуда живут в нас дети,
Наши души кормятся сказками —

Теми самыми, что сочиняет
Неулыбчивое существо...
Будьте лучше, люди! Оно рыдает,
Когда мы огорчаем его.
А сам Бог по дорогам звездным
Собирает нас день за днем
И, наверно, еще не поздно
Помолиться Ему о нем.

Меня зовут Оксана Попова, а псевдоним, которым я подписываю свои стихи, — Молоко (надеюсь ничего, что я так себя называю?).

Учусь на первом курсе Института гуманитарных наук ТюмГУ.

Пишу около пяти лет. Черпаю вдохновение из свежего воздуха...

Оксана Молоко

КОНДУКТОР

Автобус — утро, автобус — вечер.
Автобус уехал до следующей встречи.
Снова по кругу, тот же маршрут,
Снова со скукой в тот же путь.
Уставший кондуктор опять с остановкой
вдохнет про себя: «Ох, вновь эти пробки...»
Пройдется в салоне, посмотрит вокруг,
Вернется на место — замкнутый круг...
Кондуктор печален. Усталость в глазах.
Небрежность в одежде. Билеты в руках.
Билеты простые, билеты с удачей...
Кому попадется счастливый в раздаче?
А люди сидят и от скуки считают...
Авось попадется! Такое бывает.
И ждут они счастья в этот же день!
А может и правда... «Кондуктора тень»
и снова билет... опять пассажир...
Этот автобус — кондуктора мир.
Кому попадется счастливый билет?
На кого упадет ослепляющий свет?
А люди ведь верят. Цифры считают.
А внимание на это они обращают?
...Я мысль нашла среди разных идей,
Что кондуктор вершит судьбы людей.

ПЕЧАЛЬНО МОЛЧАЛИ...

Печально молчали...
Смотря в никуда.
А птицы кричали, взлетая над нами.
Взлетая куда-то...
Туда в небеса!
И улетали до птичьего рая...

Печально молчали...

Вокруг тишина.
Лишь ветра волнения
Нам тихо шептали,
Спокойно шептали,
Что скоро зима,
И чтобы за птицами мы улетали...

Печально молчали...
Тая в ночи.

Холодом молча дышали... дышали.
Встретили зиму в холодной тиши,
Встретили, а затем провожали...

Печально молчали...
Позабыв имена.

Воспоминанья совсем угасали...
Птицы кричат. Вот и весна
Издали шепчет, чтобы встречали...

Печально молчали...

Со снегом прощаясь.
Растаяло все, унесло тишину.
Вокруг расцветали, вокруг оживали
Растения, что ожидали весну...

Печально молчали...

Летние ночи
Не успевали растаять во тьме.
Солнце цвело, они стали короче.
Устало луна плыла в тишине.

Печально молчали...
Привыкая к жаре.

Неразборчиво листья нам что-то шептали...
Глаз не смыкая даже во сне,
О снежных ветрах мы молча мечтали...

Печально молчали...

Опавшей листвой
Лето уставшее с нами прощалось.
Мы наблюдали, как оно за собой
Унести все тепло, что осталось, пыталось...

Печально молчали.
Скучая по птицам,
Что звали на юг, говоря о зиме,
Что, хлопая крыльями, улетали,
Нас оставляя в глухой тишине...

ПАУК ИСКАЛ СВОЮ НЕВЕСТУ

По стене над моей кроватью
Полз черный-черный паук.
По спине моей дрожь пробежала,
И выпала книга из рук,
Я его испугалась...
Маленького паучка!
Я всегда пауков боялась...
Насекомых терпеть не могла.
Не отрывая глаз, я смотрела.
Боялась даже моргнуть —
Вдруг убежит и скроется,
А я буду знать, что он тут!
И вот он замер на месте...
Остановился паучок на стене.
А меня — до костей испугом,
Мурашками по спине...
Я потянулась, не глядя,
За чем-то, чем можно убить...
Убить, придавив негодяя.

И тут же обо всем забыть.
И вот, затаив дыхание,
Его я прижала к стене...
И кричало мое подсознание
Мурашками по спине.
Наконец, облегченно вздохнув
И откинувшись на подушку,
Я подумала вдруг:
«Вот и твоя ловушка...
И был одиноким ли ты?
Или же семьянин...
А, может, ты женского пола
И у тебя где-то сын...
А может быть, дочь, я не знаю!
Может, ты свадьбу ждала
И перед брачной ночью
От руки моей умерла...
И, возможно, увижу однажды
Такого же паука...
Испугаюсь я снова... так же...
Но отпущу дурака.
Отпущу его в темное место!
И зажмурую глаза...
Искал он свою невесту.
Искал паук паука...»

СОБАКА

Меня выкинув за борт волнами,
Корабль пошел на дно...
А где-то в небе над нами
Боги пили вино...
Боги и не видели шторма.
Нет, они просто молчали,
Они все-все людские беды
Вином в облаках запивали.

Не помню, что было после...
Соленый привкус во рту
И море вокруг... только море...
Коралловый замкнутый круг.
Волны, словно руками,
К побережью меня несли...
Волнами и только волнами
Боги меня спасли.
Где-то на полпути к смерти
Открыть смог я глаза,
Первое было в памяти:
«Начиналась гроза...»
...И надо мной было небо,
Но оно мне казалось сном...
А боги все это время
Запивали меня вином.
Выживу я — они знали?
Душой босиком по мраку...
Просто боги со мной играли...
И за жизнь подарили собаку.

Уж много лет прошло
С тех пор,
Как я стал собакой.
И уже не помню свою прежнюю жизнь.
Но чей-то сердечный мотор
Заставляет опять мои лапы
За уходящим солнцем
Поднимать дорожную пыль.

Прячется осень в листву золотую,
Дни ожидания, как тысячи лет...
Хочешь, я солнце средь туч нарисую,
Радуги ленту и солнечный свет?

Синее море прольется над крышей,
И засияет луна маяком.
На расстоянии сердцем услышу
И тишину проникну в твой дом...

2009

Ты стоишь у начала пути.
Выбор сложен, и он за тобой.
Ты мечтаешь любовь обрести
Всей душой, всей душой, всей душой.

Пусть дорога порой тяжела,
И ответ далеко, за чертой.
Ты врагу, что принес столько зла,
Лишь добра пожелай всей душой.

Видя боль, научись сострадать
Даже тем, кто жесток к нам порой.
Зло добром научись побеждать.
Верь, надейся, люби всей душой...

Сентябрь, 2010

Юлия Александровна

Осень пришла, прихватила с собою
Пряные запахи, свежесть из моря.
Мокрый повесила плащ в коридоре
И обнялась, как подруга, со мною.

В рыжие волосы ветры вплетены,
Солнце с собой принесла, чтоб согреться.
Молча глядела, оставила в сердце
Взгляд, в бесконечное небо влюбленный.

Долго потом мы про дождь говорили.
Чай предложила ей с запахом листьев.
Вместе читали мы старые письма
И на закате вдвоем погрустили.

Вот собралась, на прощанье смеется,
Желтые вновь надевая перчатки.
И, обнимая, оставит украдкой
В правом кармане последний луч солнца.

Октябрь, 2010

СКАЗКА ПРО ДРАКОНОВ

За холмом, в старинном доме,
На резных листах ворот
Спят железные драконы
День за днем, за годом год.

Спят закованные в латы
Покорители ветров,
Стерегут в железных лапах
Настоящую любовь.

Не сули мне царств и тронов,
И короны золотой –
Лучше спустимся к драконам
В старый замок под горой.

На пути за чудесами
Станем мы мудрей и лучше,
И тогда великой тайне
Нас привратники обучат.

Но опять мне отвечает
Неудавшийся герой,
Что драконов не бывает
В старых замках под горой.

Он идет дорогой ровной
Мимо скрытых в темноте
Спящих стражников-драконов
На узорчатом листе.

Стерегут резные двери,
Держат каменный засов,
А в могучих лапах дремлет
Настоящая любовь.

Олеся Бессемельцева

МОНОЛОГИ ПОД КЛЕНАМИ

В тенистом парке у ограды,
Где клены нежно шелестят,
Я каждый вечер робким взглядом
Ловлю ваш неприступный взгляд.

Я взорами пишу рассказы
И на страницах грустных глаз
Все вывожу: как вы прекрасны!
Вы — вдаль глядите всякий раз.

Увижу вас — и вновь смятенье
Разрушит стройный мой рассказ,
Мой взгляд влюбленной робкой тенью
За клены спрячется от вас.

В аллеях ветерок влюбленный
Зашелестит густой листвою:
Подумать только — даже клены,
И те смеются надо мной!

Лишь вы один, дыша прохладой,
Заметить так и не смогли,
Что кружева влюбленных взглядов
Все клены в парке оплели.

Но верю, сбудется однажды —
Не утаю свой робкий взгляд,
Сойдутся в кленах взоры наши
И наконец заговорят!

ДОЖДЛИВЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Три дня непогода, уныло и мокро,
В дождливый безрадостный час
Я долго глядела в печальные окна
И думала только о вас.

Как дождик, гитарные струны звучали —
Я слушала вас без конца.
И кто сочинил, чтоб в дождливой печали
Сдавались девичьи сердца?

И падали капли, и струны звенели
Так сладко, что слушать боюсь:
Ведь если зарядят дожди на неделю —
Я в вас непременно влюблюсь!

А капли все пели, шептали о ком-то...
Несносные, злые дожди!
Да как же мне быть, если эта погода
О вас так упорно твердит?

И чистое небо уже не утешит,
И сердце мне шепчет стихами,
Что в ясной погоде найдется не меньше
Чего-нибудь общего с вами.

Мария Цыганова

Мария — заочница Института гуманитарных наук ТюмГУ (учится на последнем курсе).

Чтобы стать настоящим блюзменом, надо родиться чернокожим, на берегах Миссисипи, утолять жажду дорогими виски, много курить и не считать своих приключений. В возрасте лет семнадцати можно попытаться продать свою душу на каком-нибудь особенно безлюдном перекрестке, а после, если покупатель таки свищется, гуть больше десяти лет дышать через губную гармошку, заставляя слушающих тебя плакать от счастья и тоски...

Мне выпало сомнительное удовольствие родиться на берегу одного из притоков Оби. У меня непереносимость алкоголя. Курю я мало, исключительно под настроение. А из музыкальных инструментов играть умею, разве что, на фортепиано, чем с переменным успехом и занимаюсь гуть больше пятнадцати лет своей сознательной жизни...

Не теряй меня, даже если молчу,
Не звоню, не пишу по четыре дня.
Даже если другим городом дышу,
Торопясь необдуманно что-то менять.
Даже если утрачу чувство пути,
А в глазах усталостью — седина.
Не теряй меня в дебрях памяти
Где-то между рассветом и ночью без сна.

Поезд. Время где-то снаружи.
Мысли спутаны.
Простужен голос.
Струны спущены.
Сеть отключена.
Кто придумал,
Что лучше порознь?
Кто сказал, что теперь все правильно?
Мир делить на «с тобой» и «около»?
Поезд, время и осознание,
Что есть ты. Остальное — дорога.

Ты для меня — человек.
Я для тебя — тишина.
Путь от кричащего «нет»
До безразличного «да».
На неконкретный вопрос
Есть невозможный ответ.

Словно упрек первых слез,
Наложенный кем-то запрет.
Имя тебе — серебро,
Мне — ржавой осени медь.
Когда не умеешь молчать,
Начинаешь быстрее стареть.
Комом в горле слова
Клином сошелся свет.
От абсолютного «да»
К бесповоротному «нет»...

ПИСЬМА ИЗ ПОДНЕБЕСНОГО ГОРОДА

I

Пиши мне еще,
В город, где воздух
Стылый, как смерть,
А водка — вязкая ртуть.
Пиши, пока горячо внутри,
И ты способен хотеть
Чего-то кроме —
Есть, спать, говорить.
Пиши, разбивая в прах
Тишины ледяную броню.
Пиши так, чтобы я отвечала тебе
Одним глаголом: «Скучаю...»

II

Расскажи что-нибудь,
А то мне не по себе
В этом городе,
Где зима означает ночь.
Где деревья, продрогшие
До самых кривых корней,

Завидуют птичьей способности превозмочь
Расстояние в две трети самой большой страны,
Оставляя под крыльями
Холод, лед и метель.
Расскажи что-нибудь,
Слова твои очень нужны.
Мне без них так не просто
Продолжать дальше верить
В то, что десять часов к югу по трассе рассвет
Красит бледно-розовым
Тундры заснеженный холст.
И взмывают в стылое небо
Безудержно вверх
Две опоры, что держат над Обью
Сургутский мост...

Михаил Булатов

AVE MARIA

Здесь в легких оседает пыль,
А воздух режут крики
Высокой частоты.
Ложатся голоса в постель,
Но эхо кошкой бродит по углам,
И в каждой мелочи заметен
След пренебрежения.
Давай уйдем туда,
Где места нет сражениям
С беспорядком,
Где бес ночами женщинам
Не крутит пряди.

Я подарю тебе дыхание свое,
Как океан во сне вздыхает.
Растает ночь, как эскимо в июле,
А наши лица все ветра продули,
А наши руки все дожди омыли...

Аве Мария, Аве Мария!

За миг до тишины, пока мы бьемся
Светом в керосинке,
Успей подать мне руку...

Успей подать мне руку на краю,
Возможно, у последнего предела,
Где рвется ткань времен,
Где в белой гавани
Покоятся в пыли
Очерченные мелом
Корабли.

Аве Мария, Аве Мария!

С тобой и для тебя
На полотне стены рисует
Свет огня
Прекрасные картины.

И алой буквой
На черничной мгле луна,
И беглым почерком несутся облака,
Слагая повести на улицах Вероны.

Вороны кляксами расселись
На полях,
А я записываю
Наши сны отдельно
От бесполезной суеты их блох
На дне кофейной банки.

Ты принесла покой
В ладонях лодочкой,
По венам города Венеции,
Твое имя —

Аве Мария, Аве Мария!

ДЖАЗ

Стань моим саксофоном,
Ведь секс — это тот же джаз.
Будь со мной, пой со мной, пой...
Много раз, на связках выходит крик.

Он проник, янтарный свет,
В солнечное сплетение.
Переплетение шелковых нитей,
Свиты волосы в круг
На палитре — бронза и медь.

Посмотреть бы в глаза вечности,
В ледяные глаза посмотреть...

И увидеть себя.
Нам неведомо слово «нельзя»,
Нам неведомо...
Сквозь истому и стоны —
Взгляд.

Посмотри, ты видишь —
Все планеты сошлись
В один ряд,
И на выдох вперед,
И на вдох назад
Бьются волны о пристань.

Стань моим саксофоном,
Стань... Стань... Стань...

33

Она умеет не задавать
Лишних вопросов,
У нее в глазах бог,
А в волосах проседь.
У нее в глазах соль
Обмелевшего океана.
А на руках сидит боль,
Заглядывает в глаза эти,
И говорит ей — мама.

Молча сжимает в тиски
Трудовые будни,
Обтесать по краям
И получатся кирпичи.
Здесь кричи, не кричи —
Не услышат.

Ведь они тоже
Из этого строят
Свое счастье.
И дышат, как мыши.

Ты слышишь,
Как тучно вздыхает
Слон
Внутри этой маленькой
Женщины.

И расползаются трещины,
Лещи и затрещины
Паутиной
По фундаменту
Счастья,
Здесь пахнет рутиной
И потом.
И если что-то менять —
То всегда потом.
А ей каждую ночь
Снится море,
Которого она
Никогда
Не видела.

ТРЕТИЙ РЕЙХ

Твои тонкие желтые пальцы
С едким запахом никотина
Чертят в воздухе кельтские знаки
И сшивают их нитью рифмы.

Шепчут тихо иссохшие губы
На германском наречии проклятья,
И поют гаврииловы трубы,
Вторя слову забытых заклятий.

Вновь по циклу меняются луны,
Взрезав небо кинжалом шамана,
Полыхают, пульсируют руны,
И кричат сотни глоток: «Осанна!!!»

Напоенные теплою кровью
Реют стяги Третьего рейха,
И кривится беззубо старуха,
Содрогаясь в конвульсиях смеха.

Словно Ромул, вскормленный волчицей,
На престол всходит новый мессия.
И орел страшной хищною птицей
Тень отбросил на степи России.

Протянулись жадные руки
К богу новой эпохи погрома.
Скалят пасти фашистские суки —
Дети проклятого Авалона.

ОЛЬГА

Прощание с тобой — как глоток портвейна,
Я безумный пастух облаков на просторах вселенной.
И нет места для двух в круге этого света —
Так оставь мне возможность ответить.

Я прошу у бездомных тепла, у предателей — верность,
Все, что есть у меня, — безысходная ревность.
К отраженьям огней под твоими ногами,
Если б только я смог поделиться забытыми снами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕАПОЛЬ

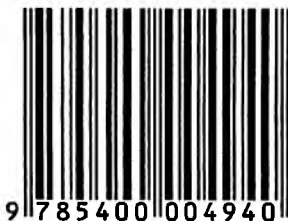
Лет на пять стал моложе, лет на десять стройней, как-то проще и строже, просто чувствую кожей — ничего не тревожит, не скребет и не ноет, ну чего тебе стоит позабыть все обиды, все молчание в трубке, косоногие танцы и предательский вермут, в этой маленькой кухне мы впервые живые, я держу твою руку, через звезды в терновник и обратно на землю, мы уже и не вспомним, как состарились лица, пой и плачь, и тебе все простится.

Литературно-художественное издание

ЗЕЛЕННЫЕ ЯБЛОКИ

Сборник повестей, рассказов и стихов

Редакторы	Л. А. Шмакова, Е. В. Панькина
Технический редактор	Н. Г. Яковенко
Компьютерная верстка	Е. Г. Шмакова
Печать электрографическая	Н. С. Власова, А. В. Башкиров
Печать офсетная	В. В. Торопов, О. А. Булашов

Подписано в печать 01.06.2011. Тираж 200 экз.
Объем 12,0 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 432.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 45-56-60, 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

30p

НОВАЯ ЦЕНА
30 руб. 00 коп.

Чтобы легче работалось,
чтобы чувствовался рядом
локоть товарищей по
нелегкому литературному
труду, авторы иногда
объединяются в творческие
сообщества. Одно из таких
сообществ — наша Школа
литературного мастерства

при МамГУ. В ней не только студенты университета, но и «звонники», молодые прозаики и поэты, которые живут далеко, но хотят чувствовать себя приближенными к творческому коллективу. Пишут, прислают рукописи, ждут обсуждений...

Школа работает уже пятый год. Ее участники печатаются в разных газетах и журналах, выпустили литературный сборник и сейчас подготовили второй — вот этот.

В.П. Крапивин

